АЛЛЮЗИИ СВЯТОГО ПОССЕКЕЛЯ

роман в 4-х временах

1996

Всем нашедшим свой вечный
покой в Берлине посвящается

Была смерть в Венеции.
Была смерть в Риме.
Придет она и в Берлин.

Часть 1

Опыт пляжной жизни

Только «светлый путь» способен разорвать замкнутое пространство.

Революция есть игра на опережение.

«…добавить несколько капель человеческой крови и довести до кипения». (Из рецепта перуанского блюда).

Оригинальность преступления проявляется исключительно в его мотивах; результат – всегда банален.

Под воздействием алкоголя одноименные заряды могут не только отталкиваться, но и, вопреки законам природы, соединяться.

Повторять, повторять, повторять свои ошибки… И доказывать обратное.

Берлин – порт всех морей.

1

Женщина пахнет цветами. Женщина так сильно пахнет цветами. Женщина так сильно пахнет цветами, что можно

подумать: цветы ядовиты. Женщина пахнет цветами в половине девятого утра. Что заставило ее так рано встать? Бессонная ночь? Спортивный образ жизни? Легкое вчерашнее похмелье? Она – в пустом ресторане. На мои шаркающие шаги совершенно не реагирует. Как не реагирует на мой короткий разговор с невыспавшимся официантом. А заодно, на мой стыдливо подавляемый кашель и клубящийся вокруг меня сигаретный дым. Она замерла спиной к двери, позволяя каждому входящему любоваться своим оголенно-бронзовым треугольником. Освещенным из настежь открытого иллюминатора ярким солнечным пятном. И если присмотреться, под левой лопаткой прячется случайная родинка. Она замерла в паре метров от моего стола. Небрежно облокотившись на барную стойку. Совсем по-мужски – уверенно. Совсем по-женски – зная себе точную цену. Стройная. Упругая. Натренированная. Надменная. Длинные бронзовые ноги – без каблуков. Беззащитная бронзовая шея – в плену цепи. В тонких бронзовых руках – бумажный «змий». *Вот сервис! На корабле свежая утренняя газета! Пикантные подробности со всего света! В них нет вопросов – есть ответы! Люкс – к услугам отдыхающих: и полумертвых, и начинающих! В мире пока царствует мир! Да здравствует богатый пассажир!* Женщина читает и пьет из высокого бокала заказанное сухое вино, разбавленное минералкой. Уверенность и легкость ее позы оказываются достаточно обманчивыми. Мне не видно ее профиля, но я чувствую ее мелкие, спотыкающиеся глотки. Она либо торопится, либо волнуется. Либо впервые пьет вино в такую рань. Она внимательно просматривает страницу за страницей. И медленное движение головы это подтверждает. Ищет что-то конкретное. А притормозив взгляд на развороте, выдавливает из себя невнятное, понятное лишь ей одной междометие. Расправленные руки нервозно встряхивают шелестящей бумагой. Я даже успеваю увидеть знакомое, готически выписанное название. Газета вдруг застывает. Женщина тоже

застывает. Нужная ей утренняя новость наконец становится доступной. Находит своего и, вполне возможно, единственного адресата. БЛАГОУХАЮЩАЯ ЖЕНЩИНА ПОЛУЧАЕТ ИНФОРМАЦИЮ. Со стороны кажется, что эта информация для нее важна. Перечитав несколько раз и сделав большой последний глоток, она секунд на десять экстравагантно запрокидывает голову. Почувствовала себя плохо или задумалась? Может быть, ей нужна помощь? Скорее всего, раз-мы-шля-ет… Таким способом? Или играет? Но для кого? Для себя – она по-прежнему в пустом ресторане. И ничто другое сейчас ее не волнует. Мне по-прежнему не видно ее лица, но я продолжаю следить за ее загадочным поведением. Она и не подозревает о моем наблюдении. Она – вся в себе. Она – вся в газете. И не предполагает моего существования. Я – ВНЕ. Я – ВНЕ ПОДОЗРЕНИЯ. Я – ВНЕ ВСЯКОГО ПОДОЗРЕНИЯ. Тогда как для меня ее существование – реальность. Женщина моментально попадает в поле моих фантазий и предчувствий. В поле моей мнительности и предвзятости. В поле моей субъективной эротической сознательности. Чтобы развить свой нагловатый вымысел (или замысел), я сходу придумываю себе (формулирую) арифметическое упражнение, не подчиненное никаким математическим правилам. Я не хочу ограничивать себя собственными знаниями. И потому не подгоняю задачу под заранее придуманный результат. Ей наверняка лет двадцать шесть-семь. Максимум тридцать. У нее светлые крашеные волосы, наспех собранные в ершистый пучок. И морской загар ей очень даже идет. Странно, но за всю первую неделю круиза я ни разу ее не встречал. Нигде и ни от кого не чувствовал этого навязчивого запаха. Ни утром, ни вечером. Ее ни разу не было на пляже. Ее не было ни в одном шумном месте. И в массовках замечена не была. Ну не сидела же она взаперти в своей каюте?! Интересно, каким классом она едет? Сопровождает ли ее кто-нибудь? А если она путешествует одна? Насколько и от кого зависит ее материальное положение? А может, она независима?

Неожиданно женщина теряет интерес к газете. «Еще вина… да-да… с водой…», – голос звучит особенно, почти с тревогой. Но все же твердо. Что могло произвести на нее такое впечатление? Ведь на развороте этой газеты обычно печатают рекламу. Иногда частные объявления. Одним словом, разносолую ерунду. Может быть, она имеет собственное дело? Что-то серьезное… «Завтра я попрошу принести газету вам в номер…» – услужливо выдавливает из себя бармен. Значит, он знает, в какой каюте она едет. «Вы желаете другие газеты?.. Или журналы?..» Что еще он о ней знает? Наверное, она здесь уже бывала. «Нет-нет, спасибо… Я сама приду… Утром, примерно в это же время…» Оставаясь безразличной к любезностям и ни разу не оглянувшись в мою сторону, женщина отпивает последний глоток и надломленной поступью от высокого бедра растворяется за беззвучно болтающейся дверью. Противоположной той, из которой полчаса назад появилась. Бармен бросает вслед робкое: «Будем ждать, заходите…». Я собираюсь переместиться за опустевшую стойку. Я хочу познакомиться с утренней прессой. И не прочь познакомиться с самим барменом. Обычно люди этой профессии располагают любопытной информацией. Более того, полезной. Надо попробовать его чем-то заинтересовать. Хотя, в первую очередь, надо ему понравиться. Надо лишний раз улыбнуться. Правда, до сих пор никто на меня так и не обратил внимания. Пока я усердно докуриваю сигарету. Пока я вглядываюсь в очередную рюмку матовой водки. Пока я остаюсь наедине с умирающим запахом ядовито-манящих цветов.

2

Наш до отвращения комфортабельный плавающий мегаполис пришвартовался в берлинском морском порту. На шестую плановую стоянку. С опозданием на один час. В нечетное июльское воскресенье. На моих часах – 22.30. Тысячи городских сумасшедших собрались поглазеть на младенца-чудовище транснационального судостроения и покричать в его

честь. Столпотворение продолжается и сейчас. Машут чем попало. Пляшут полуголые девицы. В торжественно-шутовском сопровождении явно уставшего духового бэнда. По расписанию причал № 1 мы должны были покинуть спустя двое суток. Но по неизвестным причинам, по слухам, серьезным техническим, ожидание вежливо длится вот уже четвертые сутки. Позавчера за ужином двухметровый капитан, больше смахивающий на играющего баскетбольного тренера, долго и пространно извинялся, виновато обещая уложиться с «пустяковыми неполадками» менее чем в семьдесят два часа. Толком ничего не объяснив. Он также пообещал веселить всех до упаду. Круглые сутки. «Чтобы не скучали даже духи», – цитирую его дословно. Особой радости это ни у кого не вызвало. Но ужинали все бодро, с аппетитом, под звон бокалов и неуместных, а точнее, плебейских шуток. Да, некоторые пассажиры между собой время от времени шепотом возмущались. Тем не менее никто пока так и не покинул судно в самом начале небывалого кругосветного путешествия. Представители страховой компании тут же объявили по внутреннему радио о готовности выдать в течение суток бесплатные авиабилеты в любую точку мира. *Гарантия качества без перебоев! Все во благо богатого пассажира! Все в честь богатого пассажира! Да здравствует богатый пассажир! Лишь для богатых в мире – мир!* С моей точки зрения, ничего смертельного не произошло. Столько уже прождали и еще столько же подождем. В пути всякое может случиться. Поэтому и самые сливки «золотого миллиарда», в основной своей массе старые, богатые и суеверные, смирились. Слава Богу, за бортом – прекрасная погода. Настоящее знойное южное лето. Всем откровенно капризным предоставили лучшие номера в лучших отелях мегаполиса и в придачу многоэтажные автобусы для обозрения. В распоряжении большинства, оставшегося на судне – шикарный пляж с натуральным бразильским песком на верхней палубе. А так же сваренный по индейскому рецепту бразильский кофе. Я

решительно отношусь к числу последних. Я, не гадая, предпочитаю просторную каюту уличной беготне и групповому брюзжанию. Я лучше лишний час проведу в постели, а за городскими миражами понаблюдаю через стекло иллюминатора. Мне достаточно голых крыш. И нет никакого дела до организованных тупых экскурсий и их просветительских эпилогов. Мне безразличны чужие великие символы, чужие великие стены, чужие великие жертвы, чужие великие останки, чужие великие гербы и завоевания. В жару мне безынтересны чужие сражения и чужая история. Впрочем, как и своя собственная. Так что без тени сомнения я предпочитаю горячий бразильский песок. Воображаю бразильское солнце. Пританцовываю под орущий репродуктор бразильскую самбу. Выбираю бразильский стиль. Попиваю бразильский кофе.

3

За стойкой я заказываю еще водки и пачку сигарет. Бармен тщательно протирает зеркальную поверхность. Я внимательно слежу за круговыми движениями его рук.

– К завтраку вы встаете?.. Или вам подают в номер?.. Уже десятый час… – Я приподнимаю голову. Бармен по-собачьи преданно смотрит мне в глаза. – Не шучу… Можете опоздать…

– Я вообще не завтракаю...

– Никогда?!

– Никогда… Вот это и есть мой завтрак…

– Уважаю чужие вкусы…

– Самовоспитание важнее любого вкуса…

– По-вашему, завтрак – это разгильдяйство?..

– Нет, всё гораздо банальнее… Человечество страдает избыточным весом… Вот так и приходится держать себя в форме…

– Вам это не грозит… Если хотите, мы приготовим что-нибудь специально для вас… Экстрадиетическое…

– Нет-нет, спасибо…

– Тогда кофе?..

– Кофе я уже выпил… Налейте, пожалуй, еще рюмку водки… В честь вашей любезности… Или в честь столь замечательного утра…

– Но вы ведь к этой не притронулись?!

– Мне нравится запотевшее стекло…

– …

– Человеком всегда управляют капризы…

– В любом случае, вы выбрали лучший из напитков…

– Это мнение продавца или любителя?..

– Так пишут и говорят повсюду…

– Писать и говорить можно всё, что угодно…

– Реклама – творческое лицо прогресса… Ну конечно, это ее мнение…

– Скажите, а свежие газеты бывают здесь каждый день или только на стоянках в портах?..

– Всегда… Их доставляют вертолетом… Регулярно… В одно и то же время… Вы можете заказать любую газету или журнал к себе…

– Нет-нет, здесь меня вполне устраивает… У вас очень уютно… Да и что может быть приятнее, чем лишний раз прогуляться по кораблю…

– Сюда приносят их в восемь часов… Кстати, они есть во всех барах и ресторанах на всех уровнях… Хотя и не везде одни и те же издания… Сами понимаете, в таком путешествии без прессы не обойтись… Все желают знать, что творится у них дома… Здесь люди со всего света… Откуда вы – гадать не возьмусь… Чтобы не ошибиться…

– Разве это имеет значение?..

– Нет, профессиональное любопытство… Вошедшее в привычку… Некое подобие социологического ребуса…

– И за кого же вы меня принимаете?..

– Наверняка за европейца… Шучу… Мне совершенно все равно, кто мой клиент… Какого цвета его паспорт… Я рад всем… И вам, разумеется…

– И кого же больше на корабле?..

– Особо не задумывался… Со мной все разговаривают на одном языке… Некоторые – с ошибками… Многие – с акцентом… Но о национальности я лишь догадываюсь… Понятно, что я могу отличить австралийца от канадца и южноафриканца…

– А кто была та женщина, которая ушла отсюда минут двадцать назад?.. Она читала вот эту газету…

– Пассажир… Отдыхающий… Турист… Как и вы…

– Американка?..

– Нет… И даже не англичанка… Странно, что вы не слышали ее произношения…

– Вы с ней знакомы?..

– Нет, сегодня я ее видел впервые…

– Я думал, она здесь бывает…

– В мою смену не заходила…

– О, а я тут разнадеялся получить от вас хоть какую-то информацию…

– М-да, она – интересная особа…

– Я видел ее только со спины…

– Считайте, что половину уже видели… Если хотите, я могу вам сказать ее координаты… Ее брелок с ключом лежал рядом с бокалом на стойке… А его белый цвет означает «бриллиантовый» класс, а 524 – номер каюты, на пятой палубе… Это угловой люкс-аппартамент... Когда выйдете в левую дверь, сядете в лифт, подниметесь на пятый этаж, при выходе из лифта направо, мимо нашей картинной галереи… У вас все козыри… Хочу пожелать удачи… Какое морское путешествие без приключения?! Тем более, на нашем сказочном судне…

– Не сохранился ли случайно вчерашний номер этой газеты?..

– Сейчас принесу…

– И еще рюмку водки, пожалуйста…

– Вы же к этим двум не притронулись?!

– …

– Вы не пили…

– …

– У вас к водке чисто визуальный интерес?..

– Можно мне обе газеты взять с собой?.. На пляж… Чтобы не было скучно… Перед ужином обязательно их занесу… Я уже несколько дней газет не видел…

– Никаких проблем… Я всегда к вашим услугам…

– Тогда выпейте рюмку «лучшего из напитков» за мое здоровье… И до встречи вечером…

– Вам в другую сторону…

– Нет-нет, для начала я к себе в номер. – По-собачьи преданные глаза бармена провожают меня до выхода. Я чувствую их затылком.

4

Сильно хлопнув за собой дверью каюты, я тяжелым камнем падаю в бездонное кожаное кресло. Кажется, что заваливаюсь на пол. Однако это не мешает мне без труда достать из холодильника уже начатую литровую бутылку водки и точечно налить полную рюмку. Я наблюдаю, как она по-зимнему чарующе запотевает. «Не гениальное, но все же искусство». Я мирно расслабляюсь. Оптимистично выдыхаю. Примеряюсь. После чего безоглядно выпиваю глотком-залпом. СМАКУЮЩАЯ ПАУЗА. УЛЕТ. ТРАНС. От удовольствия я ударяю скользкой рюмкой о стол. Не разбивается. После чего беру в руки сегодняшний номер принесенной газеты. Начинаю сразу с заинтриговавшего меня час назад разворота. С пристрастием. С путаными мыслями о незнакомке. Я глазами перескакиваю с одного объявления на другое. Все одно и то же. Объявления… Объявления… Продам… Сниму… Даю… Ищу… Хочу… Не за что зацепиться. И не к чему придраться. Сплошная ерунда. Притягивающего – ничего. Жирные и фигурные рамки. Стандартные и выпендрежные шрифты. Просьбы о помощи и предложения. Всё как во всех других газетах: однотипно. СТРАННО! И ради вот этого она так рано

пришла в бар? Не может быть. Все-таки что-то заставило же ее нервничать, театрально вскинуть голову, разыграть мизансцену. Или то был блеф? Смысл? На разрисованной бумажной простыне не вижу ничего, кроме объявлений, примитивной рекламы… Следующую рюмку я выпиваю с не меньшим аппетитом. И опять она не разбивается. Пытаюсь потянуться и извлечь хоть какое-то удобство из неудобной позы. Увы, не получается. Нужно повторить еще одну рюмку. Нужно встать и размяться. Нужно для уверенности взять с тумбочки очки. И проявить лучшие ищейские способности. Я присаживаюсь на край стола и параллельно открываю вчерашний номер. Просматриваю оба разворота одновременно. Скрупулезно сравниваю. Но – все абсолютно одинаково. Просто не верю, что номера вышли в разные дни. Нужно проверить заново. Вчитаться в каждую строку. Обратить особое внимание на все даты и цифры. ТО ЖЕ САМОЕ. Левые полосы как две копии. Стоп!!! В сегодняшней правой есть существенная замена. Стоп-стоп-стоп!!! В нижнем углу напечатано незаметное объявление, которого не было вчера. Да, точно. Вместо информации о пропаже терьера. «Скупаю антикварные вещи из серебра и фарфора. Звонить ежедневно от 8 до 12 часов. Кроме 21 числа каждого месяца…» Возможно, первая теоретическая удача. Или неудача. Странно!!! Ни имени, ни названия. Почему-то не указан адрес. Почему-то акцентируется внимание на 21-ом числе?! Хотя речь идет только о единственном дне в месяце?! Неужели это та информация, которую она так искала и из-за которой в баре был сымпровизирован МИНИМОНОСПЕКТАКЛЬ?! Невероятно и невозможно! С другой стороны, остальное она могла прочитать еще во вчерашнем номере. А может, сыграло отсутствие в сегодняшнем номере сообщения о пропаже собаки? Может, речь шла о ее любимой собаке? А если нет? Какое отношение она имеет к сегодняшнему объявлению?.. Вдруг оно зашифрованное, и в нем скрыта некая информация?.. Для кого? Для нее?.. Нужно срочно позвонить

скупщику по указанному телефону… Нет-нет, нужно сначала разобраться с собакой… Я самоуверенно снимаю трубку. «Соедините, пожалуйста…» Сейчас кое-что должно проясниться. Сейчас важно отбросить любые лишние предположения. «Говорите. – Добрый день!.. Вас беспокоит господин… По поводу вашей собаки… Дело в том, что у меня пропала такой же породы... Ах, она уже нашлась?! Вам очень повезло… Нет, спасибо… Ничего… Будем надеяться, что и мне повезет… Извините.» Версия, связанная с первым объявлением, снимается с повестки окончательно. Итак, другого варианта нет: надо звонить скупщику. С новой рюмкой, естественно, добавляется и новая уверенность. С новым взмахом и ударом по столу – новый азарт. ГЛАВНОЕ, СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ. Какое за окном сегодня число? Де-вят-над-ца-то-е. Который час? Начало одиннадцатого. «Соедините меня, пожалуйста…» Придет ли она завтра за газетой? И в каком настроении? Будет ли на развороте что-нибудь новое? «Ваш номер не отвечает. – Попытайтесь позже еще раз. Если ответит до двенадцати, соедините». Я недоуменно сверяю время на своих часах с тем, что указано в объявлении. Как может не отвечать телефон? Ведь четко написано от 8 до 12. Ежедневно. Кроме 21-го числа. Сегодня 19-е. Ничего не понимаю. Интрига завязывается. Интрига завязывается в крепкий МОРСКОЙ УЗЕЛ… Зависимость таинственной женщины от полученной ею информации очевидна… Я начинаю живописать себе ее образ. Выражение ее глаз. Снисходительную улыбку. Стоп!!! Почему все это меня так взбудоражило? Я даже не видел ее лица! Между нами не протянуто ни единой нити, даже самой утонченной. Только дурманящий запах ядовитых цветов. И не более. Всё это – ПЛОД ЗДОРОВОГО ВООБРАЖЕНИЯ. И не более… Она наверняка едет не одна… А если одна, то кем оплачена ее поездка?.. Интересно, замужем ли она?.. Может, она здесь со своим женихом?.. Как ее зовут?.. Кто она по национальности?.. В моем ли она вкусе, в конце концов? За исключением

увиденного сегодня утром… За исключением нафантазированного… Знала бы она, что о ней сейчас думает кто-то чужой… Знала бы она, что ее загадочной персоне придается столь важное значение… Знала бы она, что с этого момента за ней устанавливается постоянная слежка… Знала бы она, что бессознательно становится неизбежной жертвой… И знала бы она цель моего путешествия… Хотя никто не знает, что привело ее на этот вселенский корабль.

5

Прервав без серьезных причин искусственную связь между реальными мыслями и нереальными желаниями, я бросаюсь назад в кресло-дыру. Односложным прыжком в пол-оборота. Со вскинутыми руками для поддержания аэродинамического равновесия. Безошибочно, с точки зрения меткости. Свободно, с точки зрения настроения. Я жажду сиюминутного физического контакта. Жажду прикосновения. Демонстративно закрывая глаза, жажду молчаливых объятий. Хотя бы тех, что на данный момент может предоставить сконструированное идиотом кресло. Альтернативы, к сожалению, нет. Я тихо предпочитаю примирение с собственным телом излишнему насилию над собственным воображением. И забираюсь в кресло с ногами. Будто прячусь. Мне кажется, что я скрываюсь от самого себя. *Я чувствую себя пассажиром! Пассажиром всегомогущего мира! Полным мучительной гуманности и вынужденного сострадания! ПАССАЖИР МИРА – для избранных призвание!* Обе газеты остаются беспризорно разбросанными на столе. К ним больше нет интереса. Их ежедневный вымысел остается невостребованным. Мне плевать на их профессиональную злость. Злости и у меня хватает. Наоборот, от нее хочется, наконец, передохнуть. Хочется просто отдохнуть. Без застывшего перед глазами подозрительного объявления и думается по-другому. И чувствуется. Хочется смелее фантазировать, например, об идеальном для следующего

залпового глотка тосте. ЗА УСПЕХ БЕЗНАДЕЖНОГО. Хочется чуть-чуть побывать в шкуре безнадежного. Тем слаще будут предстоящая победа. *Богатый пассажир выбирает мир! Но лучше его отправить в тир: нужна мишень! Стрелять – не лень!* В мозгу зарождается совершенно ненужная беспричинная мучительность. Опять будоражит пристойная уродливая сентиментальность. Мне ни с того ни с сего становится жаль распластанную на бархатном песке разгоряченную толпу. Задолго до исполненного срока. Я презираю всех вместе и каждого в отдельности. Неужели и в них течет кровь?! Сомневаюсь. Она из них только иногда брызжет. Заставая их, как правило, врасплох. Я верчу перед собой потрепанное квадратное фото обнаженного Че Гевары в черном берете с калашниковым в руках. На белом фоне безлюдного летнего пляжа. Внутренний голос призывает меня к движению. К хладнокровному, рассудительному. В РАЗГАР СЕЗОНА. НАПЕРЕКОР ВСЕМУ. За каждой фотографией числится своя личная история. За каждой историей числится свой личный фотограф. За каждым фотографом числятся свои личные слабости. Звенящее постукивание наполняющейся рюмки о бутылку стихает в гудке короткой портовой сирены. С восстановлением подпольно-мертвой тишины рюмка тут же отказывается от ожидания. ФОТОГРАФИЯ НА СТОЛЕ. Вот когда пьется с революционным воодушевлением. Поднимается утренний тонус. Подтверждается врожденный смысл жизни. (Только сейчас мне впервые приходит в голову, почему все революции начинались именно утром). Эта фотография превращает меня сейчас в твердого человека. Уводя в сторону от состоявшейся час назад полувстречи в баре. Приводя в состояние полной серьезности. Без оговорок, честно определяя местонахождение истинного Я. Где-то между EGO Юнга и LIBIDO Фрейда. Хотя Бог с ними. Впрочем, правильнее будет: БОГ с ней. Каждая минута вычитается из ее же актива. Интересно, чем она сейчас занимается? В гордом одиночестве заканчивает завтрак? Или, может быть, отдыхает? Или

собирается в город? На тематическую экскурсию? Или перед зеркалом готовится к пляжу? Судя по ее цвету кожи, она любит там появляться. А если появится сегодня? Хотя бы после обеда. Хотя бы на часок. Ну какая знающая себе цену женщина не любит демонстрировать свое тело? Перед видавшими виды богачами-эксцентриками. Среди политиков-завистников-созерцателей. Чтобы подразнить глаз состоятельных импотентов-ценителей. Тем более в столь неординарном бразильском интерьере. *Настоящим пассажиром чувствует себя только богатый пассажир! Он непринужденно выбирает пир, когда ему опротивел мир! На смену стоптанной морали приходят заморские ралли!* «Ваш номер телефона не отвечает… – Спасибо, придется завтра попробовать еще раз… Он не может не отвечать… Там живут мои родственники… Мне необходимо с ними связаться… Не случилось ли чего… И если можно, без повторного заказа… Хорошо, примите его сейчас… В это же время, пожалуйста… Нет-нет, другое не устраивает… Только от 10 до 12…» Да, здесь есть нечто дьявольское. Газетное объявление, за которым нечто стоит. Наверняка завтра это окончательно подтвердится. Моя интуиция не может подвести. И прогноз окажется результатом?.. Что б все это могло значить? Мне кажется, вполне возможно детективное продолжение. Нужно вечером прогуляться мимо ее номера. Хотя насколько это безопасно?.. М-да!!! Бармен прав: какое путешествие без приключений?! М-да!!! Информацию нужно получить о ней по максимуму. Превеселая история. Ха-ха!!! Фотографию Че я аккуратно кладу в бумажник. Беру с собой. И с ехидной улыбкой наливаю последнюю рюмку. В сопровождении этой же улыбки пустая бутылка с грохотом летит точно в урну: очередные два очка. Я быстро переодеваюсь для пляжа. Тороплюсь. Будто меня торопят. Может, меня там ждет сюрприз? А может быть, произойдет случайная встреча? Ситуация упрощается. СИТУАЦИЯ УСЛОЖНЯЕТСЯ.

6

Сотни голых богатых пассажиров стоят, сидят, ходят, лежат. Только чайками в синее небо не взмывают. Только окурками за борт не падают. Сотни голых пассажиров по собственной воле прикасаются к кислотному солнцу, до боли наслаждаясь его невидимыми садистскими лучами. Они по-инквизиторски себя изжаривают, демонстрируя миру массово-активную рекреацию. Сотни некрасивых, изредка красивых пассажирских тел сливаются в единую палитру с горизонтом, зеленой водой и бразильским, по цене золота, песком. И только при таком сочетании они согласились отправиться в это неземное и самое дорогое трансконтинентальное путешествие. Порок прячется в пассажирской наготе. Стесняясь, в первую очередь, себя. Все стараются не глядеть в наивные глаза друг друга. Им не дано хотеть друг друга. ЗНОЙНОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ + СОЛЕНОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ = ОТВРАЩЕНИЕ К ПАССАЖИРУ. Искусственное море – птичий базар. Нет, людской. И удовольствий никто не отменял. Все они – в разноцветном каталоге. Листайте внимательно. Если искать, то найдете по вкусу. *Для богатых пассажиров – богатый выбор! Им – мир по плечу! И любой калибр по карману! Медовый месяц – противопоказан! Медовый же день – хоть с утра заказан!* Любуйтесь. Рассматривайте. Вдавайтесь в подробности. Желающие могут потрогать руками. Могут ущипнуть игриво. И будто пред зеркалом постучать имплантированными зубами. Качество печати дает возможность ощутить бархатистость кожи. Густоту и пышность прически. Чувствуете, как ваш клиент ухожен? Берите – не хочу. Ешьте – не хочу. Не бойтесь, контакт – несложен. Платите тем, что покупаете. Плюс таблетки на выбор. Вы даже и не подозреваете о вашей силе. Точнее, мощи. Запрограммированная честность сделки. Здесь нет подделки. Товар – знак качества. Чего же проще? Фирма действительно гарантирует. Иллюстрированная витрина – а-ля натура. Смотрите внимательно. 240 страниц удовольствий. Вам

доступен любой век. И вы доступны любому веку. Ах, вы не любите блондинов? Здесь есть брюнеты. Есть пополнее. Есть помоложе. Для любителей мальчиков-девочек что-нибудь сладкое есть? Не вопрос. Разумеется, тоже. Хотите – с шоколадом и льдом. Хотите – с джином. Главное – будьте внимательны. НЕ ПРОЛИСТАЙТЕ МИМО. Заказ принимают на нижней палубе и только в устной форме. ДОЛОЙ КОМПЛЕКСЫ! ДОЛОЙ ПРОФОРМУ! Невидимые огненные «стрелы» продолжают обугливать пассажирское месиво. Вокруг – чучела, чугунно-пепельные. Куда исчезла их стыдливая пассажирская белизна? Все одинаковы. Все – близнецы. Металлонегры. Заведены до пределов. Налиты до краев. Не обманул на сей раз жаркий день. Не обманет никого и долгожданная ночь. Пассажирская мечта сбудется – вас выпьют и высушат. *Потребности богатого пассажира – отрезать лучший кусок полнокровного пира! Придумать оправдание святое! Отведать вдоволь перуанское жаркое!* На нижнюю палубу Бога не пустят. И тайным ходом не проведут. Там рай для земных. Там рай для плоти. А что с нутром? Во тьме его не видно. Его даже не слышно. И его не потрогать. НУТРО – ДЛЯ БОГА. НУТРО – НЕДОТРОГА. Хиленькие ваши мускулы определят ваш стиль. Универсальность позы – жанр. Раскрепощение. Вот главная из норм. И не вздыхайте. Не пугайте и не пугайтесь. Вы – человек счастливый. Вы – человечек с шармом. *Богатый пассажир открывает для себя новый мир!* Ах, вас задели локтем! Извините. Здесь мало места. Сегодня здесь тесно. Будьте так милы-добры-любезны, подвиньтесь, простите. Вы тянетесь. К вам тянутся. И наконец – вы уже рядом. Вы – уже вместе. Друг друга касаетесь-соприкасаетесь. Почти обнимаетесь. Взаимной щекотке сопротивляетесь. От прошлого на целую ночь отрекаетесь. Вот парадокс: находкой в постели являетесь. Вас мучает жажда? Хочется пить? Но чем ее утолить? Есть манго. Прохладное пиво. Вы опять так любезны. Почувствуйте, как полночь парит. Осторожно, сгоревшая кожа болит. А где ваш любовный

порыв? Касаются телом – вам сразу жарко. Касаются взглядом – январский мороз. Вам стыдно? Да нет уж, куда там. Неожиданно ветром подуло. Одернул озноб… Смущает вас родинка? В ней прелесть и страсть. Ну, как хотите. Продолжайте искать. Грустных нет. Все улыбаются. Одни из радости. Другие из гордости. Всем – по максимуму. Ото всех – по способностям. Для всех – комплименты. Все довольны. И жизнью. И собой. И вами. И нами. Нет, не пассажирским «друг другом». А купленным новым другом… Кому-то захотелось поплакать?! Поднимайтесь наверх. Еще лучше – сразу в воду. Слез видно не будет. И вас тоже… Плохое настроение? Вам не хватило ласки? Купили бы на пару ночей вперед. Зачем себя мучить?.. Ну ладно, и родинка сойдет… Вот так бы с самого начала!.. *Богатый пассажир приручает мир! Ты – новичок, но все желанья стары! И сытно полежать! И отдохнуть слегка! У Кортасара есть нюанс: залезь в бутылку сам! Иначе затолкают, задавят, втопчут в грязь! И вместе с грязью обглодают!*

7

Я устаю наблюдать за плавящимся от солнца пляжем. Кто встает. Кто уходит. А кто лишь переворачивается, не уставая отчаянно жариться. Вокруг никого, даже близко напоминающего мою незнакомку. С ее-то внешностью ей наверняка под силу более серьезные затеи. Я стряхиваю с ног песок и лениво обращаюсь лицом к океану. Хочется прикоснуться запекшимися губами к прохладе. Хочется хотя бы глоток прозрачной пресной воды. Хочется пить. «Мертвые петли» неугомонных чаек напоминают скорее запутанную электрическую схему, нежели хаотичность и лишенную смысла беспорядочность. Они выдергивают из моей бурлящей головы мысли и вплетают их в некую бесконечную незамкнутую цепь. Я уже подумываю, как бы смыться с этого пляжа. Хотя сопровождающий меня почти полтора часа чей-то старческий кашель раздражает теперь меньше. Он остается за моей спиной, продолжая истерично вырываться из ошпаренной дистрофичной груди. Моментами создается

впечатление, будто это нагло фальшивит солист разъяренного хора чаек. Без оркестра. Если внимательно не прислушиваться. Если не оглядываться назад. Слава Богу, разбрелись полумертвые бриллиантовые старухи, не без кокетства скалившие свои белозубые редуты. Агрессивные рентгеновские лучи боле не просвечивают их, как разглаженную папиросную бумагу. И не проводят над потерявшими практически все признаки пола лженаучных бионических экспериментов. Так что еще шевелящиеся покойницы могут безмятежно отдыхать от моего ненавистнического глаза. Совершенно не подозревая о моем существовании. По собственному желанию я отказываюсь быть наблюдателем. (Вот бы кто от этого расстроился!!!). Я отказываюсь быть свидетелем. Я отказываюсь быть действующим лицом. Сейчас можно без отвращения вздохнуть и снять солнцезащитные очки. Чтобы предстать пред миром. Чтобы увидеть мир. Чтобы увидеть мир в цвете. Чтобы увидеть собственно цвет. Я пользуюсь снисходительным благодушием спокойного океана и окончательно отворачиваюсь от преследующей меня действительности. Не хочется заводиться по тупым второстепенным поводам. Хочется побольше накопить сил. Надо еще ПОТЕРПЕТЬ. Слегка отойти от бредовой пляжной дремоты. Зарыть в песок опротивевший каталог удовольствий. Хотя бы малость протрезветь от водки и беспощадного солнца. Глубже вдыхая соленую рыбью свежесть. Ощущая себя дисциплинированной и пропорциональной частицей иногда оживающей в моих глазах природы. Водка в такую погоду, как масло в огонь. Нельзя перегорать раньше времени! Сегодня меня ждет реально серьезный вечер. Пора произвести конкретные математические расчеты. Чтобы определить четкий план дальнейших действий. Нужно мысленно устранить все теоретически возможные препятствия. И предварительно принять окончательное решение. То есть во что бы то ни стало компенсировать четыре дня адаптации и безделья. ИДЕЯ –

ПРЕВЫШЕ ВСЕГО! БОРЬБА – ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ! Да, неплохо бы, в конце концов, где-то отыскать так заинтриговавшую меня незнакомку. Независимо от субъективности и цены обстоятельств. Но не в ущерб ИДЕЕ. Сия особа стала бы для меня милым поощрением. Я уверен в ее раскрепощенной привлекательности. Но и уверен, увы, в ее закомплексованной подозрительности. Скорее всего, я попал на особый криминальный след. Сомнения минимальны. Правда, все подтвердится лишь завтра. Готовым к любому развитию событий нужно быть уже сегодня. Для начала необходимо войти в более естественный (тесный) контакт с барменом. Нужно как-то пикантно ему угодить. Только он может раздобыть неоценимую информацию. Заодно четко смоделировать и организовать случайную встречу. Только ему по силам выяснить весь распорядок ее дня. И с кем она едет. Он наверняка «пашет» на внутреннюю службу безопасности. Он производит впечатление опытного «спеца». Включая совместительство. Именно потому его можно подкупить. Что есть тоже профессиональная «специфика». Я ловлю себя на буквальном повторении утренних рассуждений. «Бармен – сейчас самый нужный для меня человек. Так что стоит попробовать стать самым ценным клиентом и для него…» Не исключено, что о ней он уже знает все. По своей инициативе. Ха-ха!!! Кстати, и обо мне тоже. Вот где стоит быть очень осторожным и внимательным. Не переиграть бы. В запутанной ситуации ошибки могут оказаться неисправимыми. Ровно в 16 часов буду у него. Пора вернуть «зачитанные» газеты. Очень подходящий повод. Для затравки интриги. А может, и для завязки узла. Об объявлении, конечно, ни слова. Это касается исключительно меня. И пускай останется моей личной тайной. Я проведу собственное расследование. По своим законам и своими методами. Без осуждения и вынесения приговоров. ПРЕСТУПЛЕНИЕ – ПРИВИЛЕГИЯ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ. У незнакомки тоже есть такое право. Сия круговерть прельщает меня с точки зрения любопытства. С

точки зрения лишь сексуального любопытства. Потому что любое преступление по-своему сексуально. И я хочу познать, почувствовать эту сексуальность. Сексуальность задуманного ею преступления. Неважно, против кого оно направлено. Даже если против меня. Даже если против сего плавучего города. Даже если против человечества. Я хочу доставить себе удовольствие. Никто не может мне в этом отказать. Тем более, помешать. Я готов превратиться в соучастника еще неизвестного мне преступления. И я готов нести за него любую ответственность. Я даже готов принести себя в жертву. В жертву этому преступлению. В качестве благотворительности, безвозмездно. Остатками последних сил я приподнимаю свое расплавленное тело. Ноги не чувствуют опоры. Передо мной раскачивается бледно-зелено-желтая бесконечность. Вокруг – никого. Я – в невесомости. Неужели существует в мире человек, кому понятны мои мысли?! Нет, не тот, что на фото в кармане! В жизни! Кто со мной не на словах солидарен?! Есть! Уверен! Я ощущаю парадокс взлета. Я ощущаю себя каплей бездонного мирового океана. Я ощущаю в себе момент интенсивного слияния подпольного преступного эгоизма с легальным преступным альтруизмом. Вот он – момент придуманной интимной близости. Момент рождения ПРЕСТУПНОЙ ИСТИНЫ.

8

Шумное, но без травм приземление в незаправленный квадрат многоместной подвесной кровати в прохладном (свободном от пылающего пляжа) номере происходит по скорректированному утренней водкой графику. Значит, на возвращение в полноценное сознание остается всего минут тридцать. И надо обязательно успеть. Собраться с мыслями и телом. И придать им единую форму. Собрать разбросанные на столе газеты. И отыскать между всеми своими действиями приемлемое равновесие. Причем не свалиться бы с ног. А это уже – смесь храброго искусства и осмысленного спорта. БЫСТРЕЕ. ВЫШЕ. СИЛЬНЕЕ. И что сейчас важнее всего,

УМНЕЕ. Я со злостью бросаю в сторону сорванную с входной двери желтовато-красную пластмассовую табличку «Прошу не беспокоить!» (летит она здорово) и умышленно выделяю себе пять минут для профилактического антисна. Хочу только закрыть глаза. И только на пять минут. Я НАЧИНАЮ СЧИТАТЬ ДО ТРЕХСОТ. Если взглянуть на сцену сверху – брошенный на снегу розово-коричневый труп, кажется, дышит. Лишь при таком космическом перепаде температур возможно в очередной раз задуматься о благородстве обыкновенного человека и неблагодарности человечества. О полнейшей несовместимости индивидуальной морали и навязанного миру общественного потребления. Ну как люди не могут додуматься соорудить памятник тому великому умнику (или группе умников), который придумал кондиционер. Неважно, в какой стране он жил и где будет находиться символизирующий холод в жару монумент. Неважно, чье имя будет на нем написано и на каком языке. Ясно лишь, что не на Южном или Северном полюсе. Как ясно и то, что надпись должна быть сделана огромными буквами. В человеческий рост. Это должен быть вечный памятник самому гуманному из жестоких. Самому бессмертному из смертных. И мне кажется, он должен выситься в центре Сахары. *Богатый пассажир выбирает прохладный мир! Когда вызывает рвоту раскаленный страстями пир! Когда на старости вспоминаешь Новый и Старый Заветы! Когда смерть из-под прозрачного савана шлет горячие приветы!* Принужденно давясь, я обреченно глотаю известковую таблетку от головной боли. Вперемешку с остуженным воздухом. Вперемешку со сгущенной слюной. Апатично пошевеливая нижней челюстью. Наискось поглядывая в окно на невскипающий океан. Стакан газированной воды подтверждает правильность моих действий. Это одна из реальных мер скорейшего возвращения (прихода) в себя. Кажется, смерть от солнца (даже обморок) мне больше действительно не угрожает. Приняв колючий массажный душ и обильно увлажнив тело питательным

кремом, я довольно быстро восстанавливаю увядшие на солнцепеке дыхательные и двигательные функции. Мне уже хочется физически себя размять. Например, сделать простенькую зарядку. Типа бега на месте. Уже хочется почувствовать внутреннюю сверхэнергию. Может быть, даже выкурить сигарету. Может быть, даже выпить рюмку кристальной беленькой. Но только одну-единственную. Я говорю себе правду: одну. Для преемственности. Для стабилизации. Что с удовольствием я сейчас (сию секунду) и сделаю. Начатую бутылку ставлю назад в холодильник. Думаю, что в сочетании с таблеткой будет достигнут желаемый эффект. Оживаю. И настроение оживает. Активизируется в положительном направлении. Я активизирую все свои мысли в направлении бара-бармена. Через десять минут нужно быть там. Я уверен, что меня ждут. Нужно только поторопиться. Начало осуществления задуманного плана намечено на 16.00. Стоп-стоп-стоп! Не забыть бы самое главное! Не суетясь, я тут же двумя щелчками снимаю на пленку развороты обоих номеров газет. Вдруг утром что-то не заметил. Или проигнорировал. Я крупным планом снимаю интересующее меня объявление. Снимаю еще и еще. Все должно быть обязательно задокументировано. ИСТОРИЯ – МЕЛОЧНА. ИСТОРИЯ – КРОХОБОР. ИСТОРИЯ НУЖДАЕТСЯ В ПОДРОБНОСТЯХ. Будто спохватившись, я достаю из портмоне отдохнувший от моих глаз революционный портрет Че и кладу его рядом с «конандойлевским» объявлением. Какой коллаж!!! По-моему, смотрится. Если чуть напрячь воображение. Если расшифровать обе составные. С ехидством я еще пару раз настойчиво щелкаю затвором. ИСТОРИЯ НУЖДАЕТСЯ В ИМПРОВИЗАЦИИ. Хотя что общего между настоящей исторической фотографией и публичным объявлением (пусть даже преступным по сути)? Скорее всего, ничего. Но можно пофантазировать. Потом ПЕРЕфантазировать. Потом взять и опровергнуть. Потом ПЕРЕопровергнуть. ИСТОРИЯ

НУЖДАЕТСЯ В ФАЛЬСИФИКАЦИИ. История всегда в чем-то нуждается. История всегда в ком-то нуждается. Хотя в своем выборе разборчивостью и высоким стилем она никогда не отличается. Оттого на ее соблазнительно обнаженном горле нужно постоянно держать наготове жесткую натренированную руку. Чтоб в самый необходимый момент (момент опасности или даже момент отчаяния) перекрыть доступ отравленного кислорода. Конечно, надолго сил не хватит. Однако само удовольствие от способности к сопротивлению, то есть удовольствие от способности к насилию, не может и не должно быть долгим. Иногда бывает достаточно всего несколько банальных секунд. Но эти секунды сотрясают бетонно-каменную землю. Перемешивают небо, песок и соленую воду. Уничтожая звук. Окрашивая все в один цвет. СЕКУНДНЫЕ СОТРЯСЕНИЯ МИРА – ВЕЧНЫЕ ПОТРЯСЕНИЯ ИСТОРИИ. Оставив в покое сложенные газеты, оставшиеся минуты я провожу перед зеркалом. В полный рост. Точнее, перед самим собой. Еще точнее, с самим собой, tete-a-tete. Никаких внешних изменений я в себе не замечаю. Кроме мягкого порозовения. Все вроде бы на месте. И легкая небритость. И злобное добродушие на стыке бровей. И бессмысленная квазимечтательность в треугольниках глаз. Но если неожиданно улыбнуться (сыграть), несложно ввести противника в заблуждение. Можно застать его врасплох. Кстати, и себя самого тоже. Тем не менее надо чаще улыбаться. А еще лучше больше и разнообразнее открыто смеяться. *Богатый пассажир без сомнения выбирает веселый мир.* Я несколько раз, как на репетиции, улыбаюсь. Пора. Пора идти в наступление. Я встряхиваю часы. Время встряхивает меня. Возвращение в сознание состоялось. Контроль над телом восстановлен полностью. Я подмигиваю себе в зеркале. И зеркало не трескается. В дальнем углу каюты я поднимаю с пола табличку «Прошу не беспокоить» и, с задором хлопнув за собой дверью, вешаю кусок пластмассы на прозрачную ручку. Отмашка рукой с газетами ставит точку: 16.00.

9

– Похоже, вы замечательно отдохнули… Не в пример многим… И выглядите на отлично… Любите вы себя… Браво… – Бармен тщательно встряхивает коктейль для единственного посетителя, скучающего в углу зала.

– Погода замечательная…

– А как вам наш бразильский пляж?..

– Как в Бразилии…

– Ха-ха-ха… Вы – шутник… Но латиноамериканский колорит действительно есть… Не правда ли?.. Тем более при таком солнце… Кстати, дизайнером верхней палубы был бразилец…

– Большое спасибо вам за газеты… Скучать на пляже не пришлось… Каждый день столько всего происходит… Уследить просто невозможно…

– Вы знаете, я газетами совсем не интересуюсь… Как и журналами… Мне кажется, что все повторяется… Изо дня в день… И лица те же… Теленовостей краем глаза, а то и краем уха всегда достаточно… А если случится что-то посерьезнее, обычно находится посетитель, который все в подробностях перескажет… Ему же надо с кем-то поделиться… Да и откомментировать заодно… Конечно, с прогнозами… Есть любители, для которых передача информации – это жизненное хобби… И спорт с азартом одновременно… Даже не представляете, сколько всего приходится выслушивать… А сколько противоположных мнений?.. Дискуссионный клуб… Можно самому газету выпускать… Толстенную…

– У вас решительный ход мыслей…

– Не люблю нагружать себя лишней информацией… Но иногда приходится…

– Я думаю, это специфика вашей профессии…

– Все!.. Освободился… Теперь я к вашим услугам… Кофе?.. Водка?.. Сигареты?.. Или, может быть, что-то экзотическое?.. Совсем-совсем диковинное?.. Я способен удивить…

– Да, угадали… Все правильно… Только сразу минус экзотическое… И плюс стакан холодной воды... Можно бросить пару кусочков льда… Для подстраховки…

– По-ни-ма-ю… Начнем с воды…

– Можно все сразу…

– Я вижу, у вас хорошее настроение…

– Стараюсь его поддерживать…

– Попробую вам помочь…

– С вашей легкой руки и с помощью вашей интуиции я еще надеюсь на приключение…

– Вы имеете в виду ту даму, которая заходила сегодня утром?..

– Будем считать, что вы опять угадали…

– Вы не умеете скрывать своих чувств…

– От вас у меня нет секретов…

– После того вы ее уже встретили?..

– Нет, до сих пор я даже не видел ее лица… Мисс Загадка…

– К сожалению, у меня для вас информация не самая радостная…

– То есть…

– Она была здесь час назад… Пила кофе… Вон за тем столиком…

– Одна?..

– Вот именно, что нет… В сопровождении молодого мужчины… Лет тридцати пяти… Как мне показалось, профессионального спортсмена… Явно по боевому виду спорта… Что-нибудь типа бокса… Или американского футбола… Скорее всего, он возвращался с корта… У него был уставший вид, а в руках была сумка с теннисными ракетками… Она же выглядела великолепно… Гораздо лучше, чем утром… Отдохнувшая…

– Может быть, это случайное знакомство?..

– Нет… Вошли они вместе и сидели около двадцати минут… О чем-то довольно серьезно разговаривали… Во всяком случае, без улыбок… Говорила в основном она… Все

время курила… Он пытался пару раз ее перебить… У нее это вызывало легкое раздражение… Хотя, по-моему, каждый остался при своем мнении…

– Вы полагаете, это был ее муж?..

– Думаю, нет… Но в том, что они друг друга знают давно, нет никакого сомнения… Присутствуют ли между ними любовные отношения, трудно угадать… Во всяком случае, пока непонятно… По жестам и взглядам разговор больше походил на деловой…

– Что означает слово «пока»?.. Вы считаете, что они здесь еще появятся?..

– Наверняка… Где-то же надо встречаться… Стоп!!! Объясняю… Здесь есть еще один существенный нюанс… Он все время вертел в руках ключ от номера… Она же, собираясь уходить, достала из своей сумки другой… Тот самый, который сегодня утром лежал здесь, на стойке… Я этот ключ сразу узнал… Его брелок отличается от всех остальных… Номеров этого класса на нашем судне всего двадцать четыре… Так что, скорее всего, они едут не только в разных номерах, но и разными классами… Во всяком случае, есть реальная надежда… Значит, надежда появляется и у вас… Даже мне становится интересно… Ведь вы еще не видели ее глаз!..

– А ушли они тоже вместе?..

– Да, в ту же дверь, в которую и вошли…

– Скажите, а этот бар – ближайший к ее номеру?..

– Нет, конечно… От этого места только до картинной галереи можно насчитать минимум с десяток подобных точек… Плюс игровой зал с тремя барами... Какой путь ни выбрать, по дороге подобных заведений избежать не получится…

– Странно… Что же тогда ее сюда тянет?..

– Может быть, забрела случайно… Прогуливаясь по кораблю…

– Случайно два раза в один день не бывает…

– Может, они наоборот выбирают место для встречи подальше от…

– Да, но утром она была здесь одна…

– Может быть, это была только разведка…

– Все очень странно…

– Вариантов, как и случайностей, множество…

– К тому же, все очень смешно, романтично и чуть-чуть криминально…

– Есть завязка для приключения…

– Вы считаете, что еще будет развитие?..

– Не торопите события…

– Думаю, что по этому поводу надо выпить…

– Ваша рюмка уже ждет вас…

– Для четности сразу налейте мне еще одну…

– Надеюсь, в этот раз блефовать не будете?..

– Если вы мне составите компанию, то…

– Я понимаю, что в одиночку пить скучновато…

– Нет, мне хочется выпить именно с вами…

– Хорошо… Но…

– За взаимопонимание… Между нами…

– Хорошо… Только одну рюмку… Хоть это банально звучит, но я все-таки на работе… Мне еще больше трех часов стоять здесь…

– Обещаю вам ограничиться этим тостом…

– Хорошо… Я тоже предпочитаю водку… Только я пью со льдом…

– Скажите мне вот что… Гм, а можно ли получить какую-нибудь информацию о «нашей» даме?.. Навести какие-то справки… Ведь уже известен номер, в котором она проживает… Ну, хотя бы самый минимум… В конце концов, отправилась она в круиз одна или?.. Может быть, этот спортсмен – всего лишь ее телохранитель?.. Сейчас это основная загвоздка ситуации… Вы сами понимаете, что я имею в виду… И есть ли смысл копья ломать?..

– Наша центральная служба информации официально таких справок не дает… Вообще… Ни о ком… Разве это странно?.. О вас, кстати, тоже… Контингент отдыхающих на нашем корабле особый… И случайных людей здесь нет… Для вас это не новость и не секрет… Правда, в сервис-центре сегодня вечером дежурит мой приятель… Я попробую ему по-дружески объяснить… Вдруг удастся уговорить… У него есть доступ к анкетам пассажиров… Не знаю, рискнет ли он?.. У всех свои слабости… И проникнется ли он пониманием к вашей…

– За успех безнадежного!.. Это мой любимый тост… Но вам я больше не предлагаю… Я люблю пить с самим собой… В том есть особый знак… Повторите мне сразу две рюмки… Водка действительно царский напиток… И воды похолоднее…

– Мне кажется, у вас природное чутье на женщин… Ни разу не увидев ее лица, вы, по-моему, нарисовали в своем воображении целую галерею ее тайных образов… И я уверен, что ни в одном из них не ошиблись… Хотя между собой эти образы вряд ли имеют что-то общее… Вы всегда столь чувствительны при первом знакомстве?.. Вернее, я хотел бы спросить: вы всегда так относитесь к женщинам?..

– Есть подозрение, что к «нашей» даме вы тоже неравнодушны…

– Ха-ха-ха-ха… Я неравнодушен абсолютно ко всем своим посетителям… Без исключения… И к вам, между прочим, в том числе…

– Тогда следующую рюмку я пью за вашу безответную любовь ко всем посетителям… Думаю, что это чувство требует безграничного личного мужества…

– Специфика моей профессии… Любить и никогда не быть любимым… Я рад, что вы меня понимаете…

– Скорее, я вам сочувствую…

– Благодарствую за откровение… Не каждый на него способен…

– В таком случае мой тост «за успех безнадежного» имеет к вам непосредственное отношение… Дай Бог, вы когда-нибудь его реализуете… Или, по крайней мере, у вас он тоже станет любимым…

– Уговорили… Я не могу за этот тост не выпить… Уж очень хочется… Чего-нибудь ответного… Ха-ха-ха-ха… Но это – точно моя последняя рюмка…

– Не зарекайтесь…

– Хоть посмеялся в удовольствие… Дай Бог, чтобы и оно было не последним…

– Не хнычьте зря… Последним удовольствием может стать только преступление…

– Не пугайте меня… Какое еще преступление?..

– О-о… Любое, которое в удовольствие совершить…

– А как же быть тогда с наказанием?..

– Наказание – это плата за удовольствие…

– Мне кажется, вы жизнь подстраиваете под некую философию…

– А должно быть наоборот?..

– Стоп!!! Спокойно!!! Не оборачивайтесь!!!

– Что-то произошло?..

– Фантастика… Они опять появились…

– Кто они???

– Те, кого мы с нетерпением ждем… Ваша дама… Со спортсменом… Она махнула мне рукой… Улыбнулась… Сейчас они располагаются в углу зала…

– Гора сама идет к Магомету…

– Что это?.. Неожиданность?.. Или закономерность?.. Явились словно духи по нашему вызову… Правда, отдает мистикой… К ним подходит официант… Она суетливо меняет место… Опять садится спиной к стойке… Хотя, наверное, надо сказать: спиной к вам… Опять не увидите ее лица… Официант берет заказ… Судя по тому, что они закажут, можно просчитать время, которое собираются здесь провести… Надо

что-то предпринять… Давайте… Соображайте… Разговор с официантом короткий… Он торопливо возвращается…

– Во что она одета?..

–Короткое красное платье… Белая сумка… Прическа та же…

– Как мне на них взглянуть?..

– Сделаем вот что… Слушайте меня внимательно… Они заказали только кофе… Это займет приблизительно полчаса… Вы идите сейчас в холл сразу же за картинной галереей… Возвращаться они могут только через него… А пока еще есть время, прогуляйтесь мимо ее номера… Чтобы знать, где он находится… Вашего возвращения я жду примерно через час… Уходя, можно бросить косой взгляд…

– Последнюю рюмочку… И я готов к бою… – Бармен делает вид, будто меня здесь не было.

10

Я дышу. Дышу стоя. Дышу, стоя в холле за картинной галереей. Дышу, стоя в холле за картинной галереей, и пристально оглядываюсь вокруг себя. Я задыхаюсь в чуть приоткрытом замкнутом пространстве. Я – в центре резко освещенного восьмиугольного помещения. По углам и у витрины с видом на океан стоят несколько скульптурных скелетов. А может быть, просто скелетов скульптур. На стенах висят картины. Но почему-то без рам. На разных уровнях. Некоторые практически касаются зеркального пола. Некоторые подпирают низкий потолок. Некоторые подогнаны под средний рост среднеслучайного зрителя. Все картины – портреты. Такими мне видятся. Они тоже дышат. Без стеснения, В УНИСОН, громко. Я задыхаюсь среди дышащих портретов. Точнее, я задыхаюсь среди дышащих человеческих лиц. Еще точнее, я задыхаюсь среди себе подобных. ЗДЕСЬ ВИСЯТ И ДЫШАТ ЛЮДИ. Мне кажется, что мое окружение меня передразнивает. Надо мной насмехаются. Без притворства, В УНИСОН, хлестко. Экспозиция состоит из

около четырех десятков единиц, и все они напоминают мне моих спутников – богатых пассажиров. Я вдруг начинаю понимать, почему в таком напряжении и с перебоями работают мои легкие. От всех окружающих-изображенных несет огнеопасным алкогольным перегаром. (Мне это удается почувствовать, несмотря на выпитую за день водку). Плюс выжженным перегаром чужой старости. Плюс сладковатым перегаром вечности. Хотя у каждого портрета свой неповторимый авангардный взгляд, во всех деформированных кистью глазах присутствует концентрировавшийся столетиями ужас. За каждым трусливо-угорелым взглядом прячутся угловатые контуры голов. Впрочем, если с любой из них снять скальп, черепные линии вряд ли будут отличаться от остальных. То же самое можно проделать и с моими сопассажирами. И приблизительно с тем же результатом. Окружение не вызывает пассивной жалости. Окружение вызывает активную ненависть. Мятым носовым платком я словно веером смахиваю со лба бисер пота. Проверяю лоб на твердость. Чувствую, как он резко нагревается от неоспоримости новорожденных выводов. Вот решающий из них: только ненависть максимально активирует серое вещество. Только ненависть побуждает мозг к действию. НЕНАВИСТЬ – САМЫЙ ОРГАНИЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА. И никаких маломальских возражений. Я неожиданно представляю себя нарисованным. Насильно представляю себя воплощенным в этом художественном контексте. И понимаю, что вполне уместно вписываюсь в сей предложенный худсоветом изобразительный ряд. В окаменелую пространственную ГЕОМЕТРИЮ стоящих и висящих образов. Странно!!! Человеческая плоть умирает без сопротивления и мгновенно. Бесследно растворяясь в затхлой атмосфере. Не оставляя после себя даже самой примитивной памяти. Тогда как «приписанные» к ней кости могут экспонироваться тысячелетиями, абстрактно намекая все еще живущим на преемственность жизни. Я притрагиваюсь рукой к

конечности одной из скульптур. Осторожно. Чтоб по недоразумению не вызвать ревность у остального окружения. Незаметно. Чтоб не настроить против собственной персоны все человеческое прошлое. Я будто успокаиваю нервную систему экспоната. Будто утешаю некогда плакавшего человека. Будто собираюсь пофантазировать о его ЭНИГМАТИЧНОМ кайнозойском имени. И заодно успокаиваю самого себя. Чем же мой скелет отличается от скелета первобытного обывателя, первобытного преступника? Убедительным отсутствием обезьяньей выправки? Или наоборот, присутствием ярко выраженного следа современного обезьяньего характера? Или может быть, в моих костях закодирована некая новая неопровержимая информация нынешней цивилизации? Да и кто способен определить значимость этой сухой информации, ее статус? Только время? Кем управляемое время? Человек –> труп –> скелет –> научное знание? И строго в такой последовательности? Неужели нынешний человек как научное знание напрямую особой ценности не представляет? Даже издалека, намеком, теоретически? Впрочем, какую ценность (кроме археологической) могут представлять, например, тупо слоняющиеся по широким палубам-променадам бесполезные в своей полезности пассажиры? *У богатого пассажира нет оправдания перед суетным миром! Его вина посеяна густым пунктиром! Но каждый штрих сопровождает месть! Вина его в том, что он существует! Вина его в том, что он еще есть!* Я изредка воровато-боязливо выглядываю в коридор. По-шпионски присматриваю за обстановкой. Световые срезы в обоих концах вытянувшейся темноватой кишки подтверждают отсутствие каких-либо силуэтов. То есть пока что все без изменений. Никого нет. Никто не торопится. Никто не помышляет о встрече со мной. Может быть, они и не собираются возвращаться в свои апартаменты? Уже скоро семь часов. Может быть, они отправились в ресторан? А может быть, они ужинают в номере? А может быть, у них вообще табу на еду после семи? Судя по ее фигуре. И его спортивному

виду. А вдруг они предпочитают вечерние развлечения или у них запланирована ночная экскурсия по городу? По подсчетам бармена я должен вернуться к нему в половине восьмого. (Минимум информации я из него вырву любой ценой). Еще ждать минут пятнадцать. Нет, лучше выждать еще полчаса. Лучше уйти отсюда хоть в чем-то уверенным. Хоть с каким-то результатом. Чтобы окончательно не потерять уверенности в себе. Я продолжаю нервничать. Я продолжаю искать причину своего мелочного раздражения. Да, я хочу выпить рюмку «снежной». Я очень хочу выпить. Лоб опять покрывается влагой. Эстафета без промедления молнией передается горячей шее и вытянутой спине. Даже кондиционер не помогает. Я обливаюсь потом в искусственную погоду. Жара переплавляется в озноб. Озноб перевоплощается в жажду. Эдакое впечатление, будто я в одежде только что вылез из воды. И мне не к чему прислониться. Не на кого опереться. Некуда себя деть. В ЦЕНТРЕ ОТЧУЖДЕНИЯ И НЕВЕСОМОСТИ. А не заглянуть ли мне в пустующий незаметный бар, который попался мне по дороге сюда перед галереей? В моем распоряжении приблизительно метров двадцать шустрой ходьбы. Плюс пара минут на пару рюмок. И сразу бегом назад к своим скелетам. Всего мгновение замешательства. Я решаюсь. После очередного пустого выглядывания в коридор. Я решаюсь покинуть свой наблюдательный пост. Целеустремленное движение с двумя поворотами-дугами налево упирается в короткую безлюдную стойку. На одном дыхании заказанные две рюмки позволяют бармену взглянуть на меня с веселой подозрительностью. Однако молчаливо. Исполнительно. Учтиво. (В который раз убеждаюсь: насколько одинаково приторны в своем поведении все официанты и бармены!) Выпиваю я гораздо быстрее, чем сей образцовый халдей себе представляет. И все же он делает вид, что подобные мелочи его не впечатляют. На издевательски-вежливое предложение «повторить» я отвечаю не менее вежливым издевательским отказом. Демонстративно

улыбнувшись сквозь зубы, я почти одним прыжком достигаю дверного проема. И вдруг… Будто ударяюсь о стену. Отскакиваю. Мимо проскальзывает дуэт знакомых-незнакомых фигур. Я узнаю их по цвету ее платья. Они не бросают в мою сторону даже взгляда. Мой же взгляд цели не достигает. Ее лицо остается для меня закрытым широкими плечами спутника. Беспомощность перерастает в отвращение. И с этим ничего не поделать. С еще большей осторожностью я выглядываю в коридор. Могу себе представить, в каком недоумении смотрит на меня бармен. Но сейчас мне на него наплевать. Я злобно смотрю в спину своим жертвам. Да-да, именно жертвам. (Я в этом уже не сомневаюсь). И чем дальше они удаляются, тем ближе я чувствую их дыхание. Они не понимают, что движутся по кругу. По кругу моей уверенности. Я уверенно выхожу из бара. Я выхожу им навстречу. В противоположную сторону.

11

Слегка покачивающейся походкой вечернего завсегдатая я приближаюсь к своему утреннему столику. Аккуратным шагом обойдя его почти вокруг, выбираю тот же утренний стул. Потому что предпочитаю то же утреннее направление своего взгляда. Предпочитаю тот же утренний ракурс неизменившегося интерьера. Я хочу стопроцентно стать СВИДЕТЕЛЕМ предположительных завтрашних событий. С точки зрения сегодняшнего утра и сегодняшнего дня. Я хочу реально фантазировать. Не изменяя и не путая обстоятельств. К бармену сейчас не подступиться. Его услужливость демонстративно занята продолжительным взбалтыванием коктейлей. Будто на конкурсе-выставке. Будто во время дегустации. Будто назло мне. Но теперь сразу для пятерых посетителей, усевшихся у линии фронта за стойкой. Я снова вынужден пережидать очередной информационный вакуум. Снова без права на возмущение вариться в собственной злости и прочих чувствах. Я подмигиваю в сторону безупречного активного обслуживания. Мне в ответ улыбаются. Мне

улыбается и официант, появление которого я замечаю не сразу. Понятливо кивая головой, он принимает мой заказ на две рюмки водки и стакан холодной воды со льдом. При столкновении взглядов с другими посетителями я постепенно успокаиваюсь. Точнее, стыдливо остываю. Кажется, высыхает даже лоб. *Богатый пассажир способен тушить только тлеющий мир!* Завтра с утра она должна быть здесь. Она ведь это сказала бармену. Она придет за газетами. Я слышал сам. Мне надо встать пораньше. Или не ложиться совсем. Чтоб ее опередить. Чтоб опередить ее взгляд. Чтоб предугадать ее мысли. Она войдет в ту же дверь. Интересно, во что она будет одета? Будет ли на этот раз одна? Со своим телохранителем? Или с кем-то еще? Может быть, у нее здесь подготовленная команда? ЗОНДЕРКОМАНДА? Опять будет искать объявление в газете. Нужно предварительно полистать свежий номер в другом баре. Дабы четко понять причину ее реакции. Официант приходит с подносом и с запиской от бармена. «Я передал в сервис-центр вашу просьбу. Уже через пару часов обещали ответить. Я пью вместе с вами за удачу. Думаю, что везение поможет нам любопытно провести вечер. Через сорок минут я присоединюсь к вам. Никуда без меня не уходите». Еще б знать, что означает для него «везение»? Что он подразумевает под «вечером»? Путаясь во взаимоисключающих друг друга предположениях, я поднимаю налитую до краев рюмку. Рюмка поднимает мои глаза. Мои глаза сталкиваются с глазами бармена. Теперь становится очевидно, что он за мной пристально наблюдает. Через лысые головы сидящих у стойки. Через головы с причмокиванием попивающих пассажиров. При столкновении его взгляд совершенно не теряет своей бдительности и настойчивости. Его мысли не поддаются пеленгации. Он жестко улыбается. (Не исключено, что только самому себе). И показательным жестом «я с вами» жирно подчеркивает свою особую халдейскую близость. Персонально ко мне и моим прихотям. В направлении горла медленно поднимается очередной шершавый ком отвращения. Правда, у

меня появляется дополнительный шанс хоть с кем-нибудь подружиться из нашей судовой команды или любой мелкой обслуги. Что изначально и в первую очередь входило в мой основной план. (Об этом нужно дисциплинированно помнить каждую минуту). Я без риска решаю этим шансом реально воспользоваться. Моя поднятая рука вульгарно, но довольно торжественно демонстрирует перевернутую опустевшую рюмку. Всем конченым пьяницам мира понятный ЗНАК УВАЖЕНИЯ И ЛЮБВИ. Бармен мгновенно раскалывается. Его скупая аккуратная улыбка расплывается открытым ликованием. Он забывает, что находится на работе. Он забывает, что я перед ним всего лишь один из клиентов. Я надменно понимаю, что на этом отрезке игры побеждаю. За явным преимуществом. Бармен – в восторге. От неожиданности. Сидящие за стойкой – в восторге от бармена. Я же – в восторге лично от себя и своего раскованного терпения. Начинает налаживаться некая невидимая связь. Но вот только нужна ли она мне? И к чему она может привести? Знает ли об этом сам бармен? В любом случае все пока выглядит забавнее, чем просто безделье. Да, я сейчас не вижу никакой перспективы, но, с другой стороны, я и НЕ НАХОЖУ МАЛО-МАЛЬСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ. При таком раскладе временное поражение бармена выглядит БЕСПРОИГРЫШНЫМ. Будет ли предпринята попытка реванша? В мыслях неразбериха. Я беззвучно смеюсь. Два холодных глотка газированной воды восстанавливают в голове status quo незнакомки. Вспоминаю первопричину сегодняшнего абсурда. Представляю ее в постели с этим громилой, и мне становится не по себе. Нет, не может быть. Нет-нет. Только не это. Пусть уж лучше она будет главарем банды или просто шлюхой. А может быть, он сутенер? Нет, это столь же смешно. Как смешно все, что происходит со мной с самого утра. А если в буквальном смысле ворваться в ее номер? Нет. Это – сумасшествие. Она может не понять подобной шутки. А свойственно ли ей вообще чувство юмора? Этого

никто не знает. К тому же она, скорее всего, вооружена. Можно наделать много шума. Нет-нет. Еще не хватало бессмысленной стрельбы. Так можно полностью провалить свои планы. В данном случае страховать меня некому. Нет, это исключено. Нет! РИСКОВАТЬ можно чем угодно, но только не ИДЕЕЙ. Да и более глупую случайную смерть трудно придумать. Нет. Нужно окончательно остыть от пляжного солнца и смело перешагнуть через обнаженную физиологическую банальность своих размышлений. Нужно вообразить что-нибудь поэкстравагантнее, посногсшибательнее. Из ряда вон выходящее. Что-нибудь совсем удивительное. Даже смешное. Даже очень смешное. Которое может быть реализовано единственно в моем исполнении. Хотя оригинального исполнителя в себе я обнаруживаю сейчас с трудом. Я не успеваю поставить пустую рюмку на стол, как рядом со мной появляется с готовой на все случаи жизни улыбкой официант. «Повторить? – Да, повторите». На этом неусложненное содержание диалога исчерпывается. Тем временем за стойкой бармен меняет один из бокалов. Без особой осторожности. И тот у него опрокидывается и разливается. Естественно, сказываются несколько «принятых» CL-ей водки. (В этом есть и моя вина). От растерянности и злости он расстреливает меня взглядом. Он видит, что я за ним слежу. Он видит, что я не реагирую ни одним мускулом. В ответ он больше не реагирует. Он отворачивается. И от меня, и от остальных пассажиров. ОДНОВРЕМЕННО. Ни в какую из дверей никто не входит. Музыка по неизвестной причине вдруг замолкает. Наступившее всеобщее молчание за стойкой фиксирует вакуум. Обманчивое затишье перед грозной сейсмической активностью? Или реалистический финал маленького абсурда? АТМОСФЕРА = ОБСТАНОВКА = СОДЕРЖАНИЕ. Я закрываю глаза. И сразу вижу перед собой свою незнакомку. В разных нарисованных лицах. В разных мизансценах. В разном сопровождении. В разном настроении. Я даже вижу ее, бултыхающуюся в бассейне. Сгорающую на пляже.

Смеющуюся под душем. Я вижу ее рядом с собой. Я чувствую ее близость. Я ЧУВСТВУЮ. От передозировки чувств я просыпаюсь. Невротически вздрагиваю. Предо мной стоят две полные рюмки. По ту сторону рюмок сидит переодетый в белое бармен. Его не узнать. То ли благороден, то ли элегантен. То ли что-то третье. У него другая прическа. И когда он успел так измениться? Он улыбается: «Я к вашим услугам». После моей затянувшейся паузы: «Принимаю». Я предлагаю жестом. Он жестом не отказывается. Мы одновременно пьем. Мы солидарно встаем. Мы вместе уходим.

12

– Интересно, чем вас привлек именно этот ресторан, в углу пляжа?.. – Бармен лениво откусывает треугольник бесцветной, наверняка безвкусной галеты. – Уникальной обстановкой?.. Или вам нравится пить водку вблизи голых манекенов?..

– Кажется, вы угадали… Слабость к пляжам была у меня всегда… Но не могу сказать, что уж очень люблю массовую обнаженность… Переизбыток – ведь тоже не удовольствие… Я предпочитаю безлюдные пляжи… Уже девятый час… Скоро и последние расползутся…

– Не совсем понимаю... По-моему, безлюдный пляж как опустевший дом…

– А разве пустота – это плохо?..

– И ты – один в пустоте…

– Неограниченные возможности для фантазий…

– И для романтики…

– Не издевайтесь над пассажиром… Вы не далеко от меня ушли… Давайте лучше вернемся к вопросу о нашей даме… Это тоже романтика…

– Я для этого взял с собой телефон… Сейчас должны мне позвонить… С минуты на минуту… Эту проблему мы в силах решить… Судя по настрою моего приятеля… Но возникла проблема, на которую повлиять совершенно невозможно…

– То есть…

– Час назад он мне передал, что ближайшие два дня могут оказаться последними в нашем круизе… У судна серьезные технические неисправности… Подробностей никаких… Да, ремонтные работы продолжаются и днем, и ночью… Однако усилия могут оказаться тщетными… Комиссия скорее всего не разрешит выход в море… Сегодня прилетели представители хозяев… Официально информация пока не подтверждена… Но то, что мне сообщили – отнюдь не слухи… Увы…

– Жаль, если все так быстро закончится…

– В вашем голосе прозвучала искренняя досада…

– К этой поездке я готовился долго… Не хотелось бы разочарований…

– Понимаю вас… Но страховая компания полностью возместит убытки…

– Это меня беспокоит меньше всего…

– Почему?.. Можно ведь сразу отправиться в другое путешествие… Недостатка в предложениях нет… Вы же знаете… В любом направлении…

– Я тяжелый на подъем…

– По вашей расслабленности этого не скажешь…

– Визуальный обман…

– Обман – один из вариантов истины…

– В таком случае, любая истина – один из вариантов заблуждения…

– Вы – веселый человек…

– Подобного за собой не замечал…

– Почему же?.. Игра слов – вполне веселое занятие…

– Особенно когда нечем заняться…

– Не хнычьте… У нас огромный выбор… Смотрите… Мировой океан… Плюс океан ледяной водки… Плюс океан фантазий… Плюс много других океанов… Разве я ошибаюсь?.. Все зависит только от нас… Погода сегодня изумительная…

– Это единственное, с чем нам везет…

– Извините, вот и телефон…

– …

– Да-а… Я совсем не вникаю в ситуацию… То ли у вас сегодня не совсем «звездный» день… То ли длинноногая ваша незнакомка чересчур скрытная личность… По всем компьютерным программам, в которые занесен каждый пассажир, один ответ: «Сведений нет»… И как прикажете понимать?..

– Думаю, именно за это и нужно выпить… За то, что мы ничего не понимаем… И о чем эта la persona misteriosa даже не подозревает… Два тоста в одной рюмке… За наше непонимание и ее неведение!.. Короче, за нее и за нас!..

– Не злитесь… Выпить – это замечательно… Но получается-то по меньшей мере странно… На нашем судне отдыхают люди исключительного политического и финансового значения… Они все внесены в списки пассажиров… Мой приятель тоже удивлен… Если что-то прояснится, он обязательно перезвонит… Похоже, здесь ошибка… В таком круизе не может быть лишнего или неучтенного человека… Вдруг тут машина напутала… Иногда они тоже бывают похожи на людей…

– Ерунда… Это более не тема для наших разговоров… Ну какое мне до нее дело?.. Я даже не видел ее лица… А со спины мало ли что может привидеться… Плевать на всех и вся… Мы почти отдыхаем… И это – главное…

– Позже можно спуститься в ночной клуб… Пока он только открылся… Насколько знаю, там бывает очень азартно… На любой вкус…

– Я не любитель фальшивых ощущений… Там все чересчур коллективно… А тут мы устроились отлично… Так что в нашем распоряжении реально все океаны… И наш любимый напиток действительно сближает людей… Не возражаете?.. Пускай принесут еще по паре рюмок… За наш импровизированный сегодняшний тандем… У меня настроение меняется в лучшую сторону…

– Предлагаю за продолжение путешествия!.. Точнее, за надежду!..

– Со всей этой плавучей громадиной, на которой мы сейчас находимся, Вы хорошо знакомы?..

– Что вы имеете в виду?..

– Ну, например, вы свободно ориентируетесь в этом «городе»?..

– Думаю, что да… Впервые нас привели сюда за два с лишним месяца до выхода в рейс… И потом четыре раза в неделю мы здесь обустраивались… Изучали все ходы, люки… Тренировались на случаи аварии или пожара… Постепенно освоился… У каждого члена персонала есть своя конкретная обязанность в экстренной ситуации… Если на судне начнется пожар, я буду одним из ваших спасателей…

– Лично?..

– Без шуток… Ваша каюта находится на участке, за который я отвечаю…

– Вам известно, где я живу?..

– Я же профессионал…

– Нормально… Я не исключал такой вариант…

– Извините ради Бога…

– И что вам еще обо мне известно?..

– Все, что вам неизвестно о вашей даме...

– В таком случае, нам даже не надо знакомиться… Так как обо мне вы знаете все… А ваше имя я слышал в баре от официанта…

– За наше состоявшееся-несостоявшееся знакомство!..

– Да… Водка – божественный напиток…

– Присоединяюсь…

– Нет-нет… Я ошибаюсь… Это – напиток богов…

– Если не секрет… А почему вас столь неожиданно заинтересовала моя способность ориентироваться, как вы сказали, в этом «городе»?.. У вас сложности с геометрией местных коридоров? Но, по-моему, на каждом шагу есть четкие указатели…

– С этим проблем нету… Здесь другое… Я никогда в жизни не был внутри корабля… Там, где расположены все

технические системы… Я даже не могу представить, как выглядят внутренности такого морского чудовища… Мне очень хотелось бы взглянуть… Хоть одним глазом… Если возможно…

– Взглянуть на что?..

– Взять, например, пляж… Вот как он выглядит там, снизу?.. Изнутри… Это не более чем мое необразованное любопытство…

– Я попробую все организовать… У меня официально есть допуск в эти отсеки… Проведем ознакомительную экскурсию… Я могу спускаться туда в любое время дня и ночи… Постараюсь… Обещаю… Там расположены наши основные холодильные склады… Достаточно на входной служебной двери набрать четырехзначный код… Но об этом ни один человек не должен знать… Начальство… Лишние объяснения… Сами понимаете…

– Так все секретно?..

– Нет… Всего лишь техника безопасности… Чтобы в служебное помещение не попали случайные люди… А в подтверждение, что никакого секрета нет, я могу назвать эти четыре цифры: 79 - 36… Надеюсь, что без меня вы туда не пойдете… Во-первых, там легко заблудиться… Во-вторых, если вас кто встретит, начнутся выяснения…

– Нет, без вас я не сделаю по кораблю ни шагу…

– Вы уже смеетесь… Очень хорошо… Значит, у нашей встречи есть смысл…

– Чем не повод выпить…

– За смысл и бессмыслие!.. Одновременно…

– Вы – тоже любитель пожонглировать словами…

– Большинство моих друзей и коллег – непьющие… Я же иногда люблю незапланированно расслабиться… Вот так, в свободном полете… Как сейчас… Не задумываясь о следующей минуте… Ни о последующей… Мгновенно забывая предыдущую… Отсутствие памяти – это лучший показатель хорошего настроения… Не правда ли?..

– Но обязательно при наличии водки…

– Ха-ха-ха… Мне нравятся ваши постоянные заказы по две рюмки…

– Тогда попросите официанта повторить…

– Не перейти ли нам сразу на бутылку?.. В ведерке со льдом… Чтоб не нагревалась… Хотя солнце исчезло…

– Кстати, и пляжники почти все разбежались…

– Они отправились на свой королевский ужин… А вы что, совсем от еды отказываетесь?.. По-моему, не только от завтраков…

– Я считаю, что мы сейчас прекрасно ужинаем…

– Ха-ха-ха… Но это первый признак алкоголизма…

– Так точно!.. И за это тоже надо выпить!..

– В таком случае я не понимаю, почему утром в баре вы не выпили водку?..

– Я – отчасти мазохист… Иногда люблю делать себе что-нибудь эдакое назло… Причем искренне, от души, с удовольствием…

– А другому причиняете зло тоже с удовольствием?..

–Да… Но при одном условии… Если оно не приносит мне и маломальской пользы…

– Ха-ха… Впервые встречаю человека, исповедующего бескорыстное зло… Да, оригинально… Может, это лишь сию минуту?.. Под влиянием алкоголя?..

– Вся моя жизнь под этим влиянием…

– Выходит, что речь идет о зле в чистом виде… О зле рафинированном… О зле ради зла… О зле как об идее… Я правильно понимаю?..

– Абсолютно…

– В таком случае, я ничего не понимаю… Ха-ха-ха… – Я смотрю в барменские глаза. Они блестят. Наверное, от избытка водки. Или от гиперактивности слезных желез. Неужели мои блестят так же?

13

Переступив гигантским споткнувшимся шагом через голый пьяный труп распластавшегося на полу бармена, я умудряюсь схватить с тумбочки свою рубашку и даже удержать равновесие возле стреляющего лунным светом зеркала. Тело обжигает нервный озноб. Часы показывают половину второго. Выходит, я спал чуть более сорока минут. А кажется, будто миновала бездонная вечность. Демонстративно голова вроде не болит, но монотонный фон в виде декорации присутствует. Слегка раскачиваясь и по-дурацки подпрыгивая на одном месте, я одеваюсь. В рукопашной схватке со своими физическими амбициями. С заведомо невыполнимым желанием одеться поскорее. С терпкими воспоминаниями о проведенном вечере. Мое зловещее отражение в зеркале меня не пугает. И тем не менее я не рискую включить свет, чтобы не разбудить бездыханно спящего. А вдруг проснется? Вдруг оживет? Вдруг увяжется за мной? В ванной приходится умываться едва скользящей струей. По той же причине. Но водку из холодильника я все-таки ловко достаю. Несмотря ни на что. Нужно бы рюмкой-другой освежиться. В пожарном порядке. Нужно зафиксировать слишком резкий переход в вертикальное положение. Чтобы не свалиться. Нужно возбудить себя наконец-то на результативные действия. Потому что ситуация вокруг продолжения круиза может измениться в любую минуту. Времени остается в обрез. Я беззвучно стучу пустой рюмкой о стол и без привычного хлопка дверью вырываюсь из замкнутого пространства. На морской воздух. На интимное свидание с океаном. Путь от своего номера до пляжа я преодолеваю в два раза быстрее полуденных походов. В коридорах – никого. В лифтовых холлах – никого. Наверху – никого. В темном углу одинокий официант, который еще несколько часов назад обслуживал нас с барменом, дежурит в ожидании случайно заблудших сонных пассажиров. Я решительно поворачиваю направо. Делаю вид, что иду к намеченной цели. И останавливаюсь только тогда, когда под босыми ногами заканчивается подогретый

расцветастыми огнями провисших гирлянд и фонарей песок. Я заваливаюсь в шезлонг. Лицом к играющей тенями воде. Раскрашенная ночь упирается в мой анфас. Где-то за спиной грозится рыком страдающий бессонницей грандиозный морской порт. Я – на фоне подлунного корабля. Корабль – на фоне подлунного Берлина. Берлин – на фоне подлунного мира. *Крупный масштаб по просьбе богатого пассажира! Полный аншлаг единодушно ставит на своего кумира! Сила же кумира – в животном страхе остального мира!* Первая из мыслей о незнакомке окончательно снимает с меня сон. Снимает дрожащей от волнения невидимой рукой. Снимает на виду у неспящего, бурлящего океана – единственного нейтрального (и объективного) свидетеля все еще не происходящих инцидентов, казусов, событий. ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТСУТСТВИИ ИНФОРМАЦИИ о ее персоне подтверждает все мои запутанные логичные и надуманные предположения. И хотя МНЕ никогда не узнать причину и суть ее потенциального или реального преступления, я все-таки чувствую в ней родственную душу. Революция всегда есть преступление. (Моя – в том числе). Также как любое преступление всегда есть малая (большая) революция. Потому толкование совершенного насилия зависит исключительно от амбиций победителя. Для собственного эго – он всегда революционер. То есть законный носитель справедливости. Для проигравших – античеловек. То есть преступник. Хотя заранее известно, что после исторического реванша это толкование будет обязательно и с не меньшим пафосом опровергнуто. Моя избранница, несомненно, видит себя победителем. Но… НЕПОБЕЖДЕННЫХ ПОБЕДИТЕЛЕЙ НЕ БЫВАЕТ. НА СМЕНУ ПОБЕДИТЕЛЯМ БЫСТРО ПРИХОДЯТ НОВЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ. ПОБЕДИТЕЛИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ. Жизнь документально и без подтасовок это сурово доказывает. Через сутки с небольшим произойдет редкий по своей силе любительский взрыв. Взлетит в небо вот этот самый экзотический пляж. Что бразильским бархатом стелется под

моими ногами. Сколько же богатых пассажиров не смогут выбраться из-под искореженного ненавистью рая! Для скольких богатых пассажиров этот самый «нежный» в их биографии пляж окажется их последним осязаемым богатством? Сколько богатых пассажиров мирно улягутся в одном многометровом ряду? Для опознания. В их числе может оказаться и моя незнакомка. По предварительным расчетам ударная волна должна полностью уничтожить пятую часть достопримечательного пассажироносца. От «образца конструкторской мысли будущего» (цитата из газеты) останутся одни руины. И рекламные проспекты. Ради этого я отправился в столь далекое путешествие. Ради этого я сижу ночью на пустом пляже. Ради этого я терпеливо переношу личную неудачу с приглянувшейся мне женщиной. Но, не выпуская обидное поражение из сознания, я рассчитываю отыграться. И рассчитаться не только с ней, но и выиграть у всех пассажиров сразу. Я еще активнее подстегиваю свою храбрость к последнему РЕШАЮЩЕМУ шагу. Еще изощреннее ожесточаю свой эгоизм. Еще глубже убеждаюсь в ПРАВИЛЬНОСТИ и НЕОСПОРИМОСТИ собственной ИДЕИ. Человечество изо всех сил стремится к всемирному равенству-братству. Безжалостно расчищая путь к полноценной свободе. Так что сокращение (пускай и символическое) его богатой, яростно сопротивляющейся части на энное количество единиц лишь приблизит мир к совершенству. Это – мой посильный вклад в революцию. Это – уже десятый пляж в моей жизни. Это – будет боевое выполнение очередной операции. До сих пор число неудачников-жертв в сумме ограничивалось 79. Надеюсь в нынешний раз перевалить далеко за сотню. Я даже сохранил бы жизнь юбилейной жертве. Но, увы. Борьбы на жизнь не бывает. БОРЬБА БЫВАЕТ ТОЛЬКО НА СМЕРТЬ. И вряд ли кто сумеет такое опровергнуть. *Богатый пассажир обрекает себя на восставший против него мир! От возмездия не спасет даже распятый кумир!* Я осторожно достаю из правого кармана штанов чуть измятый портрет легендарного Че.

Желто-коричневая фотография возвращает мою память к прошлому, свидетелем которого я никогда не был. Но участником которого я всегда себя представлял. История не повторяется. Историю повторяют. Независимо от того, заслуживает она этого или нет. Человек, подвергнувший влиянию революции не одно поколение, соединивший за несколько лет равенство и братство в реальный единый символ-кулак, стал ГЛАВНЫМ героем и моего времени. Героем моего собственного времени. Моим собственным героем. Да, мне действительно есть у кого учиться. Мне действительно есть чему у него учиться. Значит, у меня есть будущее. Значит, я смогу без задержек и колебаний передать эстафету Следующему. Значит, и у Следующего будет будущее. От побед –> через поражения –> к новым победам. ВЕЧНОЕ БУДУЩЕЕ. Пересохшее горло требует воды и крепкого алкоголя. Немедленно, без возражений. Отполированные деревянные губы второпях, со злостью перебирают непонятные полуслова. В поиске уточнений: где взять? Каждая из противоречивых мыслей пытается внести корректировку в мои последующие действия. В любом случае – дискуссия бесполезна и неуместна. Надо где-то раздобыть. Я вздрагиваю, пристально оглядываюсь по сторонам. Будто забываю, где нахожусь. Все стороны света – без изменений. Только покрытая яркими пятнами луна сдвинулась на несколько метров влево. Вчерашнее заведение в противоположном конце пляжа светится, как прежде. Вывод первый: открыто. Вывод второй: другого выбора все равно нет. Назад в номер путь заказан. Более ненужную встречу сейчас трудно придумать. Даже если бармен еще спит. Даже если с тех пор он не шелохнулся. Идти куда-нибудь босиком дальше пляжа тоже не очень хочется. Не хочется привлекать к себе пусть случайные, но все-таки лишние взгляды. Итак, aufstehen и вперед, к уже знакомому официанту. На данный момент у меня – исключительно одно желание. И конкуренции у этого желания нет. Пить в одиночестве за своего героя. Пить в

одиночестве. ПИТЬ. Я смотрю на часы. Первые минуты третьего. Попытка встать сразу не получается. Так как не получается легкого полноценного прыжка. Приходится вытаскивать себя из шезлонга силой. Желание пить оставляет позади все мои физические возможности. Ноги заплетаются, но кое-как передвигаются. Вплоть до слащаво-гостеприимного лица. Вплоть до нераскрытых объятий. Все так же через руку перекинута дежурная салфетка. Все так же безжалостно под горло застегнута верхняя пуговица форменной рубахи. Все те же два ряда вульгарно белых зубов сверкают сквозь сонную улыбку. Спустя минуту на столе появляются две рюмки водки и вода без газа. Щедро наговорив комплиментов, я прошу, чтобы официант ушел. Не задерживаясь. Точнее, ушел вон. Он понимает не сразу, но к исполнению принимает. Хочется сосредоточиться на самом принципиальном для меня тосте. Хочется сформулировать его сейчас с особой точностью. С элементами особой гордости. С чувством особой родственности. Вот только слова я произношу про себя. Вдруг кто-нибудь подслушивает. Не надо забывать, что этот, с показными зубами, тоже профессионал. Я еще раз повторяю про себя тост. Одновременно по-братски целую фотографию и бережно прячу ее назад в правый карман. Получается довольно постановочно, слезливо, но вполне искренне. Почти как в классическом немом кино. Я С ЖАДНОСТЬЮ ВЫПИВАЮ. Первую рюмку. Вместо восклицательного знака. Перетерпев выдох, с жадностью принимаюсь за вторую. Появляется внутренняя тревога, что мне снова не хватит. Я грубо выкрикиваю официанта. Прошу его в виде исключения принести целую литровую бутылку. Чтоб забрать с собой. Чтоб спокойно завалиться в шезлонг. Чтоб регулировать частоту глотков по своему усмотрению. Вернувшись из подсобных кулис, официант – в злобно-покорном ожидании новых просьб. Я же – почему-то молчу. Мне противна его хилая услужливость. Напоследок, улыбнувшись друг другу, вместо взаимных пощечин мы к обоюдному удовольствию расстаемся.

А к тому времени в другом конце пляжа луна окончательно дезертирует с арены будущего боя. Липкие звезды, будто мухи, сидевшие на сдобном пироге ночи, разлетелись. Оплодотворение рассвета вот-вот состоится. Черное небо становится совсем черным. И мне кажется, что я чернею вместе с природой. Не теряя надежды через пару часов возродиться. СЕГОДНЯ ОЧЕНЬ МНОГО ДЕЛ. Сегодня я выхожу на историческую финишную прямую. Сегодня в мертвом он-лайн эфире финишная прямая выводит меня на революционнейший результат. ПЪЕДЕСТАЛ. И Я НА НЕМ. Неожиданно на корабле гаснут праздничные огни. Это вводит мой пьяный мозг в заблуждение. Полутьма действует на него губительно – он отключается… СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ обрывается от противоестественного угрожающего гудка. Мое прищуренное око констатирует появление первого настойчивого солнечного луча. А за ним и первого состарившегося физкультурника. СПОРТ. ВЕТЕР. УТРО. На палубе становится прохладно. Пора отползать. Глоток водки к этому подстегивает.

14

79 - 36!!! Профессиональная бдительность бармена подвела не только его работодателей, но и все пребогатое меньшинство человечества. Поставив под мое сомнение его профессиональность. Хотя о том он сам никогда не узнает. 79 - 36!!! Эти цифры я не перепутаю ни с чем. Ни в какое время суток. Ни в каком состоянии. И я решаю направиться в «заветное» служебное помещение прямо сейчас. Чтобы убедиться в барменской откровенности. С отпитой литровой бутылкой водки в руках. С присущей алкоголику смелостью. У меня еще достаточно времени. Незнакомая красавица еще спит. Газеты появятся в баре только через два часа. Надо действовать. Нельзя терять больше ни минуты. Даже если меня кто-нибудь встретит, ну подумает, что заблудился пьяный. Полное алиби. И, скорее, так рано там никого и нет? К тому же, пьяному всегда отчасти везет. Надо полностью

раскидывать сети. То есть минировать внутреннее оборудование. И уходить в город. Нельзя дожидаться официального объявления о срыве круиза. Наверняка все сразу же разбегутся. Может начаться постановочно-комическая паника. Большинство оскорбленных пассажиров воспримут случившееся как покушение на их привилегированность. Всем уже будет не до пляжа. Надо в течение ближайших суток разнести это океанское лежбище для избранных. Впрочем, заслугу (вину) бармена я несколько преувеличиваю. Не он бы раскололся, так другой. Не бесплатно, так за деньги. Не добровольно, так под холодом заряженного пистолета у виска. Никуда теперь не деться. Все равно – взрывать. Не изнутри, так снаружи. В крайнем случае, в моем номере. Уж в самом крайнем – ценой моей полной приключений жизни. Главное – взорвать. До пляжа достанет. Заранее просчитано. Продумано и во имя революции оправдано. Достанет каждого под бразильским солнцем. Присыплет каждого нежнейшим бразильским песком. 79 - 36!!! Эти четыре цифры – всего лишь незначительное одолжение. Всего лишь удачно совпавшее с программой дополнение. Всего лишь нигде незафиксированный некриминальный нюанс в несостоявшемся морском, почти кругосветном путешествии. Всего лишь. Не более. Я нажимаю 79 - 36. Безнотный писклявый зуммер. Да, дверь действительно открывается. Как в лифте. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! Шаг. Я переступаю границу между намерением и намеренным преступлением. Границу всех часовых поясов. Фоновый шум. Такое впечатление, будто я попадаю в гигантский, готовящийся к старту космический корабль. Это шумит вода. В бассейне идет постоянная циркуляция. Воды без крови. Четыре ступеньки вниз. Просторный кубический холл. На двух десятках мониторов различные схемы. Из всех условных обозначений мне не понять ни одного. Но это совсем и не нужно. Потому что для моей конкретной практики они не имеют никакого значения. Я привык все вещи называть своими именами. Точнее, под

каждое имя подбирать определенную вещь. Если же еще точнее, под каждый свой поступок подбирать свою неизбежную жертву. Например, сейчас мне хочется… взорвать мир. Из целого списка различных предполагаемых вариаций я предпочитаю уничтожение этого корабля. И я, конечно, его уничтожу. Вопреки надуманной грандиозности сего злого гения. Вопреки кажущейся всем и вся его внешней неприступности. Вопреки рекламно-газетному мнению о его техническом совершенстве. Движение не остановить. ЦЕЛЬ – ВЕЧНАЯ СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО. СРЕДСТВО ИСПОЛНЕНИЯ – СИЛА ДУХА ПЛЮС ЖИВОТНАЯ СТРАСТЬ. Никогда я не испытывал столь эмоциональную ненависть к неодушевленному предмету (несмотря на все одушевленные предметы, находящиеся на нем). И как никогда ощущаю способность превратить ее в феерическое событие. Которое впоследствии назовут ЗРЕЛИЩЕМ! С точки зрения всех свидетелей. И с точки зрения по случайности оставшихся в живых участников. Со слов всех родственников свидетелей и утонувших в трауре родственников утонувших участников. ЗРЕЛИЩЕ войдет во все обновленные мной учебники. И не только по истории, но и по драматическому искусству. ТЕАТР ОДНОГО МГНОВЕНИЯ. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ОДНОГО ТЕАТРА. Я канатоходцем пересекаю хмурое помещение по пьяной диагонали. Перебираюсь по коридору, больше напоминающему вымерший переулок, в соседний зал. Из соседнего – дальше. Потом – в следующий. Только бы не заблудиться в этих великанских внутренностях. Только бы суметь своевременно сделать правильный ход назад. Можно ли растеряться в подобной ситуации? Могу ли я на краю триумфа струсить? Два очередных заглота водки меня останавливают. Насильно усаживают на тайм-аут в угол. Угол мертвой хваткой затягивает меня в объятия. Я получаю статус обескровленного пленного наблюдателя. Мозг медленно вычерчивает конструкцию моих будущих действий. Скрытых мест для тридцати шести магнитных кассет вокруг предостаточно.

Нужно выложить их во всю длину коридоров. Наверняка они тянутся параллельно пляжу. Появиться здесь я должен сегодня ночью в два часа. Обязательно при оружии. Минут двадцать будет достаточно. Если никто не помешает. Даже странно, что пока все так легко получается. Без каких-то изощренных препятствий. Без напрасного труда. Без ОТЧАЯННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ЕЩЕ ОДУШЕВЛЕННЫХ БОГАТЫХ ПАССАЖИРОВ. В искреннее удовольствие. Вот так бы всегда. Такими бы темпами можно было давно очистить человечество морально и духовно. Поднять его на новый уровень сознательности и психологического равновесия. Это тот редчайший случай, когда количество естественно и неизбежно переходит в реальное качество. А качество неизбежно и неопровержимо взывает к количественному совершенству. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА –> САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ –> ВСЕОБЩЕЕ БЛАГО. Слава Богу, до сих пор навстречу мне никто не попадается. То есть, я никому не попадаюсь на глаза. То есть, вокруг нет посторонних глаз. Можно расслабленно вытянуть ноги. Можно бессмысленно вздохнуть. Сделать многозначительную паузу перед вдохом. Голове можно гордо прислониться к белой, в мелких отверстиях, стене и больше не кружиться в больничном пространстве. Об умном выражении лица можно не заботиться. Бутылку можно поставить на пол. На расстоянии вытянутой руки. Отсутствие дневного света усугубляется окончательной потерей чувства космического времени. Шумит (живет) только вода. Вода без крови. Вода + мозговой переполох + полная свобода. Состояние, замешанное на ИДЕЙНОЙ уверенности в собственной исторической необходимости и абсолютной бытовой никому ненужности. Состояние, принадлежащее одному мне. Состояние, не достойное сочувствия. Состояние, способное возникнуть только в предлагаемых обстоятельствах… Я резко заставляю себя сосредоточиться на следующей ночи. Может быть, самой ответственной в моей жизни. Может быть, последней в жизни

большинства богатых пассажиров. Почти засыпая, я пытаюсь вообразить себя в решающие минуты. Сумма шагов и мыслей должна привести к точному конечному результату. Однако передо мной разворачиваются совсем другие события. Будто я в ужасе блуждаю по заваленным сломанными декорациями комнатам (участкам сцены) в поисках моей незнакомки. Будто знаю, что она прячется в одной из них. Будто прячется, потому что ее обвиняют в жестоком преступлении. Якобы преступлении против человечества. Я хочу найти ее, чтобы спасти. И объявить всем, что убийство совершила не она. Что человечеству это только приснилось. Что все было исполнено моими руками. Что ее вынуждают признаться в убийстве под впечатлением всеобщего психосна. Я начинаю разбирать завалы старого хлама. Меня сбивают с ног манекены в рыцарских доспехах. С несуществующего неба-потолка падают какие-то обломки. Пыль. Грязь. Завалы пустых упаковок из-под лекарств. «В этой комнате никого нет». Упав и вновь поднявшись на ноги, я рвусь в следующую. Я уверен, что она где-то рядом. Она не может исчезнуть. Все входы-выходы охраняются военными с собаками. В паутине лабиринтов визжат летучие мыши. Человечество жаждет крови моей незнакомки. Спасти же ее могу лишь я. Лишь я могу рассказать правду. Но для начала нужно ее найти. Увидеть ее лицо. Неожиданно исчезают стены. Я – один на опустевшей сцене. Из сотен эмалированных громкоговорителей рвется пронзительно-издевательский женский хохот. Время от времени он прерывается боем часов. Я никогда не слышал ее смеха, но я знаю, что это дребезжит ее голос. Я возвращаюсь к действительности от грохота бутылки. Бой часов тоже прекращается. TIME IS UP. Меня поднимает запах разлитой водки. Жадный глоток которой сейчас совсем бы не помешал.

15

Сопротивляясь неимоверной усталости, я добираюсь из бара в номер. Благоухавшая сутки назад ядовитыми цветами

незнакомка так и не появилась там в ожидаемые 8.30. Скорее всего, это был последний шанс встретиться с ней лицом к лицу. Точнее, уже последняя возможность наконец познакомиться. Еще точнее, последняя надежда увидеться вообще. Я прождал ее больше часа. Сидя за тем же столом. Перелистывая подряд все утренние газеты. Удивляя своим видом и поведением нового ярко-рыжего сменщика бармена. С ревностью и злостью поглядывая на пустующее солнечное пятно, которое заполняла вчера оголенная, с родинкой спина. Бесполезно. Ее планы, как и ее глаза, оказались для меня недоступными. Сейчас даже нет смысла мучиться в предположениях и догадках. Теперь надо сконцентрировать всю свою волю и энергию на достижении ГЛАВНОГО. Повторного же объявления о скупке антиквариата я не обнаружил. Может быть, что-нибудь прояснится после телефонного звонка? Едва ли… Да и ни к чему… Я безвозвратно теряю интерес к этой истории. Ставлю точку, выключаю память. Перед дверью я себя обыскиваю. Ключ обнаруживается. Однако мысль о присутствии в моем доме спящего бармена еще больше меня озлобляет. Не только против всех еще живущих богатых пассажиров, но и против всех их лакеев и сообщников. Мысль о том, что его нужно заботливо разбудить, предложить водки или пива, лишь усиливает мое брезгливое раздражение. Может быть, его просто пристрелить? К сожалению, это «милое» желание сейчас невыполнимо. Причем по совершенно не зависящим от бармена причинам. Нужно успокоиться. Нужно стиснуть пальцами пульсирующие виски и опереться на остаток воли. «Ведь она у меня есть!!! И у меня ее много!» Нужно превратить сюжетец в банальную одноактную комедию. Нужно заставить себя над всеми смеяться. И над собой тоже. Вопреки усталости. Вопреки злобности. ЦЕЛЬ НЕ ТОЛЬКО ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА, НО И К НИМ ПРИНУЖДАЕТ. Придав измученному алкоголичному лицу победно-фарсовую улыбку, я нараспашку открываю дверь. Однако после двух уверенных

шагов упираюсь в прозрачную стену собственного удивления. Номер пуст. Никого. Полностью погашен свет. Который я никогда днем не выключаю. До мелочей «правильно» заправлена кровать. Вымыты рюмки и стаканы. Спустя мгновение я обнаруживаю на столе незатейливую записку: «Доброго Вам утра!» Слово «доброго» очерчено розовым кругом. Знакомый со вчерашнего вечера каллиграфический почерк. О чудо, эта халдейская аккуратность! И откуда только нашлись силы подняться? Наверное, по привычке с утра мучило желание кому-нибудь угодить. В данном случае – мне. Но все равно спасибо. За своевременное исчезновение. За проявленную добровольность. За это нежное эпистолярное прощание. За подаренное мне одиночество. Ха-ха-ха-ха. И за порядок тоже. Я – спасен. Много ли человеку надо для неподдельной радости? В первую очередь – свобода. Плюс еще раз свобода. Плюс много раз свобода. Даже в такой форме. Примитивной. Неужели ему, правда, удалось на уровне интуиции меня прочувствовать? В таком состоянии? Я – спасен. Без предупреждения. Почти эффектно. Я думаю, по такому поводу надо обязательно выпить. Настроение меняется на 180°. Подскочив на месте, как отоспавшийся гимнаст, я радостно беру из холодильника охлажденную бутылку напитка из напитков. С ехидством, тщеславием и подростковым юмором вспоминаю, что это и любимый вкус растворившегося в алкогольных парах бармена. Пью первую рюмку, конечно, за него. Он ведь действительно заслужил. Да и вчера все было не так уж плохо. Если не поддаваться классическому лицемерию. И не вдаваться в подробности. А можно и с подробностями вместе. Ха-ха-ха-ха. Неважно. Зато теперь я могу принадлежать лишь самому себе. Хочется пить-пить-пить! Будто предыдущая рюмка вообще была в моей жизни первой. Будто есть опасность, что она может оказаться последней. Будто вся водка на нашем корабле может быть выпита кем-нибудь из отдыхающих. Хочется пить из жадности. Хочется пить из ненависти. Хочется пить из

безнаказанности. Хочется пить из вседозволенности. Хочется пить и пить из вечной душевной потребности. В конце концов, хочется сыграть по случаю окончания круиза (через сутки он закончится при любом стечении обстоятельств!) роль полноценного *богатого пассажира! Почувствовать всесильность перед бессильным миром! Отпить глоток поминального пира! Пропеть псалмы в честь ЕДИНСТВЕННОГО кумира!* Я стимулирую свою усталость. Стимулирую изнеможение. Стимулирую и морально-физическое самоуничтожение. Стимулирую временную смерть. При этом не претендуя на безболезненные последствия и безошибочную память. Погружение идет полным ходом. По полной программе. Без перерывов на внутренние возражения. С перерывами для реабилитации мигом пустеющих рюмок. Количество доведенных до автоматизма взмахов рукой значительно превышает количество заторможенных тостов. Но силы все еще есть. Они цепляются друг за друга и отчаянно сопротивляются зарытому где-то очень и очень глубоко оппозиционному инстинкту самосохранения. Результат на электронном табло: пока побеждают. Остается одна надежда на всесильность ее величества водки. Несмотря на мой нейтралитет по отношению ко ВРЕМЕНИ, оно начинает работать против меня. Потому что только при сиюминутной и окончательной потере моего сознания появляется шанс вернуться к ночи из небытия сна. Телефонный звонок останавливает меня на полуглотке. Часы показывают: 12.00. Кажется, это трезвонят по моему вчерашнему заказу. Но я делаю вид, будто меня это не касается. Продолжая застольную церемонию. Перед своим отражением в зеркале. Перед своим гудящим воображением. Мне уже наплевать на интригу с газетным объявлением. Как наплевать на телефонистку, незнакомку и бармена. На абсолютно всех богатых пассажиров. И все остальное человечество. Мне наплевать на всех, кто этого заслуживает. Без жалостного исключения. Мне наплевать и на ангелов, и на демонов. Я не хочу различать их ни по

внешности, ни по поведению, ни по идеологии. Мне наплевать и на всех святых без исключения. И нарисованных, и невидимых. В любой очередности. И в душе, и на людях. Мне наплевать уже на самого себя. ТОРЖЕСТВО НАПЛЕВАТЕЛЬСТВА! За такой тост нужно пить и пить. Стоя. Как под знаменами БЫЛЫХ ПОБЕД. С чьей-то издевательской помощью я выдергиваю свое тело из магнитного кресла. Опять же по чьей-то издевательской команде перестаю раскачиваться и застываю по стойке «Смирно!» Запрокидываю голову. Я опрокидываю бутылку. Медленно наполняя себя водкой. До краев. Будто в последний раз отдаю честь вечности. Будто отдаюсь вечности. Будто проникаюсь вечностью. Водка продолжает литься. Напоминая мне о том, что все течет. Не изменяясь. Бутылка выскальзывает из руки и гордо не разбивается. Ей не до моего счастья. И моего суеверия. Принятие оздоровительно-алкогольного душа кончается жестким падением замертво.

16

Выполнив главное задание согласно инструкции, я в состоянии осколочного озноба покидаю заминированные внутренности корабля. Уже ничто не способно помешать мне довести очередной «пляжный экшен» до желаемого исторического результата. Никто из богатых пассажиров даже не может предположить, тем более поверить в столь открытую дерзость и убежденную враждебность одного из «своих». Никто из них не готов подняться над своей клановой нравственностью. Не готов преодолеть бездну патологической расчетливости. Не готов выздороветь от клинического диагноза своей якобы исключительности. *Богатый пассажир и после смерти желает пир! А после пира желает страсть! А после страсти желает власть! На коленях будет стоять покоренный мир! Да здравствует БОГАТЫЙ ПАССАЖИР!* Посталкогольное разгадывание кроссворда моего классового ОППОРТУНИЗМА только усиливает головную боль. Ей становятся тесны заданные природой черепные границы. От

приступа к приступу, совокупляясь с разъедающим горло и грудь похмельным жаром, она размножается по всем еще живым клеткам. Теория сейчас оказывается излишней, так как практика уже осуществлена. Поэтому умственные операции нужно сосредоточить на предстоящем дне. Подобных дней в до сих пор прожитом календаре было всего девять. Сегодня наступает юбилейный. Десятый праздник в моей жизни. ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА СО МНОЙ. Коротким инвалидным шагом я осторожно возвращаю свое взятое напрокат тело назад в номер. Сейчас его надо накрепко (с помощью таблеток) усыпить. Надо немедля качественно отдохнуть. На этот раз – в постели. Все финальные сцены постановки потребуют прочного запаса энергии. Теперь необходимо четко придерживаться режиссерского плана. В 8.00, за два часа до взрыва, предстоит встать и в течение тридцати минут уйти в город. (Девяносто минут всегда даются на техническую страховку). В паре километров отсюда, на крыше двадцатиэтажной гостиницы работает круглосуточная терраса. С картинными видами на порт и море. Где можно позавтракать. И заодно молча отметить событие. Одновременно с самим СОБЫТИЕМ. Которое заслуживает мирового перезвона проливающихся рюмок. В этот день все слова уступят место только одному тосту – ЗА ПОБЕДУ!!! Не раздеваясь, в обуви, я заваливаюсь поперек заправленной барменом кровати. После десяти минут безмыслия усилием локтей опрокидываю себя на спину. Что пожелать себе перед сном? Да ничего. Нет смысла думать о личном. Все равно оно не сбудется. Да и само желание к утру бесследно выпадет из памяти. Я надеваю наушники с вмонтированным будильником. И достаю из-под подушки слепые очки для сна. Расходуя последние остатки сил. С безразличием признавая свое физическое банкротство. Главная задача: расслабиться по максимуму: забыться. Достичь желаемого удается очень быстро. Снотворное действует безошибочно. Геометрия каюты форсированно сужается. Не вызывая ни волнения, ни страха.

Стены хаотично, почти падая, приближаются к кровати. И будто вот-вот накроют. Треснутый потолок выгибается купольной скорлупой. Пол проваливается. Невесомый окружающий интерьер фрагментами, а затем полностью растворяется в густеющем оранжево-сером цвете. Как растворяется и все остальное, что меня с этим интерьером связывает. Глухота отсекает от внешнего мира. Глаза не способны восстановить зрительную функцию. В оправдание черные очки процесс завершают. СОЗНАНИЕ САМОЛИКВИДИРУЕТСЯ. Попрощавшись с вышедшим до утра из игры телом, мое формальное «я» непринужденно переносится в новосозданную систему координат. Подо мной – Берлин. Подо мной – океан. Подо мной – корабль. Все без исключения они сейчас на законном основании принадлежат ночи. Ночи, которая по моей воле станет для кое-кого из богатых пассажиров последней. НОЧЬ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ. Я летаю в этой ночи патрульными кругами. Теперь можно вести обзор с любой точки. Но стараюсь не удаляться от центра моего внимания – корабля. Я вижу все, что на нем происходит. Подробно снимаю все на видеопленку. ДЛЯ ИСТОРИИ. ДЛЯ УРОКОВ ИСТОРИИ. Непотопляемые отражения луны в отполированных бассейнах. Пальмы, спрятанные под накидками из разноцветных огней. Скупые скучные физиономии в открытых на каждом углу увеселительных заведениях. ПОСЛЕДНИЕ МИРНЫЕ ЧАСЫ ГИГАНТА. Среди сотен потенциальных трупов нахожу самого себя. Странно смотреть на свое спящее тело с высоты птичьего полета. Странно наблюдать за нервным подергиванием резко очерченных линий своего лица. Странно на таком расстоянии ощущать запах своего любимого одеколона. Странно вслушиваться в свое тяжелое раскачивающееся дыхание. СТРАННО, ПОТОМУ ЧТО СВОЕ. СТРАННО, ПОТОМУ ЧТО ЕЩЕ ЖИВОЕ. С наступлением рассвета ситуация на корабле становится непонятно-суматошной. В полном составе персонал и разночинные члены судовой команды, словно

непроизвольно друг от друга отталкиваясь, начинают бескомпромиссное соревнование в скорости бега. Неизвестно откуда берутся вооруженные спецотряды. Короткие стальные цепи едва сдерживают овчарок в пуленепробиваемых намордниках. Из кают в панике высыпают заспанные пассажиры. Некоторые за собой волокут (возможно, впервые в своей жизни) наспех утрамбованные чемоданы-сумки-кофры. Некоторые на ходу напяливают одежду. Некоторые крепко прижимают к груди взятых в поездку встревоженных четвероногих любимцев. Некоторые, оскорбленные и встревоженные, оглядываются назад в поиске затерявшегося супруга. Но от испуга все бегут молча. Не понимая, сон это или явь? Наказание или спасение? Какова их персональная роль в происходящем? Неужели имущая часть ЧЕЛОВЕЧЕСТВА может подвергнуться опасности? Нет! Их не бросят на произвол судьбы. ЗАЩИТА БОГАТЫХ – ЗАКОН ДЛЯ ОСТАЛЬНЫХ. Между атлетично сложенными собаками-полицейскими и явно уступающими им в комплекции собаками-пассажирами возникает неизбежная голосовая перепалка. Пассажиры-хозяева шарахаются из стороны в сторону. Многие из них готовы сейчас отдать жизнь за своих чад. Или умереть с ними. Но пока все вроде бы обходится. Каждый возвращается к своей задаче. Беготня без правил продолжается. На корабле из всех мыслимых громкоговорителей несется тревога. Мигающие красные фонари загораются во всех помещениях и на палубах. Радиослужба разгоняется на полную мощность. Длинное гортанное эхо напоминает обычный театральный фокус. КАРНАВАЛ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ. Переполох заметен и в прилегающих портовых службах, и на грузовых площадках. Начинается настоящая боевая эвакуация. Десятки реанимобилей и караваны порожних автобусов движутся из города в одном направлении. Вопль сирен слышен на многие километры. Раздраженный, любящий поспать Берлин плотно захлопывает окна. Обычно ему есть дело до всего. От войны до

мира. Однако только не в это время суток. Спокойствие важнее внеплановых чудес. Беспощадно восходящее солнце вперемешку с максимальным электрическим светом ярко и в деталях представляют происходящие события. ДЛЯ ИСТОРИИ. ДЛЯ УРОКОВ ИСТОРИИ. Я вижу знакомого бармена в майке с жирным красным крестом на груди и спине. Он носится по коридорам своего участка безопасности. Для большей убедительности (сложными правилами это не предусмотрено) стучит кулаками в двери всех номеров. В мою – с дополнительным усилием. Даже несколько раз ногами. Даже несколько раз с избыточной злостью. Даже до боли в руках. Но я никак не реагирую ни на один из сигналов тревоги. И на отчаянно-озабоченные призывы бармена в том числе. У МЕНЯ НЕТ ТРЕВОГИ. Я СПЛЮ. Четко доложив по радиосвязи начальству о проделанной работе, исполнительный бармен теряется в смешанной толпе спасателей и спасаемых. Там ему отведены новые почетные функции. Мне вдруг надоедает наблюдать за разбушевавшейся трусостью богатых пассажиров. Теперь я фокусирую свое внимание на себе. Я остаюсь наедине со своим телом. Вызубренные командирами-капитанами распоряжения постепенно замолкают. Громкоговоритель устает кричать трудно выполнимые глупости. (Типа: «Не волнуйтесь!»). Выжившие из ума красные фонари устают нагнетать смертельную опасность. И разом отключаются. Отключается и кондиционер. Впрочем, отключается вся электросеть. Кажется, будто схлынувшая массовая суета была лишь неудачной импровизацией переутомленного воображения. Пробившаяся сквозь богатопассажирский шум неестественная тишина сна придает естественного хладнокровия. До звонка будильника остается еще целых пятнадцать минут. ВРЕМЯ, свободой которого я пока располагаю. ВРЕМЯ, свобода которого еще располагает мной. TIME IS NOT UP. Через щель в зашторенном окне я замечаю, что чайки как ни в чем не бывало кружат над декоративно раскрашенным морем. Что море продолжает

щедро утолять их безграничную ненасытность. Что цвет моря абсолютно идентичен цвету неба. И кажется, что в приступе головокружения можно очень легко потерять ориентацию. Но птицы чувствуют себя уверенно. Они никогда не перепутают направление. Потому что знают, кто их кормит. А казаться может только на берегу…

P.S.

«Сегодня в 8.00 в берлинском морском порту во время стоянки на одном из крупнейших пассажирских судов произошли подряд два мощных взрыва. За час до этого неизвестный сообщил в полицию о готовящемся теракте. Все попытки обнаружить на судне взрывное устройство не удались. Пассажиры, рабочий персонал были вовремя эвакуированы. Пока известно об одном погибшем. Его взрывной волной выбросило далеко в море. Это мужчина средних лет, брюнет. Скорее всего, один из пассажиров, по непонятным причинам задержавшийся на судне. В кармане его одежды были обнаружены фотография Че Гевары и брелок с ключами. На брелоке выгравированы инициалы «R.P.» Личность погибшего устанавливается. По всем фактам уже ведется следствие. В организации взрывов подозреваются двое молодых людей, которых видели пассажиры на этом же корабле. Блондинка лет тридцати и мужчина спортивного вида», – в полдень по всем радио- и телеканалам было передано вот такое сообщение.

Часть 2

Записки наотдыхавшегося

Я – трус. И этим горжусь.

Да, человек человеку – брат… Если человек человеку – человек.

«Arbeit macht frei».

Принципиальность – это когда тебя ведут на виселицу, и ты убеждаешься в торжестве справедливости.

Совпадение дня Вашей смерти с днем Ваших похорон говорит о повышенном внимании к Вашей персоне.

Колючая проволока никогда не

отделяет человека от мира. Напротив, она накрепко привязывает их друг к другу.

Хочу смотреть во все глаза, Закрыв свои от сглаза зла.

23 июня

Я никогда не задумывался над тем, сколько у таракана ног и как правильно их называть – ногами или лапами. Какое строение они имеют. Есть ли у них, к примеру, пальцы. Свойственно ли им спотыкаться. Или насколько устойчиво они чувствуют себя в движении. Как быстро устают и с какой максимальной скоростью могут удирать от опасности. Все эти детальные зоологические домыслы поочередно возникали и гасли в моем отдыхавшем до сих пор мозгу в то время, когда невидимые тараканьи ноги сантиметр за сантиметром измеряли расстояние между зеленой, в траурную полоску, тумбочкой, где хранился оставшийся от обеда кусок хлеба, и жалобно скрипевшей под моим скомканным телом ржавой кроватью. Я сразу подложил под голову кулак, чтоб взять под собственный зрительский контроль весь выскобленный пол. Точнее, всю территорию, на которую мог посягнуть сей наглый пришелец. От звуков деформированной железной сетки таракан притормозил. Вопросительно зажестикулировал прогнувшимися золотистыми усами. Пытаясь просчитать вероятность скрытой опасности. Однако на несколько несмелых тараканьих шагов тараканьей смелости все же еще хватило. Расстояние между нами, хотя и еле заметно, но продолжило сокращаться. Понял ли он, что я за ним наблюдаю? Или оттого и притормозил, что почувствовал вдруг «нездоровый» к себе интерес? Какая такая причина отправила его к чужому берегу? Или, правда, его могло спровоцировать что-то серьезное? Впрочем, могла быть и обыкновенная случайность. Насытился усатый дармоед сыровато-

подгоревшим хлебом и, довольный, отправился навстречу белому свету, прогуляться. У любого существа возникает необходимость в общении. Более того, порой появляется нестерпимая тяга к себе подобному. Вот так и пришлось пойти на рискованный шаг. Отправиться на поиск. Вопреки коварной реальности. Вопреки интуиции и суеверию. *Вопреки всему, что может воспрепятствовать решительному стремлению.*

Впервые он попался мне на глаза в ливневый майский полдень. Ровно два месяца назад. В день рождения моей матери. Через несколько часов после пожара в соседнем хозяйственном бараке, который, несмотря на проливной дождь, безропотно сгорел в считанные минуты. Оттуда, наверное, он и прибежал. Через ожесточенно кипевшие лужи. И как только его не затоптали многочисленные барахтавшиеся в грязи сапоги? Да и все без исключения прицельные градины промахнулись. *Неужели животное везение сродни человечьему?*

Я открыл тумбочку, чтобы положить прихваченный с обеда кусок хлеба, и… обнаружил там таракана. Сначала автоматически щелкнула естественная мысль его просто прибить. Но рядом не оказалось подходящего предмета. Пока искал орудие убийства, обыкновенное отвращение успело превратиться в совершенно новое, незнакомое до сего момента ощущение. Точнее, *страхосочетание*. В том числе, страха за собственную жизнь. Не соображая, за что схватиться, я окончательно запутался в своих суетливых движениях. Придурковатое, декоративное размахивание руками потеряло всякий смысл. Стоя в атакующей позе в центре выскобленной территории, я впервые чувствовал себя загнанным во все углы сразу. Не способным найти в себе силы хотя бы прогнать непрошеное существо. Мы вынужденно уставились друг на друга, и, казалось, ничто не могло развести наши слившиеся воедино позиционно-выжидательные взгляды. Я испытующе наблюдал за его тщетными попытками отступить. Во что бы то ни стало перегруппироваться. Втиснуться в мизерную щель

между досками. Ловко спрятаться. Наблюдал за его насекомой беспомощностью и горькой жаждой вымолить пощаду на любых человеческих условиях. Мне даже показалось, что от безысходности он дрожал. Меня же со вчерашнего дня знобило от сквозняков и сопливо всхлипывавшего дождя. Чтобы хоть как-то выбраться из этой нелепой ситуации, я волевым усилием попробовал временно восстановить давно забытое чувство жалости. Через пару минут нечто подобное, вроде бы, удалось из ленивого себя выдавить. Вот уже который раз в этот день таракану беспричинно повезло. Это действительно был его день. Мой выбор пал на единственно нейтральный вариант: положить хлеб на место, миролюбиво захлопнуть дверцу и констатировать: рядом со мной поселилась живая душа. *Я выбрал роль хладнокровного врага. Меня, смиренного, выбрала роль добровольного спасителя.* Так состоялась наша «военная» премьера. Так выглядело наше первое свидание.

С тех пор таракан не осмеливался покидать полосатое деревянное убежище в светлое время. Во всяком случае, в моем присутствии. Но сегодня утром его терпение дало трещину. Он рискнул отправиться мне навстречу. И если не считать страха, без видимых препятствий добрался до моей кровати и на расстоянии вытянутой руки уставился на меня с откровенным любопытством. Все его опасения оказались напрасными. Ничего угрожающего на полу не происходило. Возникла эпическая выжидательная пауза, которая должна была убедить его в моем миролюбии. Я тоже задумался. Что толкнуло его на столь решительный поступок? Может, это была демонстрация благодарности за сохраненную пару месяцев назад жизнь? Если я вдруг угадал, то тараканьей памяти стоило позавидовать.

Я лежал в ожидании дальнейшего развития событий. Посмеет ли таракан подобраться ко мне еще ближе? Для знакомства крупным планом. Или же станет терпеливо ждать моей одобрительной реакции, пока не устанет? По вальяжному

шевелению усов я мог лишь догадываться о его истинных намерениях. Значит – мог нафантазировать лишнего. Значит – лучше было бы не нарушать тишину ошибочными инициативами. Общего взгляда, как при нашей первой встрече, тоже не получалось. Наверное, из-за отсутствия вражды. Зато общим получалось ожидание. Никто не хотел его прерывать. Пока оно устраивало всех. Но в таких ситуациях всегда неожиданно и энергично появляется третья сила. Для установления своего, иного порядка. Сейчас – этой силой была внезапная автоматная очередь за окном, которая пулей вернула ошарашенного таракана в тумбочку. А меня заставила лениво встать с кровати.

27 июня

Последнее время по ночам меня частенько одолевала одна и та же навязчивая мысль. Будто полосатая лагерная форма была многим заключенным и правда к лицу. Нет, данное морально-логическое противоречие не тянуло за собой никакой крамолы или изощренного предательства. В нем не было ни состава преступления, ни откровенной злобы. Оно совершенно не претендовало на автономное существование вне пределов моего сугубо философского воображения. Просто ежедневно вглядываясь в десятки штампованных фотографий из прошнурованных «личных дел» заключенных, я приходил к неожиданному выводу, что строгая полосатость довольно органично сочетается с густой небритостью и вечным трагизмом упирающихся в меня взглядов. Никто не сопротивлялся данному образу. Каждый срастался с ним как с судьбой. Независимо от возраста. Независимо от национальности. Независимо от подаренных природой черт лица. Причем убедительное сочетание формы и содержания делало бессмысленной попытку представлять солагерников в некоем ином виде. Даже абстрактно. Даже абсурдно. Даже если вдруг по команде всю толпу раздеть догола, на всех телах без исключения все равно остались бы ничем не смываемые

следы чернильных полос – *основной художественный элемент насильственной моды.*

У каждого времени есть свой персональный модельер. Такое открытие я сделал для себя в ночь на минувшую пятницу. Всего через неделю после того как мне выдали поношенную, без знаков отличия, с въедливым запахом хлорки, отглаженную солдатскую форму. Расставание с прежней было непринужденным и простым. Вживание в новую потребовало характера. С тех пор в лагерном дворе я старался появляться реже. Особенно в часы массового движения и перекличек. И все же этого было достаточно, чтобы стыдливо почувствовать мое превосходство над другими. Хотя вряд ли кто-то обратил внимание на мое столь радикальное жанровое перевоплощение. Ну кому какое было дело до чужого умения приспосабливаться? Каждый боролся за свое везение-невезение в одиночку. Втайне от остальных празднуя перед сном прожитый на последнем дыхании день. Сил порой не хватало даже на лишнее поднятие головы. Даже на ничтожную зависть. Так что таинственное исчезновение номерного знака с моей груди никого не заинтересовало. Как никого не взволновало мое изменившееся положение в лагерном обществе. Как никого не удивили мои участившиеся контакты с лагерной администрацией. *Военнопленный с особым статусом.* Данная формулировка никому ничего не разъясняла. Но была узаконена красным карандашом напротив фамилии в моем «личном деле». Что означает: она гарантировала временное выживание.

Случайным всплеском меня вынесло из ежедневного человекопотока. Из полосатого моря первоочередников на скорое свидание с богами. Из безумного водоворота коллективного страха перед неизбежной коллективной смертью. Эта резкая смена обстоятельств, обрушившаяся на мою раненую психику так же неожиданно, как и все сумасшествия последнего года жизни, будто в срочном порядке перезахоронила меня из одного сна в другой. *От*

экспериментов передовых конвейерных технологий меня спасло знание чужих языков. Плюс навык обращения с пишущей машинкой. Плюс ставшая профессией глухота к окружающим истерикам и крикам. Плюс отдаленное знакомство с музыкой Вагнера. Сумма этих плюсов плюс патологическое пристрастие победителей – пощеголять в черной парадной форме между рядами заторможенных заключенных – вырвали меня из навсегда разучившейся говорить толпы. На меня во время утреннего построения молча указали пальцем. Точнее, карандашом. После чего я должен был сделать только один шаг вперед и назвать свою национальность. Не получилось, не успел. Процесс восстановления речи оказался намного длиннее страха. Автоматчику едва видимым взмахом было велено отвести меня в специальное подразделение. Охраняемое другими автоматчиками. И находиться там пришлось до позднего вечера. Под бдительным прицелом. *До унизительного востребования.* Так началось мое перемещение в новую лагерную плоскость.

К офицеру-очкарику меня приводили четыре раза. Причем ни разу ни один из вопросов не повторился. Все четыре раза он раскручивал спираль вокруг треножного табурета, на который мне разрешили сесть. Казалось, что количество его размеренно-одинаковых до миллиметров шагов увеличивалось пропорционально мельтешившим в моей голове мыслям. Все четыре раза в противовес всему происходящему вокруг громко играла музыка. Офицер с аккуратной медлительностью ставил и заводил одну и ту же пластинку на игрушечном патефоне. Правда, иногда он умышленно делал вид, будто о ней забывает. Будто он забывается. И тогда заикающееся шипение вперемешку с мерным скрипом формально озвучивали провалы-паузы моего вялого допроса. Все четыре раза он самовлюбленно позировал и усердно курил, разбрасывая рваные клубы дыма в самые отдаленные углы пространства. Время от времени задавая вопросы не столько мне, сколько

самому себе. Но на свои вопросы офицер вслух не отвечал. Когда на последнем свидании он узнал, что мне знакомы оперы Вагнера, его указательный палец долго не мог оторваться от переносицы. То и дело поправляя свои круглые очки, он так же долго рассматривал мои густо исцарапанные босые ноги: «Путь к смерти – не всегда прямая линия». Его шелковистый голос не без труда пробирался сквозь бесконечные музыкальные дебри. А последнее слово из монолога мне удалось разобрать только по скользящему движению нарисованных губ. И тут я впервые осмелился на мгновение задержать взгляд. Взгляд напротив пронзал насквозь. Меня в упор не замечая. Так мы слушали «Die Meistersinger von Nürnberg». Через час, повернувшись ко мне спиной, офицер позвал автоматчика.

На следующее утро с восходом солнца меня привели в маленькую комнату с отдельным входом. Пристроенная к торцу медицинского корпуса, она окном выходила на главный лагерный плац. Сперва я не понял свалившейся на меня роли в постоянно меняющихся обстоятельствах. Но сразу за мной почти торжественно внесли пишущую машинку и стопку бумаг. Какой-то лагерный чиновник громко озвучил мои новые обязанности и новые правила поведения. С этого «счастливого» момента новое место работы становилось еще и новым местом существования. А новые орудия труда становились для меня лично чем-то полезными. Отныне в приступах бессонницы я решил вести свои сумбурные записи. После того как поселили меня в комнате одного, я впервые за последнее время мог вглядеться в мир через незарешеченное окно. В закрытый лагерный мир через открытое лагерное окно. Будучи сам жертвой, *я превращался в постороннего наблюдателя за жертвами.*

6 июля

Лагерь был способен реально выполнить только одно мое предсмертно-посмертное желание – похоронить без цветов и музыки. Точнее, наспех забросать сырой землей в

послезалповой тишине. Нелюбовь к цветам, рожденная в нелюбви к любым церемониям, как бы подтверждала изначальное и необратимое безразличие моей натуры к геройству. Страх, врожденная трусость были куда ближе моему характеру. Эти психические категории никогда не нуждались в художественном оформлении. Не замечали они и всеобщего осуждения. Существовали сами по себе. Свободные от всех видов добродетели и нравственного абсурда. Проявляя свою убедительность исключительно своей сутью. Их было невозможно перевоспитать или же скомпрометировать. Невозможно было приобрести или позаимствовать. Как и невозможно было ни при каких обстоятельствах с ними расстаться. Они появлялись на свет и исчезали вместе со своим антигероем. Вот образец взаимной преданности! Вот пример воистину единого коллективного эгоизма! Я был уверен, что признание в собственном страхе звучит не менее значительно, чем осознанное стремление к подвигу. Я не раз убеждался, что трусость столь же индивидуальна и образна, как и чрезмерно обласканная ИСТОРИЕЙ личная храбрость. Оттого, наверное, мое понимание гражданского долга не пересекало границ моих гражданских способностей. Я не претендовал на конфликт с самим собой. Я всего лишь являлся самим собой. Именно поэтому никто не имел морального права упрекать меня в моей сущности. Герою на могилу нужны живые цветы, равно как мне – тишина и голый бесформенный камень. К великому сожалению, плен гарантировал лишь отсутствие музыки и цветов. По остальным же вопросам, при всей временной внешней терпимости к лагерю, у меня с ним общих взглядов на исход жизни не обнаруживалось. Бывало, да, хотелось от злости пораскинуть воображением, но постоянно свежее воспоминание о безбрежном котловане, мимо которого раньше приходилось ходить по несколько раз в день, не давало возможности и помечтать о персональной могиле. А ведь *смерть – сугубо интимное мероприятие. Причем гораздо интимнее, чем сама жизнь.* Хотя по сравнению с жизнью у

смерти есть одно выдающееся качество: *смерть всегда уместна.* И здесь, в лагере, степень ее уместности безоговорочно достигала наивысшего показателя. Здесь к ней все услужливо располагало. Здесь она без сомнения и снисхождения над всеми властвовала. Здесь люди сами искали с ней долгожданных объятий. При ежедневных встречах с другими заключенными мне часто казалось, что мыслями о самоубийстве занята каждая голова, еще не получившая пулю в лоб. Засиживаться в очередниках не у всех хватало терпения. Запасной вариант становился основным. Одно резкое движение рук – один резкий шаг в сторону – одна резкая вспышка иноязычного гнева – и заказанная программа-максимум выполнялась на месте. *Самоубийство – самый обезболивающий из человеческих поступков.* Наглядный опыт последнего года настойчиво толкал меня именно в этом направлении. Если бы я знал, какой отрезок пути еще осталось преодолеть? Смог ли бы я тогда уберечь себя от заразительного чужого бессилия? Способен ли был мой страх сохранить мне жизнь хоть в каком-нибудь виде? Достаточно ли быть просто трусом, чтобы надеяться на выживание? Пока же лишь кто-то из всевышних меня покровительственно оберегал. Пока я продолжал отупело выстукивать на пишущей машинке приговорные строки из заключенных в проволоку чужих биографий. Пока у меня перед глазами было собственное окно. Как долго я буду в него смотреть? Как долго я буду разглядывать в нем по ночам свое пугающее отражение? И как долго будет продолжаться подаренное временное одиночество? Неделю? Две? Месяц? Но ведь любая война длится не меньше вечности! Может быть, уж лучше сразу освободить себя от всех претензий и иллюзий? Может, одним махом взять и добиться неземного перемирия со всеми существующими-несуществующими врагами? *Что может быть бессмысленнее, чем право собственности человека на самого себя!*

10 июля

Стук в дверь меня скорее удивил, чем просто испугал. Поначалу я даже растерялся, отвечать ли на него. Ведь то могла быть случайная ошибка или чье-то умышленное издевательство. Но после четвертой серии ровных ударов я бросил печатать и, выдержав паузу, насильно выдавил из себя: «Войдите».

– О, кажется, заработались… – Фигура уже знакомого офицера ловко нырнула в комнату вместе с агрессивным потоком слепящего утреннего солнца. – Да… Должен вас поздравить… В канцелярии все очень довольны вашей грамотностью и трудолюбием… Трудно поверить… Ни малейшей претензии… Значит, я в вас не ошибся… А как вам новое занятие?..

– …

– Теперь вы мой должник…

– ?..

– Не бойтесь… И не воспринимайте буквально… Это всего лишь юмор… Это неправда, что юмор умер… Он с нами даже в жестокой обстановке… Иначе как выжить без него?.. La speranza è l'ultima a morire… Вот юмор и есть наша общая последняя надежда… Наша… Общая… Или вы со мной не согласны?..

– Не знаю…

– Вы не хотите со мной разговаривать?..

– Не-ет… Я просто не знаю, как… И не знаю, о чем… Присаживайтесь…

– О, нет… Сидите… Спасибо… Я лучше прислонюсь к подоконнику… Я вам не загораживаю свет?.. А то здесь довольно темно…

– После обеда солнце переберется на эту сторону… И можно радоваться жизни…

– Хм… Значит, не все так мрачно…

– …

– Интересно… Вы хотя бы знаете, какой сегодня день недели?..

– Четверг?..

– Нет, не угадали… Сегодня – воскресенье… И я вот решил устроить себе по сему поводу выходной… Между прочим, первый за два последних года… Надоело все… Серость… Скука…

Приподнятым коленом он оперся о край заваленного бумагами стола. Заслонив собой левую половину окна. Скрыв от меня всю левую половину лагерной площади. У офицера наверняка было хорошее настроение. Но мне до него не было никакого дела. Я предпочитал вежливо молчать. Я не понимал, надо ли ему сейчас что-нибудь от меня. И совершенно не понимал, как себя вести. Хотя при этом я схватывал каждое его слово. Подозрительно вслушивался в каждую его интонацию. Не упуская из виду ни одной из его менявшихся, как маски, ухмылок. Да, нечасто победитель заглядывает в камеру к своей жертве, чтобы растрясти скуку.

– Ночью вам здесь не бывает одиноко?..

– Нет…

– И страшно не бывает?..

– Уже не бывает…

– А когда убивают, вам страшно?..

– Уже нет…

– И вид трупов вас не смущает?..

– Я привык…

– А если вдруг увидите свой?..

– Я его уже видел...

– Вот как?!

– Вы думаете, мой будет чем-то отличаться от сотен других?..

– Ваш изысканный цинизм мне нравится…

– …

– Мне кажется, вы были циником и в мирное время…

– …

– Или вы удачно играете?..

Офицер несколько раз поправил слегка сползавшие с переносицы очки. Будто пытался подробнее рассмотреть меня под увеличительным стеклом. Будто хотел сию же минуту докопаться до причин моего молчания. Правда, на его последний вопрос мне действительно захотелось ответить. Однако ответить только самому себе: играл ли я в разговоре с ним? Неужели моей трусости свойственно такое актерское перевоплощение? Или это был не более чем очередной обыкновенный страх – страх раскрыться перед кем-то чужим? Нет. Скорее, так выглядело желание продемонстрировать остатки растоптанной независимости.

– Ладно… Можете не отвечать… Не буду принуждать вас к лишним признаниям…

– …

– Вообще, я пришел к вам по делу…

– ?!

– Странно звучит, да?.. Ха-ха-ха-ха…

– …

– Вы умеете водить автомобиль?..

– Автомобиль?! Нет…

– Значит, научитесь…

– Но я малейшего представления не имею… Это не моя стихия…

– Наверное, было время, вы и печатную машинку себе не представляли… А сейчас смотрите, всех удивляете…

– Но я никогда на автомобиле даже не ездил… Мне приходилось только на трамвае… Еще школьником… На каникулах… В столице… У родственников… На машине – никогда… Не было случая…

– Неважно… Автомобиль и трамвай – это одно и то же…

– Но…

– Я выделю вам опытного инструктора и пару недель срока… Я верю в ваши способности… Это не Бог весть какая премудрость… Разберетесь… Мы ведь все когда-то чего-то не

умели… В вашем положении не может быть другого выбора… Не правда ли?..

– Но…

– Вы будете моим личным шофером…

– А…

– Мне нужны преданные люди… Я вам доверяю…

Прозвучавшая информация озадачила. Безразличие к неожиданному появлению офицера тут же сменилось на любопытство и сумбурное волнение. Я замолк. Намертво прилипший ко мне его настойчивый взгляд растягивал возникшую в разговоре паузу до бесконечности. Чего он ждал от меня? Поклона? Унизительной благодарности? Или свихнувшегося восторга? Было ли мое молчание для него моим естественным согласием? Может, поклоном, благодарностью и восторгом одновременно? Неужели он мог себе представить другой мой ответ? Я же с трудом рисовал себя за рулем автомобиля. Но несколько слов надо было произнести немедленно. И во что бы то ни стало. Дабы отбить настойчивость его давящего взгляда. Иного выбора у меня, конечно, не было. В этом офицер прав. Да и нужен ли был иной выбор?

– Как вы скажете, так и будет…

– Вот это по-деловому…

– Я в вашем распоряжении…

– У нас полное взаимопонимание… Почти с самого начала… Меня это радует…

– Если…

– Бумагу вам будут приносить и для личных дел, если хотите… Я об этом позабочусь… И завтра сюда проведут электричество… На окно к вечеру повесят занавески… Чтоб почаще отгораживаться от происходящего вокруг… Чтоб иногда отдыхать… Ну не сидеть же вам постоянно спиной к окну… Как вот я сейчас… По сравнению со смертью ваше существование станет чуть-чуть похожим на жизнь… Ха-ха-ха-ха…

– …

– Через неделю на правой стороне площади построят несколько виселиц… Говорят, они действуют на психику заключенных сильнее, чем автоматные очереди… Хотя, будь моя воля, я бы давно всех подряд перестрелял… Собственноручно… Не задумываясь ни на секунду… Зачем несчастных зря мучить?.. Они ведь тоже люди… Не правда ли?..

«Будь моя воля, я сделал бы то же самое… И по той же причине…» – подумалось мне. Но вслух я ни слова не произнес. Да и произносить уже было не для кого. Темный силуэт офицера бесследно растворился. Исчез без предупреждения. Замедленно повернувшись, я вновь уставился в свое окно обозрения. Офицер стремительно пересекал площадь по туго натянутой диагонали-тетиве. Догадывался ли он, что я веду за ним наблюдение? Или он был в этом уверен? А может, точно вычерченный маршрут был просчитан заранее? Неожиданно я ощутил себя везучим человеком. Потому что мог позволить себе прилечь на кровать. У меня кружилась голова.

18 июля

Для чего менять декорацию, если достаточно закрыть глаза зрителю. В интересах самого же зрителя. Такого парадоксально заботливого отношения к моей персоне я не предполагал даже в полуночных приступах-диспутах о жизни и смерти. Я чаще стал ловить себя на мысли, что появился на свет в рубашке. Пускай в тюремной, но все равно в рубашке. Хлипкие перспективы на собственное выживание день ото дня начали медленно укрепляться. Принимая в редкие минуты то ли счастья, то ли забытья явно преувеличенные формы. Я отдавал себе отчет, с чем это было связано. Офицер своих слов на ветер не бросал. Любые его намерения всегда превращались в конкретные поступки. Уже на следующий день в моей скромной вроде устоявшейся обстановке действительно

произошли изменения. Отглаженные, в траурную полоску, зеленые занавески вытянулись во всю высоту окна. Так что теперь при желании можно было временно скрыться от горько-навязчивого лагерного представления. Или же, на худой конец, сделать вид, будто оно меня не касается. Будто мое пристанище обрело статус жилого дома. Будто мой дом есть моя крепость. Будто я есть ангел-хранитель этой крепости. Правда, иногда вдруг казалось, что звуки, проникающие ко мне извне, становятся в такие минуты намного сильнее и выразительнее. Однако стоило только приоткрыть занавески, как все сразу же возвращалось на свои места. Поэтому у меня не хватило сил отказаться от привычных наблюдений, и я решился время от времени прерывать свое бесконечное лежание на кровати. *Зачем менять декорацию, если зритель к ней уже привык.*

Автомобилем я занимался ежедневно, хотя и не более нескольких часов до обеда. Так как после офицер уезжал на нем за пределы лагеря. А возвращался всегда поздно, когда лагерь уже погружался во тьму. Приставленный ко мне его нынешний водитель пунктуально выполнял все указания своего начальника. Он не отходил от меня ни на шаг, чередуя практические занятия рядом с гаражом, на виду у администрации, с детальными разборами схем из специального военного учебника. Водителя совсем не интересовало мое лагерное происхождение. Его ничуть не раздражала моя техническая неграмотность. Он тихо, без злобы, мог повторить одну и ту же фразу два-три, а то и четыре раза. Старался по каждому вопросу убедиться, правильно ли я понял. Можно было даже предположить, что он лично заинтересован в успехах новичка. Водитель постоянно меня убеждал, что уже в ближайшее время я овладею всеми профессиональными секретами. Чересчур часто и деликатно подчеркивая мою сообразительность и старание. Пытаясь растормошить мой не очень-то боевой дух. Мне же все время казалось, что автомобиль попросту взорвется от моего любого

следующего прикосновения. И мир окончательно рухнет. Настолько я боялся первого самостоятельного вождения. И совершенно не понимал отведенной мне роли в новых отношениях с офицером. Настолько я не представлял *свое свободное перемещение в незамкнутом пространстве*.

Офицер не осуществлял прямого контроля над моим поведением и распорядком жития. Со времени его до сих пор единственного посещения он ни разу со мной не встречался и через своего водителя ничего не передавал. Однако именно сам факт, что меня никто ни по какому поводу не допекал, не беспокоил, и являлся абсолютным доказательством его чрезмерного, скрытого внимания. Конечно, нити моей искусственной неприкосновенности находились в его руках. Если раньше я был лишь частью массового жертвоприношения, то сейчас по-настоящему стал осознавать буквально физическую принадлежность одному конкретному человеку. Свою беспомощность я объяснял законами военного времени. Офицер же этими законами умело пользовался. *Будто написаны они были специально для него.* Все мои дни и ночи тянулись под нависшим невидимым колпаком. Но вот когда меня этот колпак наконец-то накроет или раздавит, было известно только одному офицеру. Хотя я наблюдал за ним только издалека, расстояния между нами не существовало. Его очки постоянно блестели передо мной. И, в зависимости от особенностей освещения, в них всегда мелькало мое отражение. Отражение можно было даже разглядеть. Для этого надо было приблизиться к его лицу вплотную. Как к ночному окну. Всмотреться в него пристально. Face to face. То есть окончательно признаться в поражении. Пока же подобного лобового столкновения я пытался избегать. Расставлять знаки препинания в происходящем было не моим делом. *Лучшая инициатива – ее отсутствие.*

21 июля

В лагере наверняка не было никого, кто проводил бы в кровати столько времени, сколько я. Да-да, именно узкая

кровать стала местом рождения-возрождения всех моих мыслей. И одновременно местом их почти бесследного самоуничтожения. Она целенаправленно превращалась в основной атрибут моего лагерного расписания. И ничто не вынуждало меня надолго с ней расставаться. Около двух третей суток я привык проводить, пускай не всегда с закрытыми глазами, в горизонтальном положении. И у меня создалось устойчивое впечатление, будто *безделье есть форма привилегированного наказания.* Но что бы ни происходило, бессонница меня никак не покидала. Страх перед тем, что в любой момент кто-нибудь может войти, заставлял мое сознание по большей части бодрствовать. Надо было быть готовым по необходимости вскочить до хлопка дверью. Особый статус военнопленного не только временно спасал от смерти, но и мобилизовывал. Мало ли что офицеру может заблагорассудится? Вдруг у него тоже бессонница? Вдруг ему зачем-то понадобится меня увидеть? Просто так. Вдруг ему станет скучно? А вдруг у него резко поменялись планы? Вдруг, наоборот, я ему больше не понадоблюсь? И вместо него появятся те, кто меня в эту комнату привел. Что делать тогда? Что меня ждет при этом раскладе? Возвращение опять туда, откуда привели? Или смерть сразу? Еще бы знать, что для меня лучше? Точнее, что для меня ближе к свободе. Так что страх не только не давал возможности расслабиться, но и заставлял с повышенной скоростью перебирать в голове различные варианты развития событий. По которому уже кругу. При неестественном собственном внешнем спокойствии. При тусклом ночном электрическом свете. При единственном и вынужденном свидетеле – все том же, с золотистыми усами, таракане-соседе.

За последний месяц и в жалкой жизни таракана стали происходить неожиданные, ирреалистические сенсации. Не знаю, сколь велико бывало тараканье удивление, но довольно часто, помимо огрызков кислого черного хлеба, ему перепадало кое-что из деликатесов. Каждый ужин мне

регулярно выдавали по два куска снежного сахара и несколько сухофруктов. Однажды я искренне не поверил собственным глазам: на столе между помятой кружкой и новенькой тарелкой аккуратненько лежал запечатанный квадрат шоколада. Це-лы-й-квад-рат-шо-ко-ла-да!!! Шо-ко-ла-да-для-за-клю-чен-но-го! Ежедневное трехразовое питание превращало меня из смертника в *подопытного курортника*. При каждом свидании с едой мне с трудом удавалось убедить себя в том, что все лежащее передо мной принадлежит одному мне. И только мне. Не мог я себя заставить съедать все сразу. Не мог себе позволить механическое заглатывание сто-я-щей-че-ло-ве-чес-кой-пи-щи. Хотелось потянуть удовольствие в одиночестве. Чтоб никто не видел моего перекошенного наслаждения. Чтоб никто не слышал моего позорного похлюпывания слюной. Чтоб ни у кого не возникло отвращения к моей рабской ненасытности. Как возникло отвращение у меня. Отвращение к «новому» окружению. Так как теперь я обедал в обустроенном помещении. Вблизи офицерской столовой. Вместе с прочими «темными» особами. Хотя и за отдельным столом, больше напоминавшим хромой высокий табурет. Постоянно закрепленное за мной место выделяло меня из этой малочисленной группы едоков. И мне это льстило. Я старался держаться свободно, почти уверенно. Подчеркнуто соблюдал кем-то установленную дистанцию. Не разбрасывал лишних взоров по сторонам. Сокращая отведенное на еду время до минимума. Унося под рубахой все, что только можно было унести к себе в комнату. Потому в полосатой тумбочке время от времени скапливались стратегические запасы. Таракану было чем полакомиться. Я воображал его довольную физиономию. Я интуитивно чувствовал его теплеющее настроение. И эта чужая сытость не вызывала у меня брезгливости, она, напротив, доставляла мелкую, но искреннюю шефскую радость. При появлении игриво торчащих из тумбочки тараканьих усов мне хотелось улыбаться. Не знаю, было ли это видно по моему все еще

живущему в подполье лицу, но *в моей душе наверняка на несколько градусов подскакивала температура. От бесконечной собственной щедрости. В ущерб бесконечной собственной жадности.*

Мирное тараканье существование меня периодически гипнотизировало. Прерывая всяческую связь с грозящей убийством реальностью. Случалось, жизнь в полосатом ящике интересовала меня вовсе не меньше, чем активная жизнь на лагерной площади. Таракан настолько освоился в непредвиденной обстановке, что мне не раз казалось, будто в тумбочке поселился человек. Или, по крайней мере, высокоэгоистический человеческий разум. Мудро игнорирующий все происходящее вокруг. Сознательно издевающийся над себе подобными. Демонстративно-снисходительно делящий мир исключительно на себя и пустоту. Таракан больше не шарахался ни от внезапных автоматных очередей, ни от сумасшедшего ора за окном, ни от самого страшного для себя – панического скрежета моей железной кровати. Он сумел безошибочно усвоить: посторонний сюда не войдет. Постороннему сюда вход воспрещен! Так что его право пользования выскобленной территорией постепенно распространилось уже на всю комнату. С моего молчаливого согласия. Или даже стоит сказать, при моей моральной поддержке. В раздумьях о тараканьем менталитете я едва не забывал о самой войне. Война порой действительно оказывалась по ту сторону моего полуобморочного сознания. Временно удалялась из нашего общего жилища. Сразу становясь совершенно никому не нужной. Превращаясь в третьего лишнего. И эти перевоплощения происходили благодаря таракану. Благодаря таракану время вдруг заклинивало. Благодаря таракану я превращался в мирного человека. Благодаря таракану вдруг наступал временный бесконечный мир. Благодаря таракану в лагере на одного военнопленного становилось меньше. Я привык внимательно наблюдать за каждым перемещением

золотистых усов. Сегодня, как никогда, бросались в глаза их легкость, раскованность, целенаправленность. В считанные секунды без видимых усилий таракан забрался ко мне на краешек постели и уставился на меня своим то ли многозначительным, то ли многообещающим взглядом. Подобная ситуация уже не раз случалась. Поэтому никакие сомнения по поводу собственной реакции меня особо не беспокоили. И я, не задумываясь, ответил взаимностью. Возникло ощущение, будто между нами вот-вот завяжется серьезный диалог. Настоящий полноценный диалог между двумя важными, заинтересованными лицами. Трудно сказать, были ли у противоположной стороны каверзные вопросы. Мне же хотелось ответить лишь на один свой. Чего было больше? В таракане – человечьего? Или во мне – тараканьего?

26 июля

Страшный день наступил. Внешне он не отличался от предыдущих ничем. Жаркий, оранжевый, безветренный, спелый. Рокового стечения обстоятельств в нем не было. Напротив, в его растянутой неизбежности созревал мой копившийся больше двух недель запрограммированный страх. Наступил очередной день рождения. В очередной раз решающий и напоминающий школьный выпускной. День дебютного самостоятельного вождения автомобиля. День наглядной компенсации за нескончаемое лагерное везение. Которое могло без предупреждения в любой миг закончиться. Причем неважно, по чьей воле. Сегодня я должен был опять и полностью перетрясти уже вроде бы устоявшийся текущий порядок. Я должен был выбросить из головы все мысли о творящихся вокруг нескончаемых кошмарах, о надеждах и иллюзиях. Я должен был стать в новом качестве незаменимым профессионалом. Я должен был хладнокровно привести в движение все схваченные за пролетевшее мигом время навыки и умения. Я должен был во что бы то ни стало убедить себя, что провел за рулем не один год. Я должен был убедить в этом и очень нервничавшего сегодня офицерского водителя. И всю

с любопытством глазевшую из окон администрацию. Но в первую очередь я должен был убедить самого офицера. Я должен был убедить в этом всех. И мой характер должен был мне помочь. Я знал свой характер. Я знал, что меня ожидает, если я его не проявлю. Я знал, чем опасны на войне люди, если им не угодить. *Военнопленный меняет профессию. Точнее, военнопленный овладевает смежной профессией. Еще точнее, военнопленный – это тоже профессия.*

На сиденье я рухнул, будто умышленно толкнул себя в лужу. Брызги от этой лужи зашипели кипящим потом на раскаленном лбу. Покорно обветшавшие за год плечи как по команде заострились. Мокрые руки схватились за руль. Нет, за оружие. Я резко переходил в наступление. Я настроился продемонстрировать всему белому свету свое законное право на животное выживание. Я верил в свою победу, имя которой – *реванш*. Я верил в свой реванш, имя которому – *свобода*. Густая злость, бурлившая в моей груди, это подтверждала. Даже вражеский автомобиль прочувствовал мое состояние. Он не вздрогнул от моего неосторожного прикосновения. Он оказался преданным другом в моих крепких руках. Он отчетливо принял к выполнению поставленную перед ним задачу, первым дав согласие на мое «служебное» продвижение. *И враг может стать другом. При этом не имеет значения, идет речь об автомобиле или же о существе одушевленном.* Уверенность, похоже, начала подавать признаки жизни. Значит, у самой жизни одним естественным признаком становилось больше.

Нет, машина с места не рванула. Она медленно и со знанием дела понесла меня по всему периметру лагерной государственности. Я поначалу не заметил, как оказался довольно далеко от гаража. Маршрут заранее никто не выбирал. Нужно было ехать – я смело ехал. Офицерский водитель спокойно произнес: «Сколько сможешь. Только лишний раз не останавливайся. Докажи, что умеешь». И все получилось само собой, непроизвольно. Моя дорога

действительно стелила мягко. Дорогой была запретная для заключенных широкая полоса земли между высоким каменным забором и всеми внутренними постройками. Сегодня она, правда, оказалась проложенной специально для меня. Будучи частью жестко разграниченной, почти замкнутой окружности, она вела меня словно по прямой. Замаскированная свинцовым слоем пыли трава помогала удачно преодолевать скрытые предательства незаметных кочек и ухабов. Озверевшее с раннего утра солнце, слава Богу, было в зените. И тем не менее дорога отбирала все мое напряженное внимание. Поочередно вычеркивая из вытянувшегося поля зрения разбросанные по сторонам бараки, полосатые нити шеренг, надзирательные вышки. Внешние звуки из-за наглухо закрытых окон полностью деформировались. Поэтому бешеный хор вырывавшихся из рук автоматчиков овчарок напоминал беспорядочные восторженные аплодисменты. Мне казалось, что я схожу с ума. Я сидел как связанный. Немой. Виски невпопад отстукивали маршевую дробь. Руки не могли оторваться от руля, чтобы вытереть со лба пот. Не хватало сил и пространства. Мне не хватало воздуха. Смесь внешней уверенности и внутренней паники высушила губы. Нет, мне не казалось. Я действительно слышал извне взрывы аплодисментов. Я точно сходил с ума. Я сходил с ума оттого, что на глазах у всего вражеского мира моя первая в жизни поездка на автомобиле превращалась в поистине *спортивный триумф замедленного действия*.

Из машины я вышел победителем. *Победителем без победы.* Меня слегка качало. От одобрительного хлопка по плечу, полученного от офицерского водителя, я чуть не завалился. К тому времени у гаража собралась группа громко смеявшихся офицеров. Один из них небрежно будто замахивался на меня рукой, доводя своим жестом стоявших рядом до экстазного визга. Трусливым, но все же злобным взглядом я посмел скользнуть в их сторону. Они продолжали хором и наперебой заливаться смехом, удушливо захлебываясь избытком

собственной слюны и фальцетных звуков. Что конкретно послужило поводом для показного шумного веселья, я не понимал. Меня это абсолютно не интересовало. И даже не хотелось над этим задумываться. Главным было то, что среди них «моего» офицера не оказалось. Да, это и радовало, но и удивляло. Покрутив опущенной головой, я убедился: поблизости его не было нигде. Я не находил тому объяснений. Хотя причин могло быть – хоть отбавляй. В душу закралось тревожное сомнение. Я был уверен, что увижу его, выйдя из машины. Увы, в очередной раз я ошибся. Перепутав желаемое с действительным. Может быть, он наблюдал за мной из какого-нибудь окна? А может быть, он вообще забыл о моем существовании? Ни о чем другом сейчас не думалось. Мысли были заняты несостоявшейся встречей. Я поймал себя на признании в том, как мне нужна была его поддержка. Оставалось лишь продолжать надеяться, что все его намерения в отношении меня не изменились. Что не изменилось и само отношение ко мне. Я застыл в растерянности. Я на ощупь почувствовал всю хрупкость своего положения. Я боялся сделать шаг вперед, потому что он мог оказаться неверным. Никогда раньше я так не боялся за свою жизнь. Даже тогда, когда впервые надел полосатую форму. Когда на меня играючи или, как мне показалось, наобум указали пальцем. Когда смерть была гораздо ближе. Видимо, слишком рано я нафантазировал свое спасение. Видимо, *спасение слишком рано выбрало меня своей жертвой.* Из списка смертником меня пока еще никто не исключал.

27 июля

Опять было утро. И опять вместе с потоком солнца в комнате появился офицер. Опять со стуком. Я собирался в гараж. Но не успел. Офицер, похоже, все по-деловому рассчитал. Он опять занял позицию у окна, оперевшись коленом о край стола. И опять с его приходом в комнате стало темнее. Несмотря на молочную свежесть идеально выбритого лица, отблески очков, отоспавшуюся улыбку. Несмотря на

яркий огненный шар, который он по-детски перебрасывал из руки в руку.

– Да, вы произвели на меня впечатление… И не на меня одного…

– !?.

– Вы не поняли, что вчера чудом остались живы?..

– По-моему, это происходит каждый день…

– Вы проехали через запретную зону… Часовые были обязаны вас расстрелять… Их смутила ваша дерзость… Все решили, что я сижу на заднем сидении… Из-за чего приняли подобное безумие за мою экстравагантность… Но вы всех заставили ошибиться… Браво, это вызывает уважение…

– Не знаю, как все получилось… Я просто не знал, куда ехать…

– Виноват, конечно, мой водитель… С его-то опытом он должен был соображать… Дорого могла обойтись вам такая прогулка… Мое решение о его замене совершенно оправданно… Вчера он это доказал…

– Нет…

– Да-да… О подобных вещах интересно говорить в прошедшем времени…

– В очередной раз вы меня спасли…

– Нет, в очередной раз вам повезло…

– …

– Во всяком случае, издевательского смеха и шума вы сами видели, сколько было…

– Если я перед вами в чем-то провинился…

– Нет… Напротив… Вы весь лагерь покорили своей смелостью…

– Это была случайность…

– Я сначала решил, что это – попытка самоубийства…

– В последнее время никаких ужасных мыслей у меня не возникало…

– Здесь, в лагере, они у каждого возникают…

– Мне было не до того…

– Но об этом знали только вы…

– А вы были где-то рядом?..

– Я наблюдал за вами из окна своего кабинета… Как из театральной ложи…

– …

– Когда вы появились с противоположной стороны, в своем кресле я смеялся еще громче, чем те, любопытные, собравшиеся у гаража…

– …

– По-моему, вы даже не поняли, что произошло…

– …

– Зато сумели меня убедить, что в свом выборе я был точен… Автомобилем сегодня вы управляли на высшую оценку… Теперь я ни на секунду не сомневаюсь в ваших способностях… Хотя вы в своих, кажется, сомневались… Доверяйте мне почаще… И не бойтесь… Я постараюсь изменить вашу жизнь в лучшую сторону… Не обещаю – по-ста-ра-юсь…

– …

– Если не считать вчерашнего инцидента, пока идет все вполне благополучно… Теперь и во второй половине дня машина будет в вашем распоряжении… А в случае необходимости я воспользуюсь другой… Вам еще нужно неделю-другую терпеливо потренироваться… Учитесь… Не стесняйтесь своих способностей… Вот тогда я смогу доверить вам собственную персону…

В душе я был рад приходу офицера. С его появлением все становилось на свои места. Хотя я и испытывал некое замешательство и скованность в его присутствии. Однако сегодня я определил для себя совершенно четко: с ним гораздо спокойнее, чем без него. Я старался молчать и не торопился с высказыванием своего мнения. Не все ведь получается произнести вслух. Насколько было бы лучше, если бы говорил один офицер. Я боялся его вопросов. Я боялся его двусмысленности. Я боялся его импровизаций и

театральности. Но при этом ничуть не хотелось, чтобы он быстро ушел. Как это случилось в прошлый раз. Тогда он казался чужим. Сегодня же я окончательно пришел к выводу, что из всех зол надо выбирать более эстетичное. И те особые отношения, которые впрямую или косвенно предлагались офицером, подтверждали обоснованность моего выбора. Я постепенно учился ориентироваться в нестандартной ситуации. Нельзя пренебрегать *шансом*. Пусть даже по природе своей *злым*. Он может *никогда* больше не повториться.

– Вы продолжаете вести свои записи?..

– …

– Я несколько раз замечал, что у вас до самого утра горит свет…

– Я иногда при свете засыпаю…

– Но, судя по разбросанным на столе бумагам, у вас активная внутренняя жизнь… Интересно, о чем вы чаще думаете?.. О прошлом?.. Будущем?..

– О том, чего в жизни не бывает…

– Мне кажется, вы имеете в виду свободу… Ха-ха-ха-ха… Не правда ли?..

– …

– Я тоже часто о ней думаю…

– Неужели в моем положении можно думать о чем-нибудь другом?..

– Не заблуждайтесь…

– !?.

– Ваша жизнь, например, зависит от меня одного… И я отношусь к вам, скажем, неплохо… Моя же – зависит от людей, которые меня ненавидят… Тупая ненависть всех заключенных – ничто по сравнению с отношением ко мне многих «своих»… Неважно, кто конкретно они… Я просто говорю о зависимости… О бесконечной прямой зависимости от чужой ненависти… Ха-ха-ха-ха… Бывает так, да… Еще неизвестно, кто из нас свободнее… И кому из нас больше

грозит опасность… Зачастую парадоксы реальнее самой реальности… Вполне серьезно… Только выглядим мы по-разному…

– …

– Не надо рассуждать исключительно с точки зрения жертвы… Я никогда не поверю, что вы существуете лишь предлагаемыми обстоятельствами… Чем больше человек ограничен в своих действиях, тем крепче привязан к своим фантазиям… Именно эти фантазии и составляют большую часть нашей жизни… Не правда ли?.. Ха-ха-ха-ха… Вот представьте себя на моем месте… Не бойтесь… Это совсем несложно…

– …

– Действительно… Ну представьте… Мне интересно, какие новые эмоции вы испытаете… Только пусть вам не кажется, что для этого мир должен перевернуться… От перераспределения ролей между людьми мир вокруг не меняется… Да, лично для вас он станет временно чуть другим… Временно… Но не более… Попробуйте…

– А вы могли бы представить себя на моем?..

– Не знаю, верите вы мне или нет, но я уже давно ощущаю себя в полосатой шкуре… Мне лишь не хватает черной бритости головы и такой же небритости лица… Внутреннее же состояние едва ли отличается от вашего… Вы ждете своего часа… Я – своего… Никто не знает, чей пробьет раньше… И как ни странно, при нашей первой встрече именно себя я увидел на вашем месте… Сначала я наблюдал за вами со стороны… Но не подходил до тех пор, пока вы не перехватили мой встречный взгляд… Я обратил внимание, что в ваших глазах не было ни страха, ни тоски, ни серьезности… Так мне показалось… В них читалось то, о чем я постоянно думал и воображал сам: скорее бы все закончилось… Независимо от результата… В них была с трудом скрываемая ирония… Вот что меня подкупило… Ваше совершенно одинаковое презрение и к победителям, и к побежденным… Ко всем и ко

всему… К слабым за то, что они отвратительны в своей наивной беспомощности… К сильным же за то, что они получают удовольствие от этого наива…

Я боялся, что хорошее настроение офицера может в любую минуту внезапно оборваться. Потому что все, о чем он говорил, вряд ли могло долго провоцировать на положительные эмоции. Хотя его высокомерный смех, конечно, был больше сопроводительным. Я поймал себя на мысли, что ни одно его высказывание не вызывало у меня ни протеста, ни раздражения, ни даже прозрачной ухмылки. Мало того, большинство его изречений были *действительно* близки моему молчанию. И может быть, я с ним во многом бы согласился. Если не задумываться над тем, где и когда происходил наш разговор. Офицер, слава Богу, старался сам отвечать на свои же вопросы. Освобождая меня от принудительного открывания рта. Казалось, он боялся сбиться с психологического ритма своего сольного выступления. Боялся спугнуть внимание и покорность своего единственного слушателя. Боялся потерять нить придуманного им же представления. Я находился в *зоне особого притяжения*, которая нещадно контролировалась его *особым* гипнотическим взглядом – *особым* гипнотическим словом – *особым* гипнотическим смехом. Офицер уверенно лепил из меня себе подобного. Уж очень ему хотелось взглянуть на себя со стороны. *Не на форму – на содержание.* А может, я *действительно* мог оказаться на его месте? При этих же обстоятельствах. Офицер совсем меня запутал.

– Когда я узнал, что вы знакомы с Вагнером, я был правда ошеломлен… Великий Рихард никогда бы мне не простил, если бы я лишь формально засвидетельствовал вашу смерть… Он – велик… А это значит, что он сам выбирает себе слушателя… Выходит, и вы отмечены его печатью… Выходит, и вам позволено прикоснуться к его гению, тщеславию, эгоизму… Это он, а не я продлил вам жизнь… Благодарите Вагнера… Он не ошибается… Вы осознаете, что вы всецело –

его слуга?.. Я специально подчеркиваю слово «его»… Впрочем, как и я… Что вы на это скажете?..

– …

– Мы с вами – соучастники… Ха-ха-ха-ха…

– …

– Прошу прощения, если вдруг вас раздражает мой высокопарный стиль?..

– Нет, что вы… Я так давно не слышал нормальной человеческой речи…

– Да… Я, к сожалению, тоже… Вот и хочется перед вами поупражняться в творчестве… Ведь разговаривать в лагере не с кем… Да и разговаривать здесь неуместно… Это единственное место в мире, где звуки не сливаются в слова…

– …

– У меня есть для вас одна хорошая новость…

– ?!

– Я, кстати, получил предварительное разрешение от моего начальства на ваше свободное перемещение… За пределы лагеря… В любое время дня и ночи… Под-мою-личную-ответственность!.. Так что с конца наступающей недели мы будем общаться намного чаще… Набирайтесь терпения выдерживать мою словесную активность… Это тоже будет входить в ваши обязанности… Имейте в виду, я – агрессор… К тому же, надеюсь услышать от вас что-нибудь интересное… Мне кажется, вам будет чем меня удивить… Со временем вы разговоритесь… И докажете, что вы не только слушатель по принуждению…

– Вы обрушили на меня столько информации…

– С ней вы легко справитесь…

– Постараюсь через отведенную мне неделю быть в форме… Обещаю…

– Кстати, что касается в прямом смысле формы… Она у вас тоже появится… Настоящая… Солдатская… И даже по размеру… Пленным вы будете числиться только на бумаге…

– И в душе…

– Не злоупотребляйте пессимизмом… Он уже давно потерял свою привлекательность… Разве вы этого еще не поняли?.. Живите сегодняшним днем…

– Хорошо… Обещаю плыть по течению…

– Плыть нужно с бодрым настроением…

– …

– И примите этот апельсин в качестве аванса за вашу обещанную преданность…

– …

– Ха-ха-ха-ха…

– …

– Ловите…

Огненный шар я поймал с неумышленной ловкостью. Офицер на прощание мне подмигнул и чуть развязным движением нарочито аккуратно закрыл дверь. Я опять остался один. Наедине с апельсином и с еще большим числом, чем обычно, загадок и замешательств. То, что я зачем-то понадобился офицеру, было понятно. Но при чем здесь Вагнер? Почему офицер все время смеялся? К чему были недвусмысленные намеки на свободу? Ведь если я ему нужен, то нужен именно здесь, в лагере. Из любых предположений можно было сделать один вывод: мне предлагалась игра, правила которой я не знал. Но пренебречь этим предложением было не в моих силах. Временами я все еще напоминал себе человека. А значит, и от меня тоже зависело мое дальнейшее положение. Я старался себе угодить.

5 августа

На практике все оказалось гораздо парадоксальнее и запутаннее. Чем активнее я представлял свою будущую жизнь, тем четче понимал, что *везение по своей природе явление не только случайное, но и противоестественное.* То есть рано или поздно справедливость «естественная» отыграется. Меня трясло. Незаметно для себя я стал доверять больше собственному предчувствию, нежели разуму и логике. Отчего

во мне даже без повода начали появляться и жить бесчисленные непредсказуемые страхи. Я начал безвольно вздрагивать практически от каждой стрельбы. Чего не было со мной даже первые дни в лагере. Я начал заниматься разбором бредовых снов. Чего не делал никогда прежде. В разных мелочах мне начали вдруг мерещиться тайные знамения и угрожающие приметы. А это, понятно, никак не могло укрепить мое психическое состояние. Я начал мучиться и размышлять о совести. В конце концов, убедив себя в неизбежности скорого наказания. Хотя в чем выражалось мое преступление, я не понимал. Или делал вид, что не понимаю. Каких только идиотско-рискованных мыслей я не перебрал в своей кипящей голове за последние ночи! Но к реальности ни одна из их не имела ни малейшего отношения. К реальности я их привязывал насильно. Я с трудом контролировал свое поведение. Пару раз забывал про обед. Непрестанно тянуло спать. И все свободное от машины время проводил, лежа в забытьи. Из последних сил мне хотелось это время растянуть. Растянуть его до бесконечности. Хотя я знал, что сил на обратный ход у меня никогда не хватит. Если бы у меня были часы, я отломал бы у них стрелки.

Как только ни настраивал я себя на сегодняшнее утро, оно все равно застало меня врасплох. Будто свалилось с пасмурного неба. Совсем не по расписанию. И свалилось уже по ту сторону разделенного мира. За жирной чертой образцовой лагерной цивилизации. Вслед за раскатисто прозвучавшим и в мою честь приветствием патрульного. С поднятием шлагбаума границы моего перемещения в пространстве расширились. В сознании восстановилось давнее понятие о направлениях и сторонах света. Сердце заклокотало. Кровь вспышками жара напоминала о своем существовании. Но оживления в настроении не наступило. Как не изменилось и само вялое физическое состояние. Я по-прежнему чувствовал свое тело намертво привязанным к сиденью. Не зная, куда пристроить вдруг удлинившиеся ноги. Новая форма то ли специфическим

запахом, то ли непривычной шершавостью сковывала и без того осторожные движения. Страшно хотелось пить. С какой откровенной жадностью я променял бы сейчас обрушившуюся на меня *лавину свежего лесного воздуха* на глоток пусть даже теплой, пусть даже мутной, пусть даже грязной воды. Однако, увы. Все, чем была забита моя раскаленная голова, никак не могло утолить жажду. Я сидел весь в ожидании команды от офицера. Однако в отличие от наших прошлых встреч, сегодня офицер не торопился с назойливыми беседами. Он даже не смотрел в мою сторону. Лишь однажды выразительно взмахнул рукой. Сегодня он изменил тактику поведения. Похоже, таким образом он демонстрировал свою немую строгость. *Наказание есть одна из форм покровительства.* А первые его слова прозвучали уже в дороге, когда ярко-красные ворота лагеря бесследно растворились в боковом зеркале. «Через пару часов вернемся». Неожиданно эта фраза как бы подтолкнула меня. И я непроизвольно чуть прибавил скорость.

Двухчасовая свобода стремительно мчалась через узко вырубленный лес. На протяжении многих километров не промелькнуло ни одного поворота, не пронеслось мимо ни одной встречной машины. О людях не было и речи. Поэтому ничто не мешало проявлять спавшие во мне столько лет способности. Очень хотелось поднажать еще. Еще и еще. Чтоб скоростью перебить жажду. К чему это могло привести, понятия не имею. Слава Богу, руки-ноги больше не прислушивались к моим мыслям. Теперь они подчинялись только офицерскому приказу. *Сегодня я опять становился солдатом. По совместительству.* Куда мы направляемся, я не знал. И тем не менее определил точно: движемся на север. Офицер продолжал молчать. Это уже начинало тревожить. Но повернуть голову в его сторону даже из любопытства я все равно не решался. *Надо привыкнуть к своей новой роли.* Так бы, наверное, продолжалось долго, если бы офицер неожиданным жестом вдруг не остановил машину. Я резко, с визгом затормозил. Несколько капель пота сорвались с

подбородка. Пока правый рукав решительно вытирал лицо, предо мной будто призраком возникла сверкающая офицерская фляга. «Передохните. Выпейте воды. Нам сегодня некуда спешить. Можете выпить всю». Времени на размышление не было. Впрочем, как не было и сомнения, брать или не брать. Замедленная передача фляги больше напоминала рукопожатие. Потом – я уже не медлил. И не стеснялся офицерского взгляда. Я жадно пил. И как мне казалось, холодную воду. Много ли надо человеку, чтоб увидеть солнце в пасмурный день. *Я вернулся к жизни.* Точнее, к жизни меня вернул офицер. Да, он действительно прав – жить надо сегодняшним днем. *Не стоит пренебрегать здравым смыслом, даже если смысл сей исходит от врага.* День, кажется, обретал непривычные краски. Становясь светлее обычного.

Теперь я мог хладнокровно заглянуть в физиономию победителю. Который в очередной раз попал в «десятку». Который в очередной раз доказал свое психологическое превосходство. Чья интуиция в очередной раз сломила мое сознание. Рассчитав момент. Запросто. Небрежно. Неужели он так тонко меня чувствует? Неужели он все мерит по себе? Неужели мы с ним настолько похожи? Может быть, это есть скрытая форма сострадания самому себе? Я одновременно полувозмущался, полуудивлялся, полурадовался. А отсутствие жажды стало лейтмотивом моего изменившегося состояния. Я почти воодушевленно и многозначительно вздохнул. Но офицер и здесь сыграл на опережение. Первые же звуки моей благодарственной речи были погребены под обломками продолжительного азартного смеха. Сопротивление было бесполезно. Все, что я смог сделать, это улыбнуться. А знакомого взмаха было достаточно, чтобы продолжить путь. Всего через несколько километров наша машина уперлась в развилку. Высокий полосатый столб указывал направо: «BERLIN». Указатель налево был закрашен. Не получив команды, я остановился. На мой немой вопрос: «Куда?»

последовал немой выразительный ответ: «В обратную сторону».

19 августа

Поворотом же налево впоследствии окажется проезд к маленькому, безлюдному городку. Офицер посылал меня туда за его любимым красным вином. Охрана знала меня в лицо. Так что до сих пор не доводилось документально подтверждать свои исключительные права-обязанности. Даже при моих самостоятельных «вылазках» шлагбаум поднимался с приближением автомобиля автоматически. Где-то глубоко в душе зародилось чувство гордости по этому поводу. По поводу оказываемого мне доверия. Но вступать в конфликт с совестью не хотелось. Поэтому я делал вид, будто не замечаю поблажек. *Совесть – сугубо разрушительный фактор.* А я настроился на выживание серьезно. Запретив себе думать о своем происхождении. Выбросив напрочь из головы все недавние сомнения и полночные страхи: как временные, ошибочные, вредные. Окружающий мир перестал существовать в устоявшихся для меня границах. Он поменялся местами с моим миром внутренним. Постепенно превратившись в однородную массу. Застыв на самом дне перестроившегося сознания. Я больше не отождествлял себя с полосатой лагерной толпой, которая почему-то количественно все никак не сокращалась. Вопреки логике. Несмотря на постоянную стрельбу и целый ряд новых виселиц. Я теперь законно принадлежал другим обстоятельствам. В моих оживших движениях начала появляться суетливость, свойственная скорее прикомандированному, чем военнопленному. Пусть даже с особым статусом. *Ничто так не развращает воображение, как надежда.* Я стал во всем расторопнее. Стал не оглядываясь и целеустремленнее передвигаться по территории. Мог ненароком, беспричинно хлопнуть дверью машины перед кем-нибудь из администрации. Короче, я инстинктивно настраивался на новую волну. Я готовился к свободе. Вот только готовилась ли свобода к встрече со мной?

В бумажном пакете под мышкой было вино. Я живо направлялся к офицеру доложить о своем возвращении. Хотелось, чтобы он сразу меня отпустил, и я мог пойти к себе и хорошенько выспаться. За последние дни офицер чаще использовал меня в качестве собеседника, нежели водителя. По вечерам у него портилось настроение. И он не знал, куда себя деть. Приходилось составлять ему компанию. В постоянно действующем режиме: вино –> Вагнер –> философски закрученные монологи. Если раньше я прозябал по ночам в бессонном уединении, то теперь алкоголь, громкий смех и сигаретный дым создавали иллюзию календарного празднования. Ни в каком кошмарном забытьи невозможно было представить себя с поднятым бокалом многолетнего бордо под распоясавшихся майстерзингеров. Плюс злющий собачий лай. Плюс перебивающие друг друга крики-крики-крики – одновременно. И лишь под прикрытием начинавшейся стрельбы накатывало успокоение. А после, как правило, вокруг наступала мертвая тишина. Вокруг, но не в самом круге. *Война – не только смерть. Это еще и размеренная жизнь.* В этом я убеждался на собственном опыте. В этом меня убеждал офицер. «Смерть нужно воспринимать как личную собственность… Чужая смерть – подтверждение твоей жизни, не более… Именно смерть делает человека настоящим эгоистом…». Он из вечера в вечер высказывал в разных вариациях одни и те же мысли. Которые легко запоминались. Которые выбросить из головы было мне не под силу. Которые с каждым глотком вина врезались в память все глубже. Я с офицера не сводил глаз. Мне все время казалось, что он вот-вот произнесет что-то важное. Например, объяснит, почему я, и никто иной, сидит за этим столом. Или почему постоянно звучит одна и та же музыка. Мне хотелось знать больше. И это было больше, чем любопытство. Но офицер был далек от моего взгляда на бытие. Ему нравилось, что его внимательно слушают. Ему нравилось, как я безропотно выполняю поручения. Благодарственная улыбка не сходила с его лица. А

когда я однажды на прощание сказал, что способен дословно повторить любую его фразу, он с размаху меня обнял и, пошатываясь, долго не выпускал из объятий. Искренних, пьяных, дружеских. Какие бывают только при жизни.

Алкоголь регулировал наши отношения независимо от лагерных перипетий. Выпивать приходилось ровно столько, сколько обычно стояло на столе. Одним словом – все. Правда, мое физическое состояние офицер слегка поддерживал разными трофейными сладостями. Он даже заботливо заставлял меня есть. Хотя главным источником моей несгибаемой бодрости служил, прежде всего, мой внутренний страх. И в данном конкретном случае, страх потерять контроль над собой. Поэтому каждый вечер все внимание концентрировалось на собственных мыслях и движениях. Я должен был предвидеть любое следующее действие офицера. Как ни стыдно было себе признаться, *я должен был вовремя угодить. Права на ошибку у меня не было.* Вполне представляя все, что офицер для меня сделал, я все равно не доверял его бескорыстной доброте. Несмотря на свои привилегии. Несмотря на ежедневный шоколад и вино. Несмотря на его пьяные нежности. На войне добрых людей не бывает. На войне бывает только *интерес*. А случайные человечные поступки – это всего лишь *сопутствующий фактор*. Совершенно определенно: *аномальный*. Думаю, если офицер в нетрезвом виде умел бы читать чужие мысли, то он наверняка со мной был бы согласен. Я сидел за одним столом со своим врагом и думал о том, каким словцом или жестом улучшить ему настроение. Потому что больше всего я боялся увидеть его злым. Потому что злым я его еще ни разу не видел. Моментами в своих фантазиях я зарывался столь глубоко, что мне казалось, будто я управляю его психологическим состоянием. Нет, не казалось. Это было действительно так. Ему хотелось расслабиться – он расслаблялся. Я же ни на минуту не терял самообладания. В моем сознании четко взаимодействовали два надзирателя. Один открыто шпионил за офицером. Другой

контролировал развитие собственных мыслей. До сих пор их бдительность была безупречной.

Неожиданно в кабинете офицера настежь открылось окно. Было видно, как он стоя разговаривал по телефону. Не знаю, видел ли он меня в тот момент, но на всякий случай мой шаг ускорился. Я понимал, что размахиваю руками излишне активно, однако ничего сделать с собой не мог. Вдруг офицер меня все-таки видел? Значит, я должен был продемонстрировать ему результаты моего перевоспитания. Не зря же он взял меня на поруки? Ведь именно он оттачивал мой новый образ. Ведь именно он шлифовал мой новый характер. А вот я сам узнал бы себя, увидев сейчас со стороны? Может быть, я стал уже совсем другим? Или, наоборот, таким был всегда, того не подозревая. Мне не хотелось отвечать на поставленный вопрос. Наверное, не наступило время. *Человек никогда не меняется. Он лишь имитирует этот процесс. Человек рождается таким, каким умирает.* Над тремя ступеньками я пролетел одним прыжком. Очередное задание офицера было выполнено. Нарочито негромко постучав в дверь, я услышал в ответ знакомое: «Наконец-то».

29 августа

Ночью без предупреждения в лагере отключили свет. Офицер даже не стал выяснять: надолго ли и по какой причине. Ни слова не прозвучало по этому поводу. Он только проверил, насколько плотно зашторено окно, и, будто выстрелив, чиркнул несколькими спичками сразу. Мы сидели при свече. При свече возникало до сих пор неведомое ощущение пространства. При свече у каждого предмета появлялся двойник. При свече бордовое вино превращалось в чернильно-черное. Мне раньше даже не приходило в голову, что именно при свече человеческое лицо становится гораздо выразительнее и естественнее, чем при дневном или привычном электрическом свете. С непредвиденным отключением света в нашем разговоре наступила пауза.

Непредвиденная минута молчания. Мы как бы заново начали присматриваться друг к другу, привыкая к внезапно потерявшей свои прежние контуры обстановке. Офицер устало снял очки. Потом тщательно и долго их вытирал. Потом аккуратно уронил их на стол. Потом, по-свойски коснувшись моего локтя, попросил наполнить бокалы и перевернуть пластинку.

– Ненавижу тишину… После нее вечно что-нибудь случается…

– Да, Вагнер все время вас спасает…

– Вас, кстати, тоже…

– …

– Не обижайтесь на мою резкость… Но я предпочитаю точность…

– …

– А что касается этой пластинки, то я ее слушал бы здесь всегда… Даже имея другие… Она стала для меня главной на войне… К сожалению, не все можно выразить словами…

– …

– Только эта пластинка способна удержать меня в состоянии равновесия…

– …

– Каждый раз в этой музыке я открываю для себя новые нюансы… Которых раньше не замечал… Надоесть она может тому, кто ее не слушает… Или не понимает… Точнее, кто не понимает ее, как я…

– …

– Без противоречий эта жизнь теряет всякий смысл… Не правда ли?.. Я же никогда не встречал ничего более несовместимого, чем смех и Вагнер… Что вы скажете на этот счет?.. По-моему, «Майстерзингеры» – плод насилия композитора над самим собой… Хотя и в очень веселом исполнении… Ха-ха-ха-ха… Вы, по-моему, устали меня слушать… Ваши глаза вот-вот закроются…

– Это кажется из-за полумрака… Просто ваше лицо ближе к свече, чем мое…

– С другой стороны, если насилие рождает музыку, оно оправданно…

– Вы говорите о насилии вообще?..

– Разве одно насилие чем-то отличается от другого?.. Оно ведь касается только того, от кого исходит… А не того, против кого направлено… Не пытайтесь утверждать обратное… Мой опыт давным-давно опроверг подобную сентиментальность… Советую и вам не заводить себя в тупик…

– Если говорить о насилии как об игре… И если есть возможность на эту игру влиять…

– Согласен… Но при одном условии… Способность человека убить себе подобного всегда подразумевает и способность убить самого себя…

– Вы – идеалист…

– К сожалению, вы совершенно не хотите вырваться из того круга, в котором оказались… По своей сути война намного разностороннее, чем вы ее представляете… Она не только уродует и уничтожает… Она может закалять… Она может воспитывать… Она может облагораживать… Ею можно даже наслаждаться, в конце концов… Смотря какие задачи перед ней ставить… Зачем лицемерить…

– До сегодняшнего дня только она ставила передо мной задачи…

– В таком случае, пора меняться ролями… Ну хотя бы для разнообразия…

– …

– Раньше перед вами стояла единственная проблема – выжить… Вы с ней, похоже, ловко справились… Не надо останавливаться на достигнутом…

– Вы имеете в виду что-то конкретное?..

– Да… Надо уметь извлекать пользу из всего… Даже из того, что ненавидишь… Выжить – не самоцель… Цель – выжить красиво… Не стоит забывать о разнице между убогим

и божественным… Хотя и в одном, и в другом присутствует общий корень «бог»… Вы же эту разницу чувствуете… Как мне кажется… Я вас немного изучил… Но то, что вы никогда не стреляли в человека, не пошло вам на пользу…

– А вам часто приходилось?..

– Что за абсурдный вопрос?! Конечно…

– И в какую часть тела вы обычно целились?..

– Всегда одинаково… Старался на уровне грудной клетки… Поближе к сердцу…

– …

– Мне не нравится, когда стреляют в голову…

– …

– Надеюсь, надо мной тоже кто-нибудь сжалится…

– …

– Налейте вина… В темноте пьется с еще большим удовольствием… За последние недели я убедился, что с бокалом в руках живется гораздо азартнее… Жаль, что этого я не понимал раньше…

– Наверное, не с кем было пить…

– Желающих пить, как и желающих жить, всегда предостаточно…

– …

– Скорее, не с кем было поговорить... А когда выпьешь, очень хочется поговорить… Наливайте… Не жалейте… Для себя никогда ничего не жалейте…

Я почувствовал в руках дрожь. Пока, правда, она была больше внутренней. Но мне не хотелось, чтобы нервное напряжение вырвалось наружу. Чтобы стало заметным. Четвертая бутылка открылась лишь благодаря скрытому трусливому упорству. Сейчас я впервые задумался над тем, какие силы смогут меня отсюда увести. И вообще, будет ли мне разрешено сегодня уйти. Офицер явно не собирался останавливаться. Напротив, он вдруг резким отточенным движением надел очки и даже взбодрился. Я перестал вдруг видеть его глаза. Вместо них загорелись еще две свечи.

Причем, стекла очков слепили намного сильнее основного источника света. Мой контроль над ситуацией неожиданно сократился. *Ночь превращалась в единоборство при свечах.* Офицер улыбался и улыбался. Интересно, подозревал ли он, что улыбка без глаз – это и объективно, и субъективно – жуткое зрелище. Наверняка нет. Я судорожно пытался подобрать хоть какие-то слова. Офицера начинало раздражать мое молчание. Ему нужна была активность. Внешне это пока не проявлялось. Но я это чувствовал.

– Странно получается… Вы все время посылаете меня за двумя бутылками, а на столе каждый раз не меньше четырех…

– Вот повод и вам улыбнуться…

– Чтобы не истощать ваши запасы, я мог бы загрузить полную машину…

– Принимаю-принимаю ваш юмор… Но для этого есть другие люди… Не отнимать же у них работу… Думаю, что вы убедились воочию – в лагере нет бездельников… Это четко отлаженный механизм… В котором не бывает лишних деталей… Вы ведь не сомневаетесь… С вашим-то наблюдением…

– Но…

– У меня просто нет другого повода отправить вас за пределы территории… Одного… Маленькая проверка на психическую устойчивость… До вас уже приходилось быть свидетелем дурных примеров… Не каждая нервная система выдерживает испытание видимостью свободы… Заманчиво, наверное…

– Да, но…

– Мне приятно из раза в раз убеждаться в вашей надежности… Вот только скажите мне честно, вам ни разу не приходила в голову мысль сбежать?..

– Разве я похож на самоубийцу?..

– Самоубийцы никогда на себя не похожи… Именно поэтому я и спрашиваю…

– Нет… Я из терпеливых…

– Ваше откровение подкупает…

– Нет, речь сейчас не идет о враждебном терпении… За последний год я в первую очередь научился терпеть самого себя… Научился себя переубеждать… Не только в мелочах… Главный враг человека – сам человек… Я – не исключение… Иногда, правда, удается заключить с собой-врагом перемирие… Наверное, это и стоит назвать компромиссом… Это и есть терпение… Может быть, я и заблуждаюсь…

– Удачно выкрутились… А может, это – тщательно замаскированная трусость?.. Или страх?..

– Со стороны виднее…

– Хотя в трусости, как мне кажется, куда больше естественности, чем в смелости… Ха-ха-ха-ха…

– …

– Похвально, что вы не боитесь в этом признаться… Вот вам и парадокс…

– …

– Наливайте-наливайте… Бордо – мой любимый цвет, а наши бокалы опять пусты…

– …

– И вы собираетесь загрузить полную машину… Ха-ха-ха-ха…

Офицеру доставляло удовольствие выстраивать вдоль стены шеренгу из пустых бутылок. Этим он подстегивал себя немедленно приняться за следующую, нетронутую, полную. *Жадность наступала. Жадность приближалась к передовой. Жадность становилась осязаемой и зримой.* На фоне моей пропитанной жидким воском усталости. На фоне появившегося пренебрежения к алкоголю и его градусам. Нет, пока я еще строптиво сопротивлялся безнадежности и курортному пьянству. Хотя природная ограниченность физических возможностей ощущалась. Вязкое тело окончательно срасталось с полуподвальной обстановкой. А неконтролируемые мысли-вымыслы все реже стыковались с моими желаниями и протестами. Тем не менее, открыв

бутылку под № 5, я спокойно исполнил приказ. Офицер смотрел на меня в упор, не без хитрости выжидая, пока я замру без движения. Потом замедленно протянул руку. И накрыл ладонью мой кулак. Если бы я сделал вид, будто ничего не замечаю, вряд ли мне можно было поверить. Даже после такого количества выпитого я почувствовал, что кровь иногда обжигает щеки сильнее, чем вино.

–Дайте мне вашу вторую руку…

– …

– Я не жалею, что сохранил вам жизнь…

– …

– А вы бы спасли меня?.. Если бы это было в вашей власти?.

– Я…

– Нет-нет… Лучше не отвечайте…

– …

– Потому что, если скажете «да», я вам не поверю…

– …

– Если скажете «нет»… Могу и пристрелить… Прямо сейчас… Ха-ха-ха-ха…

– …

– Пусть лучше мой глупый вопрос повиснет в воздухе загадкой…

– …

– У вас теплые руки… Я люблю людей с теплыми руками… Давайте выпьем за всех, у кого теплые руки… К сожалению, это стало редкостью… Когда-то у меня они тоже были теплыми…

– …

– Не сердитесь на меня за «пристрелить»… Ну, опять неудачно пошутил…

– …

– Неужели вы думаете, я могу застрелить человека с бокалом в руках?..

– …

– В присутствии Вагнера?..

– …

– Сядьте со мной рядом…

– …

– Только прежде поставьте пластинку с начала и на полный звук…

– …

– Пусть сегодня нас всем лагерем ненавидят… За наш праздник…

– …

– Посмотрите мне в глаза…

– …

–Ха-ха-ха-ха…

– …

– Почему вы не смеетесь за компанию?.. Я хочу, чтобы вы смеялись!..

Офицер то ли дирижировал, то ли просто размахивал моими руками, пытаясь выдавить из меня хоть улыбку. Я готов был повиноваться, но изменить выражение своего лица был не в состоянии. Лицо существовало уже само по себе. *Вне тела. Вне сознания. Вне принадлежности.* Роняя голову на офицерское плечо, я в последний раз сфотографировал комнату. Свеча размазывала по столу последние блики. Брошенные бокалы бережно хранили остатки черной крови. Больше я ничего не видел. Тьма и глухота все ближе подкатывали к горлу. Высвободить руки из плена я не решался и, на свой страх и риск, опережая события, закрыл глаза. Чье-то горячее дыхание обжигало мне шею. Странные силы превращали меня в найденного кем-то ребенка. Каким-то чудом вся липкая тяжесть превращалась в романтическую невесомость. *Я терял память. Я терял память в объятиях. Я терял память в объятиях Вагнера.*

9 сентября

Бывают сны, которые похожи на театральное действо гораздо больше, чем сам театр. В прямом смысле слова. Без

художественного преувеличения и высокомерного сарказма. Я думаю, что у таких снов есть свои режиссеры. Слишком много в них намешано. Слишком много в них деталей, частностей и замедленных движений. Я уверен: такие представления стоит смело выпускать из подполья. Показывать на любой сцене. Даже под открытым небом. Их можно демонстрировать в кинотеатре. *В кинотеатре бесконечного фильма*, например. Независимо от вкуса и наклонностей публики. А может, вопреки всем вкусам и наклонностям одновременно. *Настоящий зритель всегда есть продукт предлагаемого искусства.* Вот и я оказался продуктом собственного сна. Сна, который являлся мне по ночам уже не один раз. Который постоянно убеждал меня в моем сонном происхождении. И который, в конце концов, стал определять степень моей привязанности к *ирреально-реальному дневному спектаклю*. Который мне помог взглянуть на себя со стороны. Этот сон объединил в сыгранный актерский ансамбль вечных победителей и окончательно побежденных. Правда, роли распределил сообразно своей *высокой эстетике*. Я сначала пребывал в замешательстве от происходящей путаницы. Но недолго. Война сходу сориентировалась в непривычной ситуации. Она запретила задавать вопросы, давать оценки и делать выводы. Что входило исключительно в ее компетенцию. Можно было только строго следовать ее трем основным указаниям: 1) смотреть, 2) слушать, 3) участвовать. И не более. Поэтому я не сопротивлялся. Поэтому я скрыто делал лишь короткие записи-фильмографии, закладывая их в свою память. *На войне выживает послушный.*

СОН

Балет – опера – драма – кино – пантомима.

Музыкальное сопровождение: Р. Вагнер. Фрагменты из оперы «Die Meistersinger von Nürnberg».

В 9 картинах.

Картина №1

Центральная площадь лагеря. Яркий солнечный день из моего открытого окна. Огромная толпа заключенных. Далеко в центре полосатой толпы, на возвышении, стоит оратор. Обыкновенный заключенный. Его голоса почти не слышно. Его постоянно прерывают дружные выкрики: «Да здравствует свобода!». Потом меня заносит в самую гущу собравшихся, но я почему-то маленького роста. Из-за чего начинаю испытывать неудобства. Мне совсем не видно оратора. Как я ни подпрыгиваю, как ни стараюсь, кроме чужих широких спин ничего не удается увидеть. В остальном же я с радостью сливаюсь с толпой. Я кричу, когда кричат все. Хлопаю, когда хлопают все. Плачу от радости, когда плачут все. Разрывая горло, сквозь слюну гремит мое, личное: «Да здравствует свобода!». Я теряю себя из виду.

Картина №2

Камера приближается к оратору. Его голос слышится все отчетливее. Становится ясно, что он поет. Толпа же наоборот медленно замолкает. Над площадью разносится Вагнер. Снизу солисту-оратору подают длинную палку с привязанным к ней куском белой материи. Он начинает разъяренно размахивать палкой над толпой. И все опять неистово кричат: «Да здравствует свобода!». Себя среди кричащих не нахожу. Камера показывает лицо оратора крупным планом. У него во рту белый кляп. Вдруг вся толпа становится агрессивной. Люди не могут простить обмана. Камера опять показывает лицо певшего оратора. Уже бездыханно лежащего на земле. Но это оказывается всего лишь чучело. Один из заключенных бьет по нему ногой. Чучело разваливается.

Картина №3

Камера показывает танцующую пару. Я узнаю себя и офицера. Я не могу поверить своим глазам. Потому что с детства не умел и не любил танцевать. Неужели самой природой в нас заложены способности, о существовании которых мы даже не подозреваем? Элегантно держа за руку, офицер вращает меня вокруг моей оси. На носке левой ноги.

Скорость все увеличивается. Свободная рука по-балетному взмывает вверх. Зрителей вокруг не видно, но гром аплодисментов обрушивается на площадь. Они предназначены нам. Потому как, кроме нас, никого нет. Крики «браво» и летящие неизвестно откуда огромные букеты цветов. Почти все цветы белые. Мы поочередно кланяемся. Вдруг я замечаю, что за нами наблюдают. Из окна одного из административных корпусов. Я пытаюсь разглядеть это лицо. Хотя стоит мне чуть приблизиться, как оно исчезает.

Картина №4

От страха я крепко сжимаю руку офицера, которого тащу за собой. Но оглянувшись, вижу, что это совсем не он. Передо мной вооруженный солдат-надзиратель. Он уже тянет меня за руку в обратном направлении. Толкает в спину дулом автомата. Я понимаю всю безнадежность ситуации. Выражение моего лица меняется на жалкое и уродливое. Балетные атрибуты, манеры и походка тут же бесследно исчезают. Вертикальная до сих пор, моя осанка превращается в сгорбленность. Сбитые в кровь ноги спотыкаются. Мне все труднее удается удерживать равновесие. Очередной толчок надзирателя становится роковым. Я заваливаюсь на землю. И уже никакая сила не может меня поднять. Разозленный солдат пускает в ход сапоги и приклад. Однако до расстрела дело почему-то не доходит. На войне лежачего, разумеется, бьют. Но иногда не убивают.

Картина №5

Я сижу на высоком троне посреди пустой площади. Я к нему привязан широкой черной лентой. Пошевелиться невозможно. Как невозможно укрыться от раскаленного полуденного пекла. Я вижу, что конец ленты валяется на земле. Думаю, как бы раскачать трон и упасть. Может, удастся себя развязать. Но, увы. Сдвинуться с места не получается. В это время из-за спины появляется офицер. Легкими балетными па, под музыку, он кружит вокруг меня. Увидев конец ленты, поднимает его. Несколько секунд поразмыслив, начинает меня

быстро развязывать. Сразу у него не получается. Во время танца, в прыжках и вращениях, он сам заматывается. Лента под тяжестью его тела рвется-лопается на мелкие куски. Я удивлен своему странному освобождению. Офицер падает без движения. У него отрешенный, недоуменно-печальный взгляд. Да, я освобожден, но по-прежнему восседаю на троне и не могу пошевелиться. Я пытаюсь. Тщетно. Так как мое тело оказывается парализованным.

Картина №6

Со всех сторон площади появляются заключенные с незажженными факелами в руках. Они оккупируют все свободное пространство. Я, не понимая, что происходит, прикованный параличом к трону, в буквальном смысле слова растворяюсь в нахлынувшей толпе. Постепенно из нее формируются плотные шеренги. Все заключенные в начищенных сапогах и в галстуках. На плечах – подобие погон. Шаг за шагом – полноценный марш. Который переходит в неестественно громкую барабанную дробь. Создается впечатление, будто идет демонстрация показательных частей особой, таинственной армии. Пока безоружной. Чувствуется, что кто-то командует парадом. Но этот главный в поле зрения не попадает. Неожиданно и одновременно все поднятые над головами факелы ярко вспыхивают. Над площадью проносится одобрительный гул. Я замечаю себя в шеренге марширующих.

Картина №7

Отряды лагерников готовятся к штурму близлежащих административных корпусов. Полосатых набирается все больше. Поначалу отдельные выкрики: «Да здравствует свобода!» усиливаются, сливаясь в сплоченное хоровое скандирование. Горящие факелы становятся оружием. Все бросаются к ближайшему зданию. Плотно окружают его. Но врываться никто не смеет. Ждут команду. Я знаю, что нахожусь среди обезумевшей толпы. Знаю, что и я жду команду. Но отыскать себя не могу. Потому что все лица абсолютно одинаковы. Потому что у всех лиц одно и то же

выражение. Вдруг в одном из окон, в котором, как в зеркале, отражается происходящее вокруг, я вижу свое отражение. Свое настоящее отражение. Сначала мне кажется, что на самом деле я нахожусь внутри здания. Может, я так думал бы и дальше. Однако вспыхивает пожар. Толпа ринулась на штурм. Трескается зеркало и оказывается, что внутри здания никого нет. В том числе, меня. Толпа ревет. Но хор майстерзингеров заглушает все остальные звуки.

Картина №8

Другой административный корпус. Находящаяся на площади толпа врывается и в него. До единого человека. Камера переносится внутрь здания. Группы разъяренных людей крушат все, что попадается под руки. Все подряд поджигается. Но ни одной живой души здесь никогда и не было. Здесь раньше держали скот. Понимая это, толпа звереет еще больше. Я замечаю, что у двоих заключенных рядом со мной под полосатой формой виднеется форма армейская. Я перестаю понимать, кто за кого воюет. Что происходит? Пытаюсь выскочить назад, на площадь. Не получается. Все объято пламенем. На многих загорается одежда, и они начинают ее с себя срывать. Я вижу уже десятки людей в военной форме. Хотя и не понимаю, кто они. Я начинаю глазами искать офицера. Он наверняка должен быть здесь. Но огонь подбирается и ко мне. Кроме огня, мне уже ничего не видно. Смесь красного и желтого цветов беспросветно заполняет пространство.

Картина №9

Опять вид из моего лагерного окна. Наступает вечер. Горит напротив административный корпус. Слабое эхо одинокого крика: «Да здравствует свобода!» Постепенно пожар превращается в большое удаляющееся пурпурное пятно. Оно направляется к горизонту. Поднимается до самого неба. Более красивого заката мне не приходилось видеть никогда. Красный свет медленно разливается по всей земле. Достигает моего окна. Бесконечное красное море. Я слышу его шепчущий

плеск. Стон на берегу. Я зачерпываю ладонями воду. С жадностью обливаю себя. Я иду навстречу закату. Медленно погружаясь в красное небытие. Я исчезаю в нем.

14 сентября

С тех пор, как офицер приобщил меня к алкоголю, просыпаться по утрам стало тяжело. Глаза открывались болезненно, с трудом. Бывало, для этого требовались и дополнительные усилия, которые не всегда находились сразу. Несмотря на то, что благодаря вечерним застольям и стечению мелких обстоятельств мое утро начиналось теперь значительно позже восхода. Лагерные будни и его естественно-бытовые вопросы – выживание, собственное здоровье, еда – окончательно перестали меня беспокоить. Даже относительно своего будущего я не утруждал себя иллюзиями. *Я пребывал в пресытившемся войной равновесии.* И непроизвольно стал наблюдать за происходившими со мной переменами. Наконец прошла бессонница. Почти все проводимое в одиночестве время я полноценно отсыпался. Ничто не могло меня заставить лишний раз пошевельнуться без веской на то причины. Я действительно забыл, когда в последний раз выглядывал в окно или прикасался к печатной машинке. В полном смысле слова я стал ленивым. Но, слава Богу, моя жизнь, кроме как от офицера, больше ни от кого не зависела. Во всяком случае, сама жизнь пока это подтверждала. Идти в гараж предстояло только к обеду. Поэтому можно было лишний час в удовольствие поваляться на кровати. Можно было не торопиться. Не торопиться заглядывать в глаза действительности. Не вспоминать о том, что ты уже давно ею приговорен. Без права на помилование.

Сегодня утром меня вдруг отрезвил очередной испуг. Едва открыв глаза, я сразу почему-то занервничал. Мне показалось, будто могу проспать нечто важное. Нет-нет, предчувствие меня не мучило. Просто человеку иногда взбредают в голову «высокие» мысли о его персональной ответственности за все происходящее вокруг. Случается это обычно от безделья. Или

из притупившегося чувства близкой опасности. А может быть, это плод потерявшего ориентацию воображения? Не знаю. *Быть может все.* И по отдельности, и вместе. Хотя то, что ежедневное вино меня дезорганизовывало, я уже убедился, ловя на себе косые взгляды засыпавших на ходу ночных охранников. У меня появлялось мальчишеское желание похлопать их по плечу. Однажды я даже поприветствовал их воздушным поцелуем. Чем могло такое закончиться? Думаю, вряд ли существует несколько вариантов ответа.

За окном хлестал дождь. Полусонные философские штампы согнали меня с кровати в небрежном, скверном настроении. Слабость помятого тела соответствовала слабости не менее помятого духа. Чтобы хоть чуть-чуть придать себе бодрости, требовалось срочно отыскать *виноватого*. Выпив взахлеб проливающийся стакан воды и сделав громкий, угрожающий всему миру выдох, я его нашел. Конечно, во всем было виновато вино. Вчерашнее бордовое вино. Плюс позавчерашнее бордовое вино. Да и за все предыдущие дни вместе взятые тоже. Вино в моей жизни стало играть универсальную роль. Превратилось в величину постоянную. Точнее, постоянно действующую. Ему можно было и предъявлять обвинения, и объявлять благодарность. Все происходило молча. Без ущерба для собственной совести. В зависимости от чрезвычайности ситуации, в которой накануне оказывался. В зависимости от количества выпитого и времени суток. Например, мое настроение сейчас нуждалось в оправдании. И хорошо, что было на кого свалить вину за давно исчезнувшую силу воли. Мнение, будто истина – в вине, по своей сути ошибочно. На практике я давно пришел к доказательству иной формулы: *в вине – оправдание истины*. Если это оправдание кому-то вообще было нужно.

Дождь был злой, навязчивый, противный, одинокий. Это не только делало комнату безнадежно-серой, но и беспощадно озвучивало ее колокольным холодом. Хотя еще вчера она была до безысходности душной. Всего за одну ночь лето резко

превратилось в настоящую осень. В остальном в моем окружении все было без изменений. А вот хотелось ли мне неожиданностей, я не знал. Скорее всего, нет. *Моя жизнь была наградой за мое смирение.* Прочертив босыми ногами бессмысленную линию в противоположный угол, на миг я остановился у стола. Но не сел. Аккуратно раздвинул пыльные шторы. И, не глядя на площадь, повернулся к ней спиной. Холод заставлял дрожать все мое тело. Но одеваться я не собирался. Мне хотелось себя помучить. Хотелось поучаствовать в развлечении. В любой форме. Любой ценой. Меня даже не смущало то, что в комнату в любую минуту мог войти офицер и увидеть меня голым. Так я стоял бы еще долго, если бы через какое-то время не началась перекличка обрывисто-истеричных команд. Если бы хлюпающая суета и цепной лай не окатили меня циничным раздражением. Я обернулся. Площадь. В раме. О стекло разбивались прицельные капли.

Чтобы лучше рассмотреть картину происходящего, я открыл окно нараспашку. Лавина ледяного воздуха едва не сбила меня с ног. По комнате метался ветер. Дыхание прерывисто задребезжало. От соприкосновения с дождем руки приобрели вульгарно-сиреневый оттенок. Который пятнами постепенно перешел на все тело. Но согнанной на площадь толпе заключенных было куда мучительнее. Было приказано стоять «смирно» и с поднятой головой. *Показательная казнь состоится при любой погоде. Историческим событиям – повышенное внимание. Зритель – главное действующее лицо на сцене.* При этом я не мог понять, кого из полосатых надо мне жалеть больше. Тех, кто навсегда покидал проклятый холод. Или тех, кому по окончании воспитательно-театральной постановки опять отправляться на работу. Да и надо ли мне кого-нибудь жалеть? Нужна ли кому-нибудь моя жалость? Впрочем, сейчас это не имело никакого значения. Поняв, что вести разговоры с собой смешно, неуместно, абсурдно, я отодвинул стол и приблизился к дождю вплотную.

Приговоренные отличались от остальных тем, что чаще переминались с ноги на ногу. Наверное, убеждали себя в том, что они еще живы. Их было пятеро. Ровно столько, сколько болталось на ветру петель. *Число преступников должно всегда соответствовать числу виселиц.* И тут не поспорить. Мое убежище становилось похожим на будку молчаливого суфлера. Подперев голову, я наблюдал за представлением. События развивались по закону жанра. Сначала длинный нравоучительный монолог одного из победителей. На корявом чужом языке. Потом не менее длинное, с резкими указательными жестами, обвинение, запланированные безответные вопросы зрителям. Опять же на чужом языке. Потом брызжущие эпилептической слюной угрозы. Но уже на языке своем. Потом всеобщий приступ молчания. Потом два неразборчивых выкрика и, после паузы, особо торжественно прочитанный краткий приговор. Язык важен уже не был. Потом замедленная сцена, ради которой все собрались. С подчеркнутыми деталями и пренебрежением. На лицах победителей – чувство исполненного долга. Среди побежденных – ни единого вздоха. Дождь никого не смущал. Несмотря на усиление, спектакль шел без сокращений. Не спешили расходиться даже победители. Заниматься им все равно было нечем. А в конце вместо аплодисментов прозвучала всего-то единственная автоматная очередь. В воздух.

Оторвав взгляд от еще качающихся на ветру жертв, я вернулся к поствисельной реальности. Я протягивал из окна руки. Набирал полные ладони дождя. И торопливо умывался. Куда я спешил, не знаю. Но холоднее уже не становилось. Наоборот, мгновенно растирая стекавшие с лица ручьи, я слегка согревался. Я баловал себя водными процедурами и примитивным массажем. Я позволял себе активность. Вынужденная физкультура приводила меня в чувство. Опять болезненно хотелось пить. Опять не совсем добрым словом вспомнилось вино, выпитое за все предыдущие дни. Взяв со стола стакан, чтобы повторно налить воды, я вдруг… Я вдруг

увидел в нем… Я вдруг увидел в нем таракана. Моего соседа по комнате. С изогнутыми вверх золотистыми усищами. С оттопыренными задними лапами. Он, несчастный, тоже хотел пить. Наслаждаясь оставшимися на дне жалкими каплями. Я не посмел его вытряхивать. Зачем беспокоить беззащитное существо. Пускай пьет. Сейчас был его черед. Сейчас я был способен понимать. Таракан же не обратил внимание на перемещение в пространстве. Он даже не знал, что находится у меня в руках. Главным было то, что у него не отнимали воду. У него тоже было горло. Которое тоже могло пересохнуть. *Разве тараканья жажда чем-то отличается от человечьей?* Поэтому я ждал, пока он напьется. Ждал, пока в его душе наступит мир. Опершись о стену, я терпеливо ждал своей очереди.

Из стакана таракан выполз довольный, бодрый и, что самое любопытное, совсем бесстрашный. Не раздумывая, он прошмыгнул со стекла прямо на руку. Быстро пополз наверх. Добрался до самой шеи. Важно повертев усами и, убедившись в моем миролюбии, устроил себе перебежку с одного моего плеча на другое и обратно. Что это было? Обыкновенная животная резвость? Круги почета? Или наматывание символических петель на мое горло? Неожиданная мысль застряла в голове. Но внешне я не отреагировал. Не шелохнулся. Не хотелось пугать таракана. Чтобы не подрывать его доверие ко мне. Хотя в его действиях, может быть, и было некое предсказание. Я стоял без движения. Зато таракан своей беготней повесил меня уже не один десяток раз. Вот у кого было поистине праздничное настроение. Которое, к сожалению, мне не передавалось. Я совсем забыл о воде. Я не знал, что в этой ситуации делать. От меня требовали смирения. Мне ничего не оставалось, кроме как повиноваться.

Наконец-то таракан угомонился. Затянув последнюю петлю, он удобно устроился на левом плече и задумчиво уставился на площадь. Он выбрал нужную ему позицию. Без моего вмешательства. К моменту появления нового наблюдателя на фоне коллективно-семейного портрета

повешенных ничего непредвиденного не произошло. Режиссерский разум не предлагал импровизированных решений. Раскисшая толпа по-прежнему страдала под дождем. Превратившись в однородную клейкую массу. Потеряв последнее и единственное, что у нее было – полосатость. Победители методично продолжали свою воспитательную работу. У них, видимо, была железная *убежденность*, что именно сегодня зарождались все их будущие *победы*. Именно сегодня *качество* они, как никогда, предпочитали *количеству*. Именно сегодня они демонстрировали всему миру не заученную ненависть, а *убеждение*. И лишь хмурые собаки в большинстве своем изменили отношение к затянувшемуся протоколу. После продолжительного молчания промокшие псы принялись в знак протеста скулить. Чем приводили в бешенство накрытых плащами хозяев. *Оказывается, смерть можно тоже растягивать до бесконечности.* Подобно лагерному пребыванию. Так как *сопротивление никаким сценарием не предусмотрено.*

Таракан восседал солидно. Чинно. Изредка загадочно пошевеливал усами. Серьезно настраивал свои антенны на нужную ему волну. Чем-то он мне напоминал царька, властно разглядывающего свои владения. Создавалось впечатление, будто он отлично разбирается в ситуации. Будто он со знанием дела ориентируется в столь запутанных законах и противоречиях *современной драматургии*. Интересно, на чьей стороне он был? Или он был выше *истории человечества*? Испытывал ли он, в отличие от меня, чувство жалости? Хоть к кому-нибудь. А может, человеческая жизнь была таракану в принципе не безразлична? Возможно. Возможно, он даже знал ей цену. И возможно, гораздо более точную, чем все герои сегодняшнего зрелища. Но, увы, даже ему никогда не удастся *расшифровать элементарное*. Даже ему никогда не удастся *постигнуть очевидное. Для того и построена Человеком виселица, чтобы на ней кто-то висел.*

23 сентября

Дождь давно перестал быть просто дождем. Он лил уже девятые сутки подряд. Без перерыва на дозаправку. Будто хотел смыть с земной поверхности все движимое и недвижимое. Все собственное и нарицательное. Дождь лил над всем миром. Беспощадно. Со злобой. Сплошным черно-зеленым потоком. В конвойном сопровождении жгучего ветра. Иногда казалось, что лагерь вот-вот сорвет с места. И он поплывет. В неизвестном направлении. Станет укрепленной дрейфующей зоной. *Окончательно потеряется в бесконечном океане неизбежности.* Из-за непредвиденных погодных условий моя жизнь совсем затаилась. То есть потеряла последние признаки самой жизни. Она замерла на дне обвального осеннего ливня. Вдали от любого разума. Не имея ни малейшего желания когда-нибудь всплыть.

Уже который день на истерзанной дождем площади ничего не происходило. Одинокие пустующие виселицы скорее напоминали сломанные мачты. Никого и ничего не оскорбляя своим участием в происходивших здесь событиях. Не было слышно ни криков, ни стрельбы. Никто никому не перебегал дорогу. Хотя что творилось в остальных частях лагеря, я понятия не имел. А рисовать чье-то абстрактное прозябание, которое не касалось меня, не доставляло удовольствия. Жизнь за пределами колючей проволоки меня тоже не волновала. Я в прямом смысле перестал беспокоить свой мозг. Мозг, на условии взаимности, перестал беспокоить меня. *Мы заключили пакт о взаимопонимании.* Может быть, никакой войны на самом деле давно не было? Может быть, все давно закончилось? Может быть, все уже разбежались по своим норам, испугавшись дождя? Да, *будь природа с людьми жестче, она вынудила бы их жить друг с другом в мире.*

Я сбился со счету, сколько дней ко мне не заходил офицер. В последний раз он заскочил всего на несколько минут. И сообщил, что в гараже пока появляться не надо. Офицер решил повременить с бесполезными холостыми поездками. До специального распоряжения. Точнее, до своего следующего

появления. Офицер мило и загадочно улыбался из глубины черного промокшего капюшона. А с плаща стекло столько воды, что можно было подумать, будто над комнатой на какое-то время исчезла крыша. Я прекрасно понимал алкогольное происхождение улыбки. Но не подавал виду. Я боялся. Боялся, что он потащит меня за собой. Разгонять вином погодную скуку. Однако в тот день я чем-то ему не понравился. Он прожевал мой взгляд без энтузиазма. Скользнуло даже пренебрежение. То ли с оттенком брезгливости, то ли следовало ожидать будущего отмщения. Сделав демонстративную паузу, он театрально исчез за дверью. Будто нырнул в кулису. *Мне опять крупно повезло.* Мне удалось отбить атаку на мое одиночество. Я обрадовался возможности передохнуть от офицерской философии и бордового вина. Кроме того, со следующего дня не надо было копаться в промасленных внутренностях автомобиля. И создавать видимость своей общественной полезности. Не надо было обходить берега образовавшегося моря. И озираться исподлобья в поисках наблюдателя. Зато можно было радоваться сухому пайку. И от всей души надеяться, что хотя бы на время дождя о *военнопленном с особым статусом* попросту забыли. *Как часто на войне нужно быть благодарным. И как редко знаешь, кому именно. И еще реже, кому больше.* Дождю? Офицеру? Майстерзингерам? Или собственной слабости? Список вопросов можно продлить до бесконечности. Но вряд ли найдется ответ.

В канун последнего свидания с офицером мне выдали сапоги и плащ. И вот я решил устроить примерку. Прямо на голое тело. При включенном свете мой неожиданный вид показался мне достаточно боевым. Для идеального комплекта не хватало оружия. *Именно оружие делает труса солдатом.* Я ходил по комнате в неосуществимых мыслях о большом зеркале. Для убедительности хотелось вдруг взглянуть на себя в полный рост. Со стороны. Я физически ощущал, как во мне рождалась агрессивность. Как перекраивалось выражение

моего лица. Все вокруг становилось по-настоящему враждебным. Мне хотелось увидеть себя солдатом. Мне хотелось стать сильным и безжалостным. Самым сильным и самым безжалостным. В мире. Мне хотелось, чтобы меня боялись. Все-все-все. Мне захотелось стрелять. Стрелять беспорядочно. В кого попало. Не жалея патронов и нервов. Наконец я понял, что способен стать убийцей. Настоящим убийцей. Пусть по стечению обстоятельств. Пусть лишь временно. Пусть по глупости. Но действительно способен. Сейчас я был готов оправдать любую войну и любую смерть. Не лгу, даже свою собственную. *Впервые за лагерную жизнь я почувствовал себя полноценным солдатом.* Без натяжки и всяких статусов.

Внезапный стук в окно испугал меня своей резкостью. Мгновенно соскочив с кровати, я прилип к размытому дождем стеклу. Поблизости – никого. Почти в тот же миг открылась и дверь. В проеме стоял офицер. Непривычно взволнованный и совсем бледный. Комната наполнилась густым запахом терпкого одеколона. Я застыл посредине в ожидании приказа. Офицер укоризненно посмотрел на мои голые ноги, торчащие из-под плаща. «Через минуту жду в гараже. Не задерживайтесь. Иначе можем опоздать. Другого выбора нет. Одевайтесь-одевайтесь-одевайтесь. Время пошло». В отсыревшую холодную форму я прыгал, как в ледяную прорубь. Сто процентов случилось что-то серьезное. И куда мы можем опоздать? В лес? Ведь по настоящим делам мы никуда так и не ездили. Который уже месяц офицер устраивал мне одни проверки. Может, сегодня наступило время серьезного испытания? В дождь мне еще не приходилось сидеть за рулем. Я начинал дергаться. Руки с трудом овладевали каждой застегнутой пуговицей. Но больше меня пугала прямая зависимость от времени. Значит, вся ответственность ложилась теперь на мои водительские способности. А что со мной будет, если мы все-таки опоздаем? И что могла означать фраза:

«Другого выбора у нас нет». Что значит «у нас»? Давно забытое местоимение заинтриговало меня вдвойне.

Сверхскоростное одевание сопровождалось сумбурно-бестолковым топтанием на месте. Секунды, конечно, я не отсчитывал, но чувствовал, как они стучали в висках. С нарастающим гулом и частотой. Эхо этих угрожающих ударов хладнокровно разлеталось в самые отдаленные углы вращающейся по часовой стрелке комнаты. Голова же кружилась в противоположном направлении. Мысли друг с другом не соприкасались. Если только случайно. Я терял контроль. *Я терял контроль над своим страхом.* Но даже в таком состоянии меня остановил странный звук. Я замер. У меня под ногами что-то хрустнуло-треснуло-лопнуло. Я взглянул на пол. Свежее, блестящее влагой пятно констатировало: боевого товарища таракана с длинными золотистыми усами более не существовало. В суматохе он был раздавлен моими новыми скрипучими сапогами. Я окончательно растерялся. Тошнота стала главным действующим лицом. Уверенно подобралась к горлу. Да, только ей было сейчас под силу вытолкнуть меня из комнаты.

Офицер дожидался меня в машине. Атмосфера стала совсем нервной. Во всяком случае, все следующие сцены и мизансцены это подтверждали. Трагическая гибель таракана сразу же из головы вылетела. В руль я вцепился с такой злостью, будто взял автомобиль за грудки. Дежурный патруль как ни в чем не бывало отдал честь из-под деревянного козырька. Железный шлагбаум беспрепятственно открыл дорогу. Мотор бодро просопел ускорение. Вроде бы все шло по плану. Даже в тот день, когда я впервые сел за руль, я не ощущал на себе столь жуткой ответственности, как в эти минуты. Строго отдав короткий приказ, офицер замолчал и больше не смотрел в мою сторону. Он оставил меня наедине с дорогой. Хотя для меня сейчас было бы лучше, если бы он говорил. Пусть даже философствовал. Пусть даже злословил или угрожал. Его тайная серьезность вдруг напомнила мне о

надписи на стене моего предыдущего лагерного барака. *«Неисполнение приказа начальства карается расстрелом на месте».* Поэтому машина мчалась изо всех сил. Точнее, изо всех моих сил. Другого выбора не было. Несмотря на стихийное бедствие. Несмотря на любые препятствия, которые могли вдруг возникнуть. Не знаю, сомневался ли офицер, но я не сомневался: приедем вовремя.

Когда до развилки оставалось несколько километров, из леса с обеих сторон дороги выскочили автоматчики. Таких было полно в нашем лагере. Сначала я не мог понять, откуда они взялись. Но когда мы поравнялись, они открыли беспорядочную стрельбу в упор. У меня отключилось дыхание. Я не соображал, кто стреляет и почему? Я был уверен, что произошла ошибка. Я хотел остановить машину. Но офицер отчаянно крикнул: «Не останавливайся!» Боковые стекла мгновенно разлетелись вдребезги. Я отчаянно налег телом на руль. И машине удалось вырваться из-под огня. Несколько секунд я был вне памяти. Потом бросил взгляд на офицера. Тот сидел, свесив голову набок. С подбородка капала кровь. Я не знал, как к нему обратиться. Но еще больше боялся до него дотронуться. Машина мчалась, не снижая скорости. Дождь, казалось, бушевал с невиданной силой. Дорогу я уже не замечал. Руки становились все непослушнее. *Где я? Что со мной?* Потом была развилка. Высокий столб. Беззвучный лобовой удар. Перед застывшими глазами – искореженный указатель: «BERLIN».

Часть 3

Coitus interruptus

Если под куполом идет дождь, на то Божья воля.

Именно способность назначать всему цену отличает человека от других животных.

Жертва любит гримироваться под победителя.

Когда не хватает воображения на

суше, с моря дует свежий ветер.

Призыв к войне – это признание в любви к своей Родине.

Угроза наказания только подтверждает полноценность преступления.

Сумеет ли ползать рожденный летать?

1

В открытую связь с парламентом я вступил в конце февраля позапрошлого года. Двадцать седьмого числа. В одиннадцать часов пятьдесят пять минут. При ослепшем от бесконечных блицев зале. Переполненном не только высокомерием главных участников vip-церемонии, но и обычным любопытством многочисленных персон особой политической облаченности. Сразу после формального объявления поименного списка, подтверждающего в том числе мои депутатские полномочия. Под возбуждающие звуки государственного гимна и последовавшие за ним самодовольные овации. В тот отмеченный во многих исторических протоколах полдень на присутствовавших лицах светился долгожданный праздник. На моем же, как запечатлели фотографии, опубликованные на первых полосах крупнейших газет, сквозь спокойствие с трудом проступали контуры конспиративного удовлетворения. Не всегда стоит расплескивать свои эмоции на публике. Не всегда публика их достойна. Я до сих пор не вышел из того сладостного внутреннего напряжения. И вот уже приближается вторая годовщина наших законных, почти супружеских, отношений с парламентом. Мы живем душа в душу. Без измен, подозрений и излишней ревности. А постоянная заинтересованность друг в друге делает наш союз не только семейно-теплым, но и перспективным. У нас есть будущее. Об этом пишет вся республиканская пресса. У нас

есть большое будущее. Мы идем к нашим целям синхронными шагами. Наши цели с нетерпением нас ждут. Мы верим в собственное предназначение. Мы представляем из себя силу. Мы располагаем силой. Враги боятся этой силы. На наш союз уже не раз покушались. Но в нашем характере – быть начеку. Наш характер – заноза в чужом самолюбии. Некоторые мои коллеги не перестают полушутя злорадствовать, будто депутатом я родился. Не буду лукавить, в данном случае их взгляды полностью совпадают с моими. Я в этом не сомневаюсь. Ничуть. Да и времени на подобные сомнения у меня никогда не бывает. Жизнь течет по жесткому графику. Я уверенно в него вписываюсь. Я – в эпицентре политического планирования и надзора. Я беспрерывно занят общественно-полезным строительством. Ведь я – действительный депутат действительного парламента. Я – САМЫЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ДЕПУТАТ САМОГО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО В МИРЕ ПАРЛАМЕНТА.

2

Построив укрепленные ступени и установив на них трибуну, Творец сжалился над голосовыми связками человека и сотворил маленькое садомазохистское чудо – микрофон. Благодаря такому чуду я научился управлять чужими идеями-мнениями-мыслями. Я научился учить. По правилам и вопреки. Я научился придумывать новые правила сам. Я научил массы следовать им. Я научился предвидеть инакомыслие и непредсказуемость одиночек. Я научился обрекать на поражение любых фаворитов. Я научился и привык эффектно побеждать. Я БОЛЬШЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖУ МИРУ. МИР ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ. С Божьей милостью меня слышат и слушают миллионы. Конечно, не всегда понимают. С трудом представляя, о чем идет речь. Но большего от них не требуется. Главное то, что они с раскрытым ртом внимают своему учителю. Значит, верят. Значит, надеются. Значит, готовы собой пожертвовать. Мой

голос стал голосом каждого из них. Я с уверенностью скажу, что подавляющее большинство законопослушных граждан мне действительно доверяют. Статистика и всевозможные опросы скрупулезно следят за каждым моим выступлением. Народ узнает меня и по голосу, и в лицо. И это правда, что ни с кем не путает. Ежедневно мой художественно отточенный образ с утра до вечера не перестает мелькать на экранах телевизоров. Журналы с моими фотографиями лежат на прилавках на самом видном месте. Они быстро раскупаются. Они не нуждаются в дополнительной рекламе. УЖЕ ДВА ГОДА Я НЕ ПРИНАДЛЕЖУ МИРУ. УЖЕ ДВА ГОДА МИР ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ. Ни одна мало-мальски серьезная ситуация в стране не обходится без моих комментариев. Хотя, слава Богу, ничего серьезного давно не случалось. Видимость должного порядка существует. Разумеется, и благодаря мне. О моем искусстве убеждать-разубеждать говорят совершенно разные персонажи. От журналистов-врагов до политологов-подхалимов. От самых уважаемых профессионалов до бездарных полуграмотных выскочек. Они все сравнивают меня с опытным режиссером. Никто не может возразить, что именно я вознес парламентское действо последнего двухлетия до уровня национального классического театра. Я – человек искусства. Я – человек высокого драматического искусства. Несмотря на то, что многому приходилось учиться прямо на сцене. В прямом эфире на всю страну. Я не стесняюсь в этом признаться. Потому что и без наук достиг впечатляющих успехов. Я научился своевременно переходить на крик. Я научился угрожающе размахивать руками. Я научился наказывать одним указательным пальцем. Любого из миллионов. И всех вместе одновременно. Я научился правдоподобно впадать в истерику. Я приучил каждого по-настоящему меня бояться. Я знаю, как внушить и радость, и страх. Я знаю, как реализовать все свои замыслы. Но мои успехи меня не останавливают. Ни на миг. Я – только в начале бесконечного пути. Во мне яростно кипит энергия, и я нахожу

ей продуктивное применение. Я предвижу новые достижения. Я их программирую. Мне по плечу самые крутые вершины импровизации. И мне еще будет чем удивить своих поклонников-избирателей. Я продолжаю совершенствоваться. Продолжаю совершенствовать мир. Я БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ БУДУ ПРИНАДЛЕЖАТЬ МИРУ. МИР ВСЕГДА БУДЕТ ПРИНАДЛЕЖАТЬ МНЕ.

3

У меня есть жена. С элегантной походкой от бедра. Крашеная блондинка. Меняющая очки в зависимости от настроения, погоды и времени суток. Ее зовут Эльза. У меня есть молодая служанка. Не блистающая идеальной аккуратностью. Сочетание легкоатлетической фигуры и сексапильности. Стриженая брюнетка – Эмма. Еще есть у меня миниатюрная собака. Никогда не видевшая в глаза своего собрата. С доброй глупой мордой и предлинными ногами. Девственницу зовут Изольда. Эльза – моя вторая жена. И последняя. Так как быть женатым более двух раз у образцовых парламентариев считается неприличным. НЕПИСАНЫЙ ЗАКОН ДЛЯ ПИШУЩИХ ЗАКОНЫ. С ней мы числимся родственниками последние восемь лет. Однако жить друг другу совсем не мешаем. Не так уж и часто встречаясь под одной крышей. Эльза продолжает активно работать манекенщицей. И среди коллег по цеху считается высокооплачиваемой. Стремится во всем быть неподражаемой и подчеркнуто свободной. Не стесняясь собственной капризности. Не заморачиваясь на критике со стороны. К моей депутатской деятельности она своего отношения никогда не выражает. Так как сама не очень понимает суть подобного занятия. Может, лишь во время составления сладостных поздравлений на мое имя по разным государственным поводам ей удается кое-что списать из газет. Слабую грамматику при этом лучше оставить за скобками. Как и ее способности к образному мышлению. Толком до сих пор мне неизвестно, училась ли она в школе когда-нибудь? Поэтому я не оказываю

ей «сопротивления» и не сую свой нос ни в какие ее дела. Меня все устраивает. Я признаю всю разнополюсность наших супружеских характеров. Чтобы не ущемлять ее гендерный суверенитет. Чтобы зря не беспокоить свою вспыльчивую нервную систему. Чтобы как можно реже отвечать на вопрос: что же такое эмансипация и стоит ли воспринимать ее всерьез. Все свободное ото сна время я занимаюсь своим бизнесом. То есть политикой. Также за мной значится трехэтажный дом на берегу обмелевшего, но участками чистого озера. В тридцати километрах от центра города. Дом, в котором мы иногда собираемся все вместе. Причем по основным праздникам в обязательном порядке. Точнее, в принудительном. Пятьдесят гектаров густого хвойного леса, доставшиеся от далеких предков по наследству. Где можно в обнимку с вожделенными подопечными спрятаться от пронырливости репортеров. Где можно расслабиться и побыть самим собой. Там же можно почувствовать себя настоящим собственником и другом природы. Еще есть персональный телохранитель-водитель высшей квалификации. Журнально-красивый. С точкой-серьгой в правом ухе. Которого я никогда не называю по имени полностью. Потому что всегда путаю двойные мужские имена. Есть любопытная коллекция авангардной эротической живописи. Которую я собираю уже больше двадцати лет. И которая, как мне кажется, способна впечатлить утонченными фантазиями зрителей с откровенно маниакальными наклонностями. По-моему, я перечислил все свое ДВИЖИМОЕ И НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО. Больше за мной не числится ничего… Если не считать собственного тела и глубоко зарытых в нем противоречий.

4

Я вхожу в черные двери парламента. Я не пользуюсь лифтом. Я иду по черной ковровой дорожке, ведущей по широкой лестнице вверх. Я преодолеваю черные ступени с легкостью, затаив дыхания. Я отсчитываю каждый шаг и знаю, сколько их будет до нужной мне двери. Я по-родственному

обнимаю высокие, под потолок, черные колонны на каждом из широких поворотов. С нежностью поглаживаю черные перила до самого четвертого этажа, где расположен мой кабинет. В огромных зеркалах я не вижу ничего, кроме матовой черноты. Черные занавеси плотно закрывают черные окна от непрошеных первых признаков света. Я всегда прихожу в Дом при идеальном параде. В строгом черном костюме. В накрахмаленной белоснежной рубашке. Прихожу рано утром. Пока город еще корчится в прощальных судорогах предрассветного рукоблудия. Прихожу, когда в здании, помимо сонной охраны, никого нет. Когда отключены все микрофоны, гигантское табло и телевизионные мониторы. Самое же главное – не слышно лающего людского шума. Я люблю останавливаться и оглядываться вокруг. Я наслаждаюсь интимным погружением в монументальную мраморную пустоту. Мне все время хочется крикнуть и услышать в ответ глубинно-раскатистое эхо. Но я не смею. Не смею прикасаться к тайнам абсолютного черного беззвучия. К холодному каменному одиночеству. Одиночеству, уже как два года равнозначному свободе. Оно заряжает меня на еще необузданные идеи, речи, действия. Питает мой одухотворенный эгоизм. Возносит, как подъемный кран, до небес и бессмертия. Это более чем ощущение просто полета. В таком состоянии я осознаю свое приближение к вечности. Чувствую, как вдруг становлюсь невидимым. Прозрачным. Перестаю существовать среди людей. И для людей. Я забываю о них. Они мне не нужны. Я забываю о себе как о человеке. Придет время, и мраморная вечность заберет меня в свои земные-неземные объятия. Со всеми почестями. Я уверен, что этого я достоин. Я уверен, что этого я заслуживаю. Я способен доказать. Силы духа у меня достаточно. Никто не помешает мне убедить в этом мир. Любой ценой. ДАЖЕ ЦЕНОЙ МИРА, КОТОРЫЙ ПРИНАДЛЕЖИТ ТОЛЬКО МНЕ. Кто решится встать на моем пути? Кто посмеет мне возразить? Кто осмелится вслух опровергнуть: ВЕЧНОСТЬ ЕСТЬ ВЛАСТЬ?

5

Телефон трезвонит уже несколько минут подряд. Мне кажется, взбудоражено все здание. Звук я не уменьшаю, но выходить на связь не собираюсь. Потому что знаю, кто звонит. Потому что знаю, по какому поводу. Наверняка проснулась Эльза и сразу поспешила поздравить меня с двухлетием депутатства. Когда я ночую дома, то ухожу утром очень рано и очень тихо. К тому же, наши спальни расположены на разных этажах. Это если не сказать, на разных материках. Эльзе не терпится «обставить» всех. Ей хочется «утереть нос» всем моим коллегам вместе. Эльза стремится ни в чем не отставать от жизни и быть даже в ритуальных мелочах первой. Она не сомневается, что я уже нахожусь в кабинете. Не сомневается, что не желаю сейчас ни с кем разговаривать. И все равно, будто назло, надеется, что, в конце концов, мое терпение лопнет. Она думает, что сделает мне приятное. А, может, ей хочется напомнить о том, что она моя жена? Нет, я не рвусь об этом вспоминать. Мне не хочется ее слышать. Даже по телефону. Даже всего несколько слов и словечек. Даже по заслуживающему внимания поводу. Из раза в раз одни и те же мотивы. Давно знакомые высокопарные глупости и поцелуи, мастерски имитирующие оховые звуки. Уж я-то знаю ее умственные способности. Однако в общении со мной она нередко занижает их. Так предусмотрено ее запутанными сценариями. Ее взгляды на супружескую жизнь не менялись с самого первого дня знакомства. Она любит играть различные роли. И любит их столь же часто менять, как очки. Иногда она путается, забывает, выдумывает новые ходы и комбинации. Зато интонации всегда остаются одни и те же. Правда, всегда с оттенком все той же независимости. Раньше она была бедной и неплохо жила за счет богатых. Уже тогда она просчитала себе конкретную цену. Роскошная фигура, пышные соломенные волосы с лихвой окупали бытовые неудобства, а с ними и физическое переутомление. Но даже сейчас, располагая коллекционным гардеробом и собственными капиталами,

Эльза продолжает регулярно тянуть из меня деньги. Под любым предлогом. Как со своих бывших клиентов. Что это? Особый вид жадности? Страх, который пророс из нищего детства? Узаконенная женской совестью привычка? Инстинкт? Наверняка ведь звонит, чтоб под конец разговора сказать: «В честь такого праздника, любимый, ты должен сделать мне подарок». Во всяком случае, до сих пор так было всегда. И вряд ли с сегодняшним поводом будет иначе. Да, конечно, в этот раз она тоже получит свой подарок. И по заведенной ею традиции – обязательно наличными. Иных форм расчета Эльза не признает. Срабатывает давний рефлекс. И сумма давно известна. С учетом текущей инфляции и роста цен. Но получит при нашей следующей встрече. Совершенно точно ей придется подождать. Я готов раскошелиться. Но только не сегодня. Только не сейчас. Сейчас совсем не хочется портить себе настроение. Обычно я с трудом его восстанавливаю. Сегодня я заслуживаю отдыха. Сегодня я хочу терпеть лишь свои капризы. До чужих мне дела нет. Так как они всегда противоречат моим собственным. СЕГОДНЯ – ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРАЗДНИК. СЕГОДНЯ – САМЫЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ В МИРЕ ПРАЗДНИК.

6

Эльза ждет. Эльза ждет с закрытыми глазами. Эльза ждет с закрытыми глазами, несмотря на пробивающееся сквозь шторы утро. Эльза ждет и не понимает, когда же «фюреру» надоест молчать. Она себе представляет, как в данную минуту он сидит в кабинете и медленно пьет чай с молоком. Будто тщательно пережевывает. Уставившись в одну точку. Не торопясь. Ничто не может перенести, отменить или прервать чайную церемонию. Она знает, что не ошибается в своем воображении. Эльза уверена, что парламентский завтрак вот-вот будет окончен, и она услышит нужный ей голос на другом конце связи. Она не злится. Напротив. Она дышит ровно и беззвучно. Она знает, что терпение еще никогда ее не подводило. Она до сих пор не проиграла ни единого

семейного сражения. Терпение – ее главный психологический козырь. Эльза любит демонстрировать свое терпение. И прежде всего, себе самой. ЭЛЬЗА – ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТЕРПЕЛИВАЯ ЖЕНЩИНА. ЭЛЬЗА – СИЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА. ЭЛЬЗА – НАСТОЯЩАЯ ЖЕНЩИНА. Она лежит посредине почти круглой кровати в прохладной бледно-розовой спальне. Под навесным зеркальным потолком. В наркотическом благоухании цветущих экзотических растений. Одной рукой перебирая, как четки, пальцы выглядывающей из-под одеяла эмминой руки. Другой крепко прижимая к груди телефонную трубку. Она вслушивается в каждый из далеких гудков, подтверждающих молчание «фюрера», но верит, что нудные звуки наконец прервутся. Точнее, прервется затянувшееся молчание. О причинах которого, впрочем, ей знать совершенно ни к чему. Ей не нужно знать лишнего. Потому что любое знание, как правило, подразумевает и скрытую ответственность. А это не для нее. Просто Эльза по своему характеру – обязательный человек. И тоже живет по расписанию. Что равносильно сценарию. Поэтому, независимо от обстоятельств, она все равно дозвонится до своего супруга и поздравит его с личным профессиональным праздником. Именно в этом она видит свой основной супружеский долг. Именно в этом она проявляет себя самой любящей женой на свете. При всем отвращении, которое испытывает большинство молодых особ к официально оформленным немолодым мужьям, Эльза всегда старается выглядеть внимательной и корректной. Чего бы это ей ни стоило. Эту роль она обычно играет с непримиримым вдохновением. Пошел уже девятый год. И впереди – немало. Поэтому именно такой должна быть жена депутата парламента. Именно такой ее принимает добропорядочное общество. Именно такой ее и находят в близком окружении «фюрера». Эльза – в законе. Эльза – предана закону. Эльза – живет по закону. САМАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ЖЕНА САМОГО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ДЕПУТАТА ПАРЛАМЕНТА.

7

Когда в истеричную перекличку включаются и другие озлобленные моим вызывающим молчанием аппараты – еще два моих, три внутренних, два правительственных, плюс телефон безопасности – существование в кабинете становится невыносимым. В дребезжащем переполохе я вдруг решаю вообще ни на что не реагировать. Никак. И ни на один из звонков в том числе. Меня здесь нет. Меня нет нигде. Ни для кого. Мне просто не хочется подавать признаков жизни. О, если бы можно было сейчас куда-нибудь исчезнуть! Туда, где сегодня меня оставили бы в покое. Где не надо в избытке улыбаться. В официальной повестке дня мое отсутствие ничего не изменит. В конце концов, сотни остальных депутатов также в ожидании поздравлений. Все уже подготовили ответные речи. Ведь торжество у нас общее. Высшие чины им тоже должны уделять внимание. Пускай рассыпаются в любезностях друг перед другом. Пускай осыпают друг друга цветами и льстивыми комплиментами. Я предпочитаю устроить себе выходной. Сегодня я никому не подам руки. НИ С КЕМ НЕ БУДУ ДЕЛИТЬ МОЙ ЛИЧНЫЙ ПРАЗДНИК. Он слишком много для меня значит. Хотя еще пару часов назад мои планы были другими. Все началось с Эльзы. Лучше бы она не просыпалась столь рано. Теперь нужно думать о том, как незаметно выбраться из осажденного кабинета. Но, к великому сожалению, это невозможно. Увы. Поздно. Придется сидеть взаперти, Одна радость – в одиночестве. НАСТОЯЩИЙ ПРАЗДНИК – ВСЕГДА ОДИНОЧЕСТВО. Периодически кто-то стучит в дверь. Периодически кто-то пинает ее ногой. Периодически кто-то проверяет на надежность дверную ручку. А может быть, проверяют на надежность мое молчание? А вдруг кто-нибудь догадывается, что я нахожусь внутри? Ха-ха-ха-ха. Сквозь звонки я различаю по ту сторону знакомые подхалимские голоса. Я слышу их разочарование перед закрытой дверью. Я понимаю, что визитеры пришли с

подарками и цветами. Они даже не пожалели на все это казенных денег. Я замечаю, как исчезает просвет между дверью и полом. Немудрено предположить, что вход в кабинет этими подарками и цветами заваливается. Меня заживо погребают. С моего вынужденного согласия. Но я что-нибудь придумаю. Я обязан придумать. Я выбирался и не из таких ситуаций. Чужого опыта мне не занимать. Для начала я втихую открою шампанское. Без шумного праздничного фейерверка. Да, на этот раз без звездных бликов и напоминающего всеобщее отхаркивание хора. К вечеру я позабочусь, чтоб весь праздничный мусор перед дверью убрали.

8

Эльза называет меня «фюрером» с тех пор, как впервые увидела на экране телевизора одно из моих выступлений в парламенте. Обыкновенное рутинное выступление. На неделе каких бывает сразу по нескольку. Вероятно, моя речь произвела на нее очень сильное впечатление. Нет, она, конечно, не рискует так обращаться ко мне в лицо. Но в разговорах с Эммой и разными подругами другого имени мне не присваивается. Какое-то время я злился. Однако, слыша изо дня в день одно и то же, со временем привык. Привык быть «этим фюрером». Привык быть и «старым фюрером». Привык быть и «жадным фюрером». Привык быть просто «фюрером». В общем, Я ПРИВЫК БЫТЬ ФЮРЕРОМ. Эльза совсем не подозревает, что все ее телефонные звонки фиксируются на пленку. Что по моему указанию в ее спальне установлены две скрытые камеры. Что в моем тайнике уже собраны более тысячи видео- и аудиокассет с ее участием. Я без сомнения могу сказать, что знаю о своей жене гораздо больше, чем она сама знает о себе. ЛЮБОЕ ЗНАНИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ МЕТОДОМ. ЛЮБОЙ МЕТОД ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ЛИШЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИЕЙ. Наверняка поэтому за все восемь лет совместного проживания между нами не произошло ни одной серьезной ссоры. Не прозвучало ни одного серьезного упрека. Уж лучше декоративный мир, чем откровения и конфликты. Разве можно с этим не согласиться?

Этот жизненный девиз, доставшийся мне в наследство еще от первого брака, точно определяет наши отношения. Меня мало беспокоит информация, которой я располагаю. Информация существует сама по себе. Как часть неприкосновенного семейно-золотого запаса. Эльзу же устраивает реальное положение дел. И в доме, и за его пределами. Она любит под руку со мной выходить в свет. Расписание важных приемов и банкетов заучивает лучше меня. Для них шьются специальные наряды. Бывает, ей приходится самостоятельно выбирать, куда нам пойти. Эльза, конечно, довольна тем, что имеет в своем богатом репертуаре на одну (но какую!!!) роль больше. И в этой роли она из раза в раз великолепна. Она нравится самой себе. Хотя старается нравиться еще и окружающим. В компании серьезных и влиятельных людей у нее всегда великолепное настроение. Нас в любой обстановке и по любому поводу окружают щедрым вниманием. С нами хотят дружить многие знаменитости. Несмотря на то, что вместе мы появляемся чаще на людях, чем в собственных спальнях, нередко приходится выслушивать банальные мнения об идеальности нашей пары. А может быть, так оно и есть? Может, так и живут кажущиеся идеальными со стороны пары? Но восемь последних лет не только размеренно шли рядом со мной, постоянно обновляя мой быт мебелью, стилизованной под чужие имена и вкусы. В этом брачном марафоне моя воля и мой дух сделали окончательный выбор. Состоялся решающий прорыв во внутренних приоритетах. От сугубо личных к истинно государственным. Одновременно произошла внутренняя смена эпох. НАСТУПИЛА ЭПОХА ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ.

9

Есть ли у меня настоящие единомышленники? Кроме народа, никого. Об этом я много раз открыто говорил в различных интервью и в публичных выступлениях. «Я не состою членом ни в одной партии-движении-фракции. Я искренне презираю всю абсурдность их запутанных идей и

фальшь лаконичных деклараций. Не стоит опускаться до участия в коллективном лицемерии…» «Я держусь в стороне от десятка существующих в нашем парламенте группировок. Меня не раз пытались привлечь на свою сторону. Но мне незачем вникать в эти междоусобные войны. Они преследуют только собственные корыстно-политические цели. Хотя, по сути, друг от друга ничем не отличаются. Я же – независимый депутат и отвечаю за свои слова и действия…» СВОЕЙ НЕЗАВИСИМОСТЬЮ Я ПОЛНОСТЬЮ ПОДТВЕРЖДАЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ НАРОДА. «У меня не было и не может быть союзников. Оказывая доверие мне, народ тем самым автоматически высказывает недоверие всем остальным. Я не ошибаюсь в своих расчетах…» «Народу нужен только один лидер. Им законно избранный. И я это место никому не уступлю. Я постоянно думаю о своих избирателях и способен быть благодарным за преданность. Мной, в принципе, движет исключительно одна идея – идея совершенства народной демократии. Я готов бороться за нее голыми руками. Мне не нужна для того депутатская неприкосновенность, над которой дрожат сотни моих уважаемых коллег. Именно этот закон я рассматриваю как самый антинародный и противоестественный из всех ныне действующих. Нашей Конституции надо избавляться от аморальности. Я готов взять на себя инициативу. И ответственность тоже…» «Я – единственный, кто осмелился с этой трибуны громко отказаться от незаслуженных юридических привилегий. Депутату-патриоту они ни к чему. У меня нет причин бояться закона. Я не нуждаюсь в защите от своего народа. Напротив, много людей нуждаются в моей поддержке. Вовремя прийти им на помощь – мой государственный долг. Я перед народом, как и перед законом, открыт и чист…» «Сила народа – в характере его национального лидера…» «Народ никогда не допустит издевательства над нашим государством, его институтами и властью…» ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ПРАВО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО НАРОДА НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ

ВЫБОР. «На вопрос, есть ли у меня враги, категорично отвечаю: да!!! Кроме народа, все!!! Без исключения!!!»

10

Ночь в парламенте. Уже не первый раз я добровольно остаюсь в родном доме. В полном одиночестве. Редкий технический персонал и давно потерявшая бдительность охрана – не более чем часть неодушевленного интерьера. Но сегодня, после длительной осады в кабинете, у меня особые ощущения. Мне кажется, будто я освободился из пожизненного заключения, в котором незаслуженно, по наговору отсидел не один год. Будто с трудом оторвался от смертельно опасных преследователей. И, чтобы меня не поймали, спрятался здесь, на четвертом этаже, между колоннами. Сегодня, черной ночью, бесконечное черное пространство будет принадлежать одному мне. Эту ночь я буду жить в своем мире. Эту ночь я буду жить в мире. В такое время искать вряд ли будут. Бессмысленно. Так что до утра меня никто не увидит. Никто даже не услышит. Следовательно, никто и не выдаст. Значит, можно смело забывать обо всем, что происходило днем. Меня оно уже не касается. Все это было не со мной. К тому же, есть возможность пообщаться с парламентом наедине. Лицом к лицу. С моим. Настоящим. Единственным. Без пафоса. Лжи. Подлости. Без ненавистных мне коллег-свидетелей – других депутатов. Ничем и не в чем не отличающихся друг от друга. Высокомерных, трусливых, продажных и перепродажных. От рождения лишенных чувства юмора. Одинаково одетых. Одинаково напудренных. Одинаково мыслящих. С одинаковыми улыбками и полуулыбками. Депутатов-лжепатриотов. Депутатов-предпринимателей. Депутатов-обывателей. Депутатов-изменников. Ну вроде вышедших из народа правдоискателей. Парламент – это не группа людей. ПАРЛАМЕНТ – ЭТО ВЛАСТЬ, КОТОРУЮ ГРУППА ТЕМНЫХ ЛЮДЕЙ ПЫТАЕТСЯ МЕЖДУ СОБОЙ РАЗДЕЛИТЬ. Сейчас же парламент принадлежит только мне. В эту черную ночь

парламенту принадлежу только я. Не нужно его ни с кем делить. Не нужно скрывать своих отношений и эмоций. Не нужно фантазировать и врать. Для нас не существует авторитетов. Можно сливаться в единое интимное целое. Можно наслаждаться свободой и вечностью. В брызгах ядовито шипящего шампанского. С общим бокалом на двоих. Под звон хрусталя о черный мрамор. ЗА НАС! ЗА НАШЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ! Лучшего тоста не придумать.

11

– Ты на самом деле собираешься его разыскивать?..

– Не знаю…

– Выбрось глупости из головы… Хочешь, чтобы над тобой все смеялись?..

– Но как иначе?..

– Он что, впервые не приходит ночевать?..

– Эмма, ты же слышала, сколько людей его искало… Даже домашний телефон не замолкал… А сколько людей наверняка звонили на работу…

– Ну и что?!

– Его не было даже на торжественной части… А по «ящику» его всегда показывают…

– Может, у него есть дела поважнее?..

– Ты же знаешь, это исключено…

– Может, он куда-нибудь уехал?..

– Сегодня?.. Это невозможно…

– Он гораздо скрытнее, чем тебе кажется…

– Но за восемь-то лет…

– Будешь звонить в полицию?..

– Не знаю…

– Или рванешь по знакомым?..

– Если бы знать, по каким?..

– Мало ли с кем он проводит ночи?..

– Меня это не волнует…

– Так в чем тогда дело?..

– Почему не позвонил?.. Почему не предупредил?.. И что отвечать мне на домашние звонки?..

– Искать его сегодня нельзя… Подожди хотя бы до завтра… Не объявится завтра – другой вопрос… Так ты навредишь вашей общей репутации… Знаешь, сколько все наговорят… Праздник… Без жены…

– А если что случилось?..

– Это самый простой из всех вариантов… Значит, есть веская причина для отсутствия… Не напрягай зря свои нервы… Будь что серьезное, ты бы узнала первой… Для плохой информации препятствий не бывает… Не нужно заранее его хоронить… Он посложнее… Такие, как он, живут очень долго и умирают медленно… Назло всем окружающим…

– Пусть живет… Он мне не мешает…

– Он никому не мешает…

– Но я все равно волнуюсь…

– Думаю, что ему просто захотелось побыть одному… И неважно где… За четыре года, как я у вас работаю, его «фюрерский» характер я тоже немного изучила… Потому он меня так недолюбливает… И это еще мягко сказано… Потому что я читаю его мысли…

– Он тоже «спец» по чужим мыслям…

– Ты заметила, за столом он старается не смотреть мне в глаза?..

– Не забывай, ты для него – всего лишь горничная…

– Это не имеет значения…

– Ты же знаешь, для него все имеет значение…

– Представляю, как он сейчас смеется над всеми…

– Пусть будет лучше так, чем…

– …

– Ладно, пошли спать… Уже скоро утро… Днем что-нибудь да прояснится…

12

Так бы я разгуливал долго по скользкому мраморному паркету, размышляя о высоких и низменных материях. Убеждая себя в особом отношении к окружающему парламентскому миру. Маневрируя между рефлективной ненавистью и собственным величием. Однако вдруг на последнем, уже техническом этаже здания в поле моего зрения попадает слегка приоткрытая массивная дверь. На ней никаких опознавательных знаков. И выкрашена она тоже в черный цвет. Я осторожно, подобно разведчику, заглядываю за дверь. Полтора десятка ступенек крутой железной лестницы. Потом еще несколько каменных. Я сразу решаюсь подняться и оказываюсь в пересушенном, запыленном пространстве, заваленном отборным старым хламом – канцелярской мебелью, упаковками ни разу не пользованных книг, множеством предметов исторически отслужившей государственной атрибутики. Чердачный город. Без вывески и названия. И кому это принадлежит? Неоштукатуренные стены, цементный пол, перегородки, закоулки. Низкий потолок, отсутствие окон, несколько люков на крышу, непривычной тяжести воздух. Вдалеке горит свет и слышны вялые мужские голоса. Разобрать отдельные слова невозможно. Временами металлический стук чередуется с шумом электрических инструментов. Наверное, ведутся мелкие ремонтные работы. Возможно, здесь проложены какие-то важные коммуникации. Странно, почему во всем – столь откровенный беспорядок. При внешнем блеске, лоске и солидности самого здания. Здания, в котором находится мозг всей страны. Страны, в которой о порядке говорят и пишут больше, чем о чем-либо другом. А может быть, ПОРЯДОК И ИСТОРИЯ НЕСОВМЕСТИМЫ? Даже в самом порядочном из государств? Пускай даже в таком, примитивно-прикладном смысле? Продвинуться вглубь я не рискую, чтобы никому не попасться на глаза. Чтобы случайно не спровоцировать тревогу. По ночам людей тут не бывает. Лучше отправиться назад в кабинет. Ведь меня еще ждет недопитая бутылка шампанского. Мой

праздник еще не окончен. Сегодня он входит не только в мои права, но и в мои обязанности. Сегодня я живу по особому графику. Пора по-настоящему расслабиться. Но кодовый номер замка запоминаю с легкостью: RP-25-0I-196I. Сюда я обязательно вернусь. В одну из ближайших ночей. Когда здесь не будет никого. Мое любопытство приобретает профессиональную форму. Я хочу знать о РОДНОМ ДОМЕ больше, чем знаю о НЕМ на данную минуту. И гораздо больше, чем знает о НЕМ кто-нибудь другой в стране.

13

Вся депутатская семья в полном составе. После долгих согласований, нескольких отмен, переносов наш квартет собрался-таки на ужин. В моем любимом каминном зале. В праздничной обстановке. При свечах и незашторенных окнах. В восемь часов вечера. Уверенная в себе Эльза – в элегантном оранжевом платье. Переполненная энергией Эмма – поскромнее. То и дело зевающая девственница Изольда в поиске места, куда бы ей приткнуться. И я, скрывающий свое раздражение обязательным участием в запланированном еще месяц назад воскресном застолье. Семейный портрет. Можно фотографироваться. Можно даже писать картину. Под усыпляющую музыку Брамса и треск горящих поленьев. Творческое совмещение порока, девственности и импотенции. Довольно экстравагантное, веселое, хотя и откровенно противоречивое сочетание. ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЭСТЕТИЧЕСКИЙ МОДЕРНИЗМ. Но оживления в атмосферу он не вносит. Мой аппетит как был, так и остается на нулевой отметке. Слов хоть для какого-то общения не находится ни у кого. Да они никому и не нужны. Каждый сосуществует со своими мыслями. Каждый надеется на чужую инициативу. Эльза чересчур часто по-детски улыбается. Эмма, как всегда в моем присутствии, исполнительна и мало разговорчива. Изольда у меня на руках лижет пуговицу моего пиджака и совершенно не подозревает ни о каких революционно-художественных новациях, происходящих в образцовом

сожительстве. Ей не дано знать, что она является частью серьезной шахматной комбинации высокопоставленного державного чина. Но зато ей суждено стать целой главой в издающейся будущей зимой моей первой биографии. ИЗОЛЬДА – ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН СЕМЕЙСТВА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ДЕПУТАТА ПАРЛАМЕНТА. Эти вечера обычно длятся до тех пор, пока окончательно не опротивеют всем его участникам. Создается впечатление, будто действие происходит в занудном спектакле. При никчемном главном режиссере и прочих посредственных актерах. А нескончаемое количество диковинных блюд выходит за пределы разумного. Напоминая всем скорее выставочную дегустацию, нежели естественное утоление голода. Эмма, конечно, покоряет своей расторопностью. Она умудряется не только быстро менять живописную картину стола, но и каждый раз успевает сделать пару глотков вина вместе с нами. Мне понятен пессимизм ее взгляда. Ужасно, когда твой труд никто не оценивает по достоинству. Отреагировав кивком головы на появление роскошного торта, Эльза вдруг находит в себе мужество прервать грустное молчание: «Давайте выпьем за любовь, господа!» Я с фальшивым энтузиазмом поднимаю бокал. Причем так я бы продемонстрировал свою солидарность с любым тостом. Лишь бы от меня не требовали принять участие в светской болтовне. Молчание – знак особого согласия. Звон бокалов согласие подтверждает. Изольда резко спрыгивает с моих коленей и выбегает из комнаты. Она первой решается на поступок.

14

«Я – приверженец САМЫХ СТРОГИХ национальных убеждений. Я родился в семье крепких национальных традиций и продолжаю следовать национальной идее в исключительно чистом виде. Никогда в жизни я еще не сомневался в своих политических взглядах. Разве можно поставить себя вне своего происхождения?..» «И когда я говорю о народе, то имею в виду людей одной со мной

национальности. Представители иных национальностей относятся к другим народам и никогда в моем сознании не употребляются в единственном числе. Поэтому мои мысли редко заняты их проблемами. А проблем у них – всегда по горло. Они слишком многого хотят и требуют, однако слишком мало умеют…» «СУЩЕСТВУЕМ МЫ И СУЩЕСТВУЮТ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ!» «Знакомо ли мне, что такое Интернационал? Да. Но только для того, чтобы с ним бороться. Недолго ему осталось играть с огнем…» «Этот лжепример мира и братства, придуманный врагами моего народа, является в первую очередь моим личным врагом. У меня с ним свои старые счеты. Это преступное многомиллионное объединение, украшенное красными знаменами, стремится к уничтожению демократии путем создания антихристианской диктатуры…» «Способен ли я взяться за оружие и вступить в нещадную борьбу с этим организованным злом? Я уже два года нахожусь во главе бескомпромиссной борьбы. Если народу понадобится, я хоть завтра же надену военную форму. Я готов в любой миг пожертвовать своими заслугами и даже собой. Никто не должен сомневаться в моей искренности. Никто!..» «Я против парадного патриотизма. Он приносит лишь один вред и стране, и народу. Но в то же время истинный, внутренний, физиологический патриотизм должен быть естественной базой нашего мировосприятия. Мы должны его испытывать так же, как чувство голода и жажды…» «ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ МОЕГО НАРОДА!» «Нельзя говорить о морали, когда идет речь о защите ЧЕСТИ и ДОСТОИНСТВА нашего Отечества. В этом случае цель способна оправдать все мыслимые средства. А средства помогут достичь любой цели. Я уверен, что и нападение может служить защитой. Зачем ждать удара в спину? Мы не можем себе позволить такую слабость. Это вопрос выживания нашей нации. Вопрос будущего. Сомневаться – это преступление…» «Кто сказал, что беспощадность есть противоположность

человеколюбия? Непростительная глупость!!! Которую нельзя искупить никакими речами. Наша история не раз доказала, что беспощадность может оказаться образцом гуманности. Подтверждений сколько угодно. Надо лишь думать о народе, которому ты принадлежишь. Надо лишь думать о народе, который принадлежит тебе…» «ПРАВО НА ЗАЩИТУ – ГЛАВНОЕ ПРАВО ДЕМОКРАТИИ!»

15

Выходя сегодня ночью «на операцию», я вооружился мощным карманным фонарем. С его помощью мне-то и предстоит посягнуть на загадочный чердачный мир. Не просто скрытый от постороннего вмешательства и сглаза, а тщательно защищенный от мании величия депутатов и их профессионального невежества. Действовать вопреки и преодолевать запреты подвластно только избранным. Примеров на сей счет существует с избытком. Поэтому ПАРЛАМЕНТ В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ ВЫБИРАЕТ МЕНЯ. Я реально осознаю оказываемое мне доверие. Мысленно объявляю внутреннюю мобилизацию. Боевая готовность №1. Код: КР-25-01-1961. Дверь, как в лучшей народной сказке, открывается автоматически, без шума. И так же, как в сказке, всего лишь легким прикосновением руки, она наглухо закрывается за вспотевшей спиной. Отрезая дорогу к отступлению. Полностью видоизменяя связь с обществом, временем, амбициями, иллюзиями. Я сначала пытаюсь привыкнуть к резкому исчезновению света, но ничего не получается. Не подающая признаков жизни темнота равносильна потере зрения. Наверное, именно в таком слепом состоянии лучше всего определять степень серьезности своих намерений. Что меня сюда привело? Какая у меня конкретная задача? Кто ее передо мной поставил? Что мною движет? Желание удовлетворить похотливое любопытство или осмысленная претензия на исследование? А может быть, хочется хоть в чем-нибудь испытать удачу первооткрывателя? Но, во всяком случае, я ни с кем не намерен делиться будущей

информацией. Она уже изначально является моей собственностью. А к вопросу о собственности я отношусь бескомпромиссно. Поэтому любая новость умрет вместе со мной. Иначе это будет походить на предательство. В наших отношениях с парламентом не должно быть свидетелей. Потому что не существует людей, которые искренне желали бы нам добра. Мы обречены на наше совместное одиночество. Мы обречены на наше общее отношение к прошлому. Мы обречены на наше великое взаимопонимание. МЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОБРЕЧЕНЫ НА НАШУ ЛЮБОВЬ. Остыв от сумбурности мыслей, я протоколирую в себе решительность. То есть призыв к действию. Значит, со временем придут ясность и конкретность целей. Никто не сможет переубедить меня в правильности принятого решения. Альтернативы нет. Интуиция требует срочного и безоговорочного выполнения всех своих ультиматумов. Немедленно. Я щелчком включаю фонарь. И сразу же, неожиданно для себя, слепну во второй раз. Теперь от сверкнувшей боли в глазах.

16

– Нет, не здесь… Остановите вон там, у следующего перекрестка…

– Нам же еще далеко…

– Сегодня я могу не торопиться…

– Но…

– Я выйду здесь…

– Отсюда еще полчаса пешком…

– Ничего… Прогуляюсь…

– Вот-вот начнется утренний час пик…

– Зато, наконец-то, можно будет почувствовать себя обыкновенным человеком…

– Но…

– Нужно ведь хоть иногда заглядывать в глаза своим избирателям…

– Но вас все знают…

– Ерунда…

– Ваше лицо знакомо каждому…

– Посмотрите, какие усы и очки я прихватил…

– Вы – смелый человек…

– Этим я отличаюсь от остальных депутатов…

– Я говорю серьезно… Без шуток…

– Ха-ха-ха-ха… Вы меня недооцениваете… Я – не просто смелый… Я гораздо смелее…

– И все же лучше мне вас незаметно сопровождать… В наше время случится может все что угодно.

– Нет-нет, езжайте на стоянку…

– Это входит в мои обязанности…

– Обязанностей у вас много… Но не забывайте о главной…

– Тогда оставьте в машине ваш портфель…

– Все-свое-ношу-с-собой…

– Но…

– Езжайте… Не беспокойтесь…

– Беспокоиться – моя профессия…

– До завтрашнего вечера чувствуйте себя свободным…

– Иногда вы ставите меня в тупик…

– Прошу вас, не пытайтесь мне ответить тем же… Ха-ха-ха-ха…

– А что сказать вашей жене?..

– Не напоминайте мне о ней…

– Вы же знаете ее настойчивость…

– Сошлитесь на неосведомленность…

– С ней этот номер не проходит…

– Вы считаете, она будет чем-то интересоваться?.. По-моему она уже другая…

– Ее способностям выбивать информацию стоит лишь позавидовать…

– Будьте с ней поофициальнее…

– Но…

– Держите с ней дистанцию…

– Она всегда задает какие-нибудь такие вопросы… На которые и отвечать даже не хочется… Особые… И это еще мягко сказано…

– Значит, и отвечайте что-нибудь, как всегда… По-особому…

– Но вдруг…

– Скажите, что у депутата парламента слишком много дел, которые объявляются «вдруг»…

17

Якобы беспричинно остановившись посреди тротуара, я начинаю разглядывать небрежно-торопливых утренних прохожих. По возможности пристально. В большинстве случаев оценивающе. Практически с профессиональной придирчивостью фотографа. В зависимости от скорости передвижения самого объекта. Даже опасность лобового столкновения меня не смущает. Давно я не оказывался в гуще раннего уличного человекопотока. Никогда такое количество конкретных лиц не возбуждало мой взгляд. Как ни странно, но сквозь затемненные стекла очков они ничуть не кажутся одинаковыми. Напротив – разными. И очень разными. По-разному сумасшедшими. По-разному злыми. По-разному безрадостными. По-разному убогими и озабоченными. Причем полностью лишенными каких-либо признаков врожденной человеческой добродетели. Люди быстро сменяют друг друга, но атмосфера вокруг не меняется. А их количество никак не сказывается на качестве. Неужели это и есть мой народ? Неужели я есть продукт его так называемой воли? Я его представлял себе совершенно другим. Может быть, все зависит от погоды или времени года? Неужели по всем тупым статистикам и протоколам я числюсь его неотъемлемой частью? Одно дело, когда видишь с трибуны энергичную однородную массу, скандирующую тобой же придуманные лозунги. И совсем другие вырисовываются картины, когда разглядываешь каждого индивидуума в отдельности.

Неожиданно и незаметно для них. Неожиданно, но умышленно для себя. Неужели это одни и те же люди? Неужели у меня с ними одни и те же права и обязанности? Неужели кто-нибудь из них может претендовать на мое место в парламенте? На мое место в истории! На мое место в вечности! Я перебираю негативы отснятых портретов и не нахожу ответа ни на один из вопросов. Я чувствую, что становлюсь таким же злым. Подобно мельтешащим перед глазами прохожим. Хотя этой ночью я спал крепко и выехал из дома после крепкого чая в отличном настроении. У меня начинают мерзнуть руки, и я вспоминаю о своем теплом рабочем кабинете. Из него ведь тоже можно вести полноценное наблюдение. Если в светлое время раздвинуть жалюзи, будет видна главная площадь. Правда, с парламентской высоты пешеходы и машины обычно смотрятся всего-то крупными разноцветными горошинами. А может быть, они и должны оставаться ими? Надо ли их разглядывать под увеличительным стеклом? Пусть даже затемненным. Мир избирателя имеет свои масштабы. Потому лучше его не замечать. Лучше изначально взять и закрыть на него глаза. КОНКРЕТНОГО ИЗБИРАТЕЛЯ В ПРИРОДЕ НЕ БЫВАЕТ. ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ИЗБИРАТЕЛЬ ВСЕГДА АБСТРАКТЕН. Я нарушил очередной неписаный закон депутата. Я опрометчиво спустился на землю.

18

Главное открытие, которое я сразу делаю для себя на чердаке: ни при каких обстоятельствах меня здесь никто не найдет. Абсолютно точно. Ни сегодня, ни завтра. Ни раньше, ни позже. Вот где можно наглухо закрыться от надоедливого человечества. Никому не придет в голову искать парламентария в стенах родного парламента. Игра в прятки по-настоящему. Ха-ха-ха-ха. Тогда меня можно будет смело объявлять пропавшим без вести. Каждый метр я преодолеваю не торопясь. По толстому бархату пыли можно лишь догадываться, сколько времени сюда не ступала нога

заинтересованного существа. Пройдя несколько зигзагов-коридоров и сумев преодолеть десяток плотно закрытых дверей, я упираюсь в некогда уютную и, наверное, некогда чистую комнату. Обставленную мебелью из совсем других канцелярских эпох. Согласно уже давным-давно забытым современным дизайнером вкусам. Я НАХОЖУ ДЛЯ СЕБЯ УГОЛ. Свой настоящий четырехугольный угол. У которого появится теперь новый хозяин. Новый и настоящий. ГЕОМЕТРИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЖИЗНИ НИКОГДА НЕ ВЫХОДИТ ЗА ПЕРИМЕТР ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА. Помещение имеет форму квадрата и высокий потолок. В нем есть примитивный, но болтающий радиоприемник. Есть потертый кожаный диван. Есть потертое кожаное кресло. Есть громоздкий письменный стол. Есть один, перевернутый вверх ногами, стул. Есть два шкафа. На столе – аккуратная стопка серо-коричневых бумаг. На его краю – с окаменевшими чернилами чернильница. В комнате нет окон. Нет света. Нет ненужных предметов. Но самое главное – нет телефонной связи с остальным миром. Есть – многозначительная атмосфера намертво запечатленного ПРОШЛОГО. Нет – бессмысленности и пустоты условного НАСТОЯЩЕГО. Сегодняшнее ночное открытие на самом деле меня однозначно вдохновляет. К включенному фонарю я зажигаю принесенные с собой свечи. Я поднимаю их над головой. Жаль, что их только четыре. Однако все равно почти факел. Я удостоверяюсь в своем прекрасном настроении. Здорово, что его некому испортить. Воображение раскручивается с убийственной скоростью. Мне становится невыносимо жарко. Хотя на сей раз не душно. Я чувствую пробуждение грандиозных оптимистических эмоций. Я торжествую. И не страшно, если со стороны кому-нибудь покажется, что на то нет видимых внешних причин. РОЖДАЕТСЯ НОВАЯ ИДЕЯ. Нет ничего важнее для ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО человека!

19

С тем, что стекло витрины может служить бытовым зеркалом, я раньше никогда еще не сталкивался. Постояв пред самим собой с полминуты, слегка прикоснувшись к прическе, пошевелив приклеенными усами и пригвоздив очки к переносице, я перемещаюсь в продовольственный магазин. Набитый-перенабитый агрессивными пестрыми упаковками. Я с трудом выбираю нужное мне съестное направление. По сравнению с улицей здесь тепло, тихо и безлюдно. Я знаю, за чем сюда пришел. Есть конкретная задача. Меня интересуют сардины в оливковом масле. Обыкновенные сардины. В обыкновенном масле. Точнее, обыкновенные консервы. Я очень любил их в далеком детстве. Когда родители вечерами отсутствовали, втихую меня подкармливала бабушка-служанка. Тогда они мне казались намного вкуснее, чем все замысловатые обеды и ужины. Из рекламного «Продовольственного вестника» я узнал, что они до сих пор бывают в продаже. Повезло. После непродолжительной прогулки между стеллажами я нахожу тот, который мне нужен. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛЮБИМОЕ БЛЮДО – ДЕЙСТВИТЕЛЬНО В НУЖНОМ КОЛИЧЕСТВЕ. Двадцать золотистых банок делают мой портфель трудноподъемным, но я умело скрываю свои сверхусилия. Кассир же делает вид, будто не удивляется. И выдавливает из себя замечание: почему я не воспользовался металлической корзиной. Честно говоря, меня это коробит. Первый раз в жизни я готов плюнуть человеку в лицо. В прямом смысле слова. И чтобы этого не произошло, мне приходится себя сдерживать. И тоже в прямом смысле. Кассир возбуждает во мне отвращение. Обыкновенное физическое. Очень близкое к сблеву. Он человек другой национальности. Другой крови. Значит, не принадлежит моему народу. Значит, не имеет права выражать недовольство в моей стране. Я не знаю, кто он и откуда он мог приехать. Я не хочу знать. Это априори лишняя информация. Но я точно знаю: если плюну, он стерпит. Он не посмеет жаловаться хозяину. Потому что умный хозяин может неожиданно

очнуться и вспомнить о патриотизме. Потому что хозяину не нужен работник, в которого плюют покупатели. Потому что клиент всегда важнее рабочей силы. Я не тороплюсь платить. Я вообще не хочу этому дегенерату платить. ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ДЕПУТАТ ДОЛЖЕН ИМЕТЬ ПРАВО НА БЕСПЛАТНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ. Я вытираю вспотевший лоб носовым платком. Медленно, демонстративно. Я громко вздыхаю. Я вникаю глубже в свое отвращение. Я не знаю, хватит ли мне сдержанности. Кассир тоже этого не знает. Он смотрит мне в глаза. Он молча ждет. Он покорно терпит. Он все стерпит. И меня. И следующего. И меня со всеми следующими. ТЕРПЕНИЕ – ЕДИНСТВЕННОЕ ПРАВО ЧУЖИХ НАРОДОВ. Во всяком случае, в моей стране. Во всяком случае, в моем личном присутствии. В КАЖДОМ ИЗ ВСЕХ ВСЯКИХ СЛУЧАЕВ.

20

Прохладный душ всегда кстати. Особенно после ночи, активно проведенной на ногах. Особенно после резкого спада внутреннего напряжения. Только отбойный душ способен безоговорочно регулировать взаимоотношения между умаявшимся человеком и временем суток. Только колючей прохладной воде удается вырвать тело из плена усталости и вернуть его под жесткий контроль разума и обстоятельств. Даже собственная нагота, уже далеко не самая притягательная, кажется, добавляет сил и энергии. Не так уж стар! Не так уж и плох! А процесс ускоренного одевания происходит под аллегро бодрого музыкального бормотания. Неожиданно вспоминаются давно забытые мелодии детства и юности. Наступает короткий приступ неосознанного сочинительства. Ничто не препятствует распеться во все горло. И даже не беда, если объявится случайный слушатель. Как хорошо, что в кабинете есть душ. Правда, о мягкой домашней постели надо временно забыть. Хотя еще полчаса назад мечта о полноценном сне была единственным реально действующим желанием. И вот я как ни в чем не бывало сижу за рабочим

столом. Начинаю свой новый депутатский день. С привычным рабочим усердием перелистываю бессчетные страницы бессчетных документов и время от времени поглядываю в окно. Любезно отвечаю на рядовые телефонные звонки. Снисходительно посмеиваюсь над газетными заметками. Между прочим реагирую и на радиоинформацию. Когда же очередь доходит до распорядка следующего дня, то на листке бумаги возникают несколько вопросительных знаков. А напротив ночи появляется длинный прочерк. Никому. Ничего. Никогда. Ни слова. Ни звука. Ни жеста. Впрочем, я сам толком еще не соображаю, что меня ждет ближайшей ночью. И насколько от меня будет зависеть удача. Но главное, чтоб все оставалось в полном секрете. Люди не должны уловить изменений в моем настроении или поведении. Сегодня я для всех тот же, что был вчера. И таким останусь все ближайшее будущее. ЗАБОТА О НАРОДЕ, КАК И ПРЕЖДЕ, КИПИТ. СЕМЬЯ, КАК И ПРЕЖДЕ, КРЕПНЕТ. ИСТОРИЯ, КАК И ПРЕЖДЕ, ВДОХНОВЛЯЕТ. Я констатирую факт, что теперь ночная жизнь интересует меня гораздо больше дневной. Судьба предлагает новые обстоятельства. Время на размышление отсутствует. А оно и не нужно. Не всегда оно приносит пользу. Я автоматически протягиваю руку. Но кому, не знаю. Я согласен подписаться под любым документом. Разве можно своей судьбе отказать в доверии? Даже если придется срочно изменить свой образ. Даже если я не представляю, как буду выглядеть в новом. Даже если вдруг себе не понравлюсь. Я – ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ. И ОБЯЗАН СООТВЕТСТВОВАТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

21

– Тебе не кажется, что за последние пару недель твой «фюрер» стал совсем странным… Понаблюдай за ним… Разве нет?.. Такое впечатление, будто он все время тихо с собой разговаривает… Раньше этого не было… Губы – в постоянном шевелении… Уголки рта подергиваются… Присмотрись к нему… У него, наверное, очень богатое воображение…

– Оставь его в покое…

– Нет-нет…

– Пусть живет, как хочет…

– Но я стала немного его побаиваться… Сумасшедших у него в роду не было?..

– Ох, чем реже ты его видишь, тем больше мрачных эмоций вызывает у тебя каждая новая с ним встреча… Не трать на него лишнего внимания… Он все равно тебе не ответит взаимностью…

– Не думай, что хорошо знаешь его характер…

– Я не хочу знать больше, чем знаю… Зачем?.. У меня нет к нему чувства кровожадности… Живет себе и пусть живет… Ни с кем другим спокойнее не было бы… Меня не волнуют его недостатки… Как и его тайны…

– Но он живет с тобой в одном доме…

– Это его дом… Напоминаю на всякий случай… Здесь еще его бабки с дедами кувыркались…

– Но хозяйка в нем ты…

– Все так относительно…

– Может, тебе с ним поговорить?..

– О чем?..

– Ну хоть о чем…

– Для этого нужно много сил…

– Постарайся… В твоих же интересах…

– Сейчас мне не до него…

– По-моему, он что-то затевает…

– Не фантазируй лишнего…

– Неужели ты не чувствуешь опасности?..

– С чего ты взяла?..

– Присмотрись к нему внимательнее…

– Не знаю, чем он так тебя удивляет?..

– Многим…

– Говори конкретно…

– Вчера, например, уже второй раз за последнее время он ушел из дома небритым…

– Может, сейчас в парламенте это модно… Ничего особенного…

– Дело совсем не в этом… Просто, если серьезный человек вдруг изменяет своей многолетней ежедневной привычке, значит, с ним что-то происходит… Ты разве со мной не согласна?.. Загляни ему в глаза… Они совсем стали недоступными… Он по-другому смотрит… Он по-другому дышит… Мне кажется, что он стал от кого-то прятаться… Даже когда он дома, не всегда к завтраку выходит… Куда делась его аристократическая осанка?.. Или это возраст?.. Он стал реально другим… Почему ты не хочешь этого замечать?..

– Это все твои аргументы?..

– А сколько тебе нужно, чтоб задуматься?..

– У тебя всё?..

– Почти…

– ???

– Сегодня он оставил для чистки пиджак… И вот что я обнаружила у него в кармане для носового платка… На, взгляни… Этикетка от банки рыбных консервов… Не правда ли, странно?..

– …

– Для столь высокой особы…

– Ладно… И этому можно найти объяснение…

– Объяснение можно найти чему угодно… Вот только предчувствие мое…

– Лучше жить без предчувствий…

22

Что есть «Я» действительного депутата парламента? Его душа или его тело? А может быть, некая новая идея-материя? Достойная исключительных, избранных? Более сложная. Более значимая. Более эстетичная. У которой еще не существует конкретного словесного определения. Которую невозможно сформулировать академическими определениями. Что это: сила, форма, состояние? Или же глубоко зарытый банальный предрассудок? Я уже второй год упрямо

вычерчиваю многочисленные треугольники естественно-неестественных вопросов и боюсь давать на них утвердительные ответы. Это – риск. Вдруг ошибусь. Вдруг не угадаю. Вдруг случайно подведет интуиция. Нельзя подрывать собственный авторитет в собственных глазах. ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА НЕ ИМЕЕТ ПРАВА НА ОШИБКУ. Даже если ей и не придавать особого философского значения. Даже если о ней никто не узнает. Точнее, если знать о ней будет один только Бог. Может, именно поэтому пора подумать об ином покровителе депутатских душ? Особомилостивом-особопрощающем-особолюбящем. Кто сказал, что его не существует? Или его нельзя придумать? Ничто не мешает сотворить нового кумира. Может, таков эволюционно-общественный процесс? Кто опровергнет то, что история в своем развитии возвращается к просвещенному язычеству? Когда же такой смельчак вдруг найдется, то можно, не церемонясь, опровергнуть и его. Как депутат, я готов на любое доказательство и опровержение. Даже если оно противоречит чужому здравому смыслу. Нужно только убедиться, что на данном этапе оно мне выгодно. НАЛИЧИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТСКОГО БОГА – ВОТ ЧТО ЕСТЬ ИСТИННАЯ ПРИВИЛЕГИЯ ДЛЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ДЕПУТАТА. Перед всеми грядущими изменениями, которые я планирую в жизни, мне хотелось бы убедиться в независимости своего «Я». По большому счету, совсем неважно, какого оно рода и из чего слеплено. Главное состоит в том, чтобы все мои действия и поступки не являлись результатом чьего-то влияния. Никому не позволю переступать границы моего замкнутого круга. Я должен быть уверен в собственной неприкосновенности. Я должен твердо знать, что, кроме моего выбора, другого выбора нет в природе. Что, кроме моего решения, нет другого решения. Что, кроме моей ответственности, нет другой ответственности. Мой шаг вперед принадлежит одному мне. Как принадлежат мне мои наблюдения и мои победы. И никто не имеет права меня

критиковать. Ни мою действительную душу. Ни мое действительное тело. Ни мое действительное «Я». ИДЕЯ ПРИХОДИТ В ДВИЖЕНИЕ. ИДЕЯ ПОЛУЧАЕТ РАЗВИТИЕ. ИДЕЯ ЖИВЕТ.

23

Условия для толстых папок, особых папочек и просто беспризорных бумаг-бумажонок становятся в нынешнем кабинете все стесненнее. Происходит вынужденное, не всегда вежливое и, к сожалению, хаотичное уплотнение. Все прибывающие коробки с продуктами и шампанским я едва успеваю переносить в «закрытую зону». То есть, в МОЙ НОВЫЙ КАБИНЕТ. Пока задуманная программа осуществляется, в общем-то, по плану. С точки зрения ассортимента запасов, времени и конспирации. С двух до четырех часов ночи в парламенте действует ускоренная чердачная навигация. Тогда как с двух до четырех дня я устраиваю «компенсационный час». На родном рабочем диване. Под усыпляющий шум отдаленного городского движения. Укрывшись монгольским шерстяным пледом. Предварительно отключив осточертевшие телефоны. От всего сердца наплевав на кипучую парламентскую суету. Правда, иногда болят поясница и мышцы рук. Наверное, с непривычки. А может быть, от врожденной нелюбви к физическому труду. Никогда мне еще не приходилось поднимать несметное количество тяжестей. К тому же, в неуклюжих позах и в спешке. Под страхом столкновения с ночной охраной. Но разочарований я в себе не замечаю. Я с детства считал себя азартным человеком. Я – игрок по натуре. Зародившаяся вот уже больше месяца назад интрига раскручивается на хороших скоростях, при моем активном участии. Автоматически раскручивается и мое воображение. ПАРАЛЛЕЛЬ ДВУХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, КОТОРЫЕ НЕИЗБЕЖНО СОЛЬЮТСЯ ВОЕДИНО. На стенах моего кабинета – изменения. Они стали голыми. Совсем белыми. Безымянными. Портреты любимых исторических

деятелей сегодня ночью скопом отправлены по новому месту жительства. ХОЛОДНЫЕ ОБРАЗЫ ВЕЛИКИХ. Перед кем преклоняешься и у кого обнаруживаешь внешнее сходство с собой. Они должны быть всегда рядом. Ведь приходится в чем-то копировать учителей. В этом – еще одно их мощное предназначение. Они наверняка поддержали бы меня в моем предприятии. А значит, и в мыслях. И в надеждах. Я на всем протяжении своего депутатства чувствую их родственное дыхание. Я постоянно чувствую на себе их взгляды. Индивидуализм всегда близок ЕДИНИЦАМ и ненавистен массам. Нет личности, которая не презирала бы общество в целом. Хотя это не мешает громогласно и публично клясться этому обществу в любви. Не мешает перед телекамерой отождествлять себя с именем народа. Не мешает с гордостью записываться в его защитники. Любимые портреты переселились в первую очередь. Они обживают новые стены. Близкие моей памяти мелочи, собранные в отдельной коробке – в ожидании. Осталось предпринять еще несколько усилий, и в ближайшие дни наступит моя очередь.

24

Даже в разгар парламентской неразберихи случаются дни, когда скука и шампанское становятся основными потребителями жизни. Не потому, что нет срочных дел. А вопреки им. Если быть честнее, то назло им. В эти дни все физические и абстрактные величины меняют свой математический знак на противоположный. Конечно, я не перестаю к себе относиться с уважением и любовью. Не покушаюсь на собственный авторитет в собственных глазах. Но начинаю интенсивно и дотошно отыскивать в себе новые противоречия. Нахожу, путаю, теряю. Потом опять отыскиваю. Повторяю и повторяюсь. Я получаю удовольствие от процесса. С точки зрения содержания – вполне интеллектуального. По существу же – абсолютно мазохистского. Это малообъяснимое занятие напоминает разгадывание своего рода ребуса или какой-нибудь иной психоаналитической головоломки. Хотя и

повышенной степени сложности. На мои правила политической игры ни сам процесс, ни любые его результаты влияния не оказывают. Но на всякий случай ни одна из крамольных мыслей никаким формам сохранения или озвучивания не подлежит. Чтоб не стать случайно доступной врагам, завистникам и прочим мерзавцам. Срабатывает инстинкт самосохранения. Тем не менее информация все же имеет право на существование. Даже та, что навеки опечатана грифом «совершенно секретно». Поэтому я позволяю себе изредка прибегать к неопровержимым характеристикам относительно собственной персоны. Человек всю жизнь проводит в поисках истины, а максимум, что удастся ему обнаружить – зеркало. Процесс часто приводит к одному и тому же выводу: я – потенциальный предатель любых идей. Даже тех, что лежат в основе моей программной философии. Мне все-таки хватает мужества признаться себе в том, что я ненавижу все, чем занимаюсь. Ненавижу все, с чем соглашаюсь. Ненавижу все, что провозглашаю. Ненавижу всех, для кого представляю хоть какой-нибудь интерес или пользу. И происходит все это помимо моей воли. Ненависть – мое самое естественное состояние. Тщательно скрытое от всевозможных детекторов. Может, именно поэтому политика стала моей профессией. Будь у меня единомышленники среди депутатов, я пошел бы на все, чтобы их физически уничтожить. Без сомнения. Повод и способ можно найти всегда. Мне не нужна их фальшивая солидарность. Разве можно верить и доверять коллегам по работе? Я бы не потерпел замаскированного соперничества. Никогда. Я – главный враг депутатско-парламентского лицемерия. О, если бы можно было весь этот мир в одно мгновение взорвать! Ради осуществления столь благородной цели можно и себя не пожалеть. В каждом ПРОЦЕССЕ подразумевается некий логический финал. Я – главное действующее лицо ПРОЦЕССА. Мне, а не кому-то другому, предстоит поставить в нем точку. Ввиду недостатка идеализма в моих

философствованиях я часто обращаюсь к Гегелю. ВСЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ – РАЗУМНО. ВСЕ РАЗУМНОЕ – ДЕЙСТВИТЕЛЬНО. Какое же счастье, что никто не способен мне возразить. ПОСТОРОННИМ ВХОД В ПРОЦЕСС ВОСПРЕЩЕН. Как я люблю шампанское! Особенно, когда оно пьется в охотку. Особенно, когда ощущаешь его единственным источником энергии. Моя щедрость по отношению к себе – безгранична. Мой вкус – безупречен.

25

– К сожалению, в последнее время вы пренебрегаете охраной…

– Мне больше нравится пользоваться гримом…

– Но грим не спасет вас от нападения или насилия… Пусть даже случайного…

– Я же вооружен…

– Вы нарушаете инструкцию по безопасности… Я не имею права оставлять вас одного…

– Все – под мою ответственность…

– Но я обязан доложить об этом своему начальству…

– Никаких докладов… Начальник у вас один… Я…

– Но….

– Какие еще «но»?.. Никто не должен знать о моем отъезде… Я исчезаю всего на неделю-другую… По моим частным делам… Ну разве я не имею права на личную тайну?..

– А ваша жена в курсе?..

– Для нее существует своя версия…

– Она наверняка устроит мне допрос…

– Вы, как всегда, ничего не знаете…

– Здесь нужна особая оборона…

– Чтобы не фантазировать лишнего, с завтрашнего дня вы – в двухнедельном отпуске…

– Но…

– Поезжайте в любую точку, где сейчас тепло… Я все оплачиваю…

– Если кто-нибудь узнает, наверняка мне это будет стоить работы…

– Вы сомневаетесь в моих способностях держать язык за зубами?..

– Ха-ха-ха-ха…

– В конце концов, мы имеем право отдохнуть друг от друга… Слишком часто общаться – тоже вредно… Даже нам – братьям по духу…

– Да… Вы, как всегда, правы…

– Машину поставьте в гараж… Но только не забудьте гараж запереть… Чтобы машина случайно не попалась кому-то на глаза… Не люблю лишних разговоров… Вам знакома всеядность моих коллег… А уж как они любят разносить слухи…

– Будет сделано…

– А сегодня вечером загляните ко мне в кабинет на бокал шампанского…

– С удовольствием… Но…

– Опять «но»?..

– Вы помните, чем закончилась наша предыдущая встреча?..

– Все было замечательно… Иначе мне бы не пришло в голову сегодня ее продолжить… У меня избирательная память… Я ведь помню только хорошее… Ваша улыбка, кажется, подтверждает мои слова…

– …

– Жду вас к восьми...

– Сдаюсь без сопротивления…

– Ну зачем так?.. Совсем без сопротивления – это уж совсем неинтересно… Ха-ха-ха-ха…

– Договорились…

– Если будет звонить Эльза, все как обычно…

26

Нет. Чердачный город не встречал меня ни плакатно-праздничной мимикой, ни воскресшими из многолетней пыли искусственными цветами. Наоборот. Всем своим громадно-

мрачным существом он в прямом смысле слова рухнул в мои объятия. Не издав ни одного приветствия. В отсутствии бодрого оркестрового туша. Буквально по чьей-то команде сверху. Сразу же, как только с крутого лестничного порога окончательно исчез последний блик парламентского освещения. И я ощутил мой новый город каждой клеткой моего возбужденного депутатского тела. Я чувствовал, как он полностью отдается в мое суровое распоряжение. Без внутреннего страха и пренебрежения. Без стеснения. Без боязни совершить роковую ошибку. НА МИЛОСТЬ НОВОЯВЛЕННОГО ПОБЕДИТЕЛЯ. Я понимал, как он истосковался по искренней нежности. Я понимал, что он давно забыл твердость заботливых рук настоящего хозяина. Я понимал, что ЧАС ПРОБИЛ. Его и мой одновременно. Сейчас у меня не было сомнений относительно моего предназначения. Сейчас я верил в свою правоту: мое место точно здесь. ПРИШЛО ВРЕМЯ ИСПРАВЛЯТЬ ОШИБКИ ИСТОРИИ. НАСТУПИЛА ПОРА МОЕЙ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. МОИ ОШИБКИ БУДУТ ИСПРАВЛЯТЬ УЖЕ ДРУГИЕ. С факелом из четырех горящих свечей я быстро нашел свой новый кабинет. Будто все эти коридорные закоулки были мне знакомы. Будто мне приходилось здесь бывать не раз. Будто я торопился на важное свидание. Я шумно захлопнул за собой дверь. Громко заявив миру о том, кто пришел. Мне захотелось во все горло крикнуть… и я, не задумываясь, крикнул. Чтобы придать себе уверенности, а своему появлению дополнительной значимости. Мое место теперь здесь. Теперь я буду поощрять вниманием не только собственную персону, но и все окружающие меня предметы – свидетелей великих событий. Всех без исключения. До мелочей. Мне предстоит создать новый Иерархический порядок. Которому должно подчиниться как прошлое, так и будущее. Плюс определить в нем свое законное место. По этому поводу у меня много мыслей. И с этого мгновения начнется их воплощение.

Сегодня – премьера моего перевоплощения. Сегодня мне суждено стать живой частью истории. Сегодня я заставлю стрелку часов повернуть вспять. Мне это отныне под силу. С сегодняшнего дня и навсегда. Разве кто-нибудь сможет мне возразить? Это не предусмотрено ни сценарием, ни реальностью, ни моей фантазией. Ха-ха-ха-ха. Я – готов. МЕНЯЮ СРОЧНО ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЭГОИЗМ НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ ИСТОРИЮ. Я так хочу.

27

Радио ведет репортаж с финального матча чемпионата мира по футболу. Матча, который состоялся много лет назад. Того самого матча, когда команда моей страны с триумфом впервые стала чемпионом. Этот подарок самой высокой пробы был дорог для миллионов патриотов. С другой стороны – это была размашистая пощечина всем враждебным политикам и жалким народам. Всем нашим замаскированным и откровенным противникам. Вопреки активному вселенскому злу, моя страна опять стояла на верхней ступени пьедестала. Ей опять аплодировал весь побежденный мир. Да, стиснув зубы. Да, вынужденно. Со стилизованной под приветствие ненавистью. Но тем выше была цена этим аплодисментам. ПРЯМАЯ СВЯЗЬ С ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ПОБЕДАМИ СТАНОВИТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ. За всю свою жизнь я так и не разобрался, что такое спорт. Я в нем ничего не понимаю. И в футболе, в частности. Но вырывающийся из горячего приемника голос комментатора! Постоянно мечущийся от безнадежности к приступам восторга, от отчаяния к гордости, захлебывающийся в переживаниях, угрюмый, молящий и счастливый попеременно. Он будоражит мои воспоминания. Он заставляет меня глубоко вздыхать. До того памятного дня я никогда не видел на улицах такого огромного количества национальных флагов. Не знал, что в национальном гимне присутствуют еще и слова. Что его нужно петь обязательно стоя. Что существуют ГИМН НОВЫЙ и ГИМН СТАРЫЙ. Что старый знают наизусть все, а измененный – лишь единицы. В

тот вечер я тоже почувствовал вкус своих слез. Как и большинство моих соотечественников. Независимо от происхождения и солидности внешнего вида. Да, это был грандиозный праздник. Принадлежавший всему народу. Первый после стольких лет поражений. Мне было тогда одиннадцать лет. Но я осознанно понимал, почему плачу. И почему плачут другие люди. Почему у каждого из них в руках был носовой платок. Я помню ту поездку на отцовской открытой машине до самого центра города. Помню смех и крепкие объятия моего отца, которыми он одаривал случайных прохожих. Помню его торжественную осанку за шумным полночным ужином. Ордена на отглаженном мундире. Популярные военные марши на всю мощность граммофона. Помню каждую минуту той незабываемой ночи. А потом было жуткое продолжение, наполненное удушливым запахом крепко заваренных лекарственных трав. Под утро отца увезла «скорая помощь». Врачи сразу констатировали инфаркт. И по моим еще горячим щекам, едва высохшим от недавних слез радости, текли уже слезы горя. ПОМНИТЬ ДО КОНЦА – МОЯ ГЛАВНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ПЕРЕД РОДИНОЙ И САМИМ СОБОЙ. Я внимательно слушал радио. Зная, что сейчас, кроме меня, его не слышал никто и мире. Я слушал победный репортаж, который передавался специально для меня. И в данную минуту не было разницы между единственным слушателем и непосредственным свидетелем тех далеких событий. Время стояло за моей спиной с ножом. Время отняло у меня мир окружающий, ПОДАРИВ ВЗАМЕН МИР ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ.

28

Моряком я себя не представлял никогда. И никогда не мечтал им стать. Даже в пору буйной подростковой фантазии. Это занятие, которое все почему-то называют профессией, всегда вызывало у меня пренебрежение и недоверие. Не знаю, уместно ли вообще использование такого определения, как «профессия». Скорее, наверное, можно вести речь о

специфическом сообществе. Может быть, о первобытном мужском братстве. Или о клане. Или о секте. Да, именно! Массовая секта, объединяющая людей с особым образом жизни. И с особым к жизни отношением. Моряк всегда рвется в самые отдаленные просторы мирового океана. Его полная тайн душа, как ничья другая, зависит от невидимых сил и явлений природы. Он не может быть истинным христианином. Точнее, он числится им только на суше. Как формально числятся за ним его семья и его домашние привязанности. А выйдя в море, неисправимый странник поклоняется своим языческим идолам. Такова суть его двуликой веры. Таково естественное разделение его существования. Между сушей и морем моряк всегда выберет море. Между Богом и Штилем всегда предпочтет последнего. Меня ничто не связывает с этим фальшивым до романтичности образом. Не возникает даже ассоциаций. Ни положительных, ни по-настоящему отрицательных эмоций. Именно поэтому я всякий раз прихожу в замешательство от регулярно посещающих меня морских снов. На протяжении всей моей памяти не проходит и двух-трех месяцев, чтобы я хоть раз не превратился в ночного художника-мариниста. ПО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ ПРИНУЖДЕНИЮ. Безбрежное тихое море. Стоящий на рейде гигантский корабль. Команда мирно ползающих по нему в одинаковой форме муравьев-фанатиков. Вдруг неожиданный взрыв. Через несколько минут сквозь клубы дыма на том же месте вновь зияют фиолетовые просторы. И дальше уже ничто не может поспорить с величием немого кино. ПЕЙЗАЖ ПО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ ПРИНУЖДЕНИЮ. Картина, вряд ли достойная даже минимального художественного внимания. Однако ничто не может изменить лично мою сложившуюся традицию. Периодически море бросает мне вызов. Будто я перед ним должник. Может быть, кто-нибудь из моих древних прародителей был моряком? Может быть, это его характер прорывается во мне по наследству? Во всяком случае, после

каждого подобного сновидения я обычно задаю себе один-единственный вопрос: «При чем здесь я?» А может быть, все сложнее?.. Может быть, просто я не способен разгадать символы, ниспосланные мне сверху? Может быть, в них заложена исключительно важная для меня информация? А что если в этом сне закодирована вся моя жизнь? Во время следующего сеанса нужно быть внимательнее. Я обязан его понять. Наверняка особую роль играют детали. Море же и моряки – лишь наполнители сказочного сюжета. ПЕРВЫЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СОН ПАРЛАМЕТАРИЯ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ОБСТАНОВКЕ.

29

Мой любимый кабинетный плед оказался кстати. По ночам я сиротливо скручиваюсь в клубок под его теплой шерстью, потому что в отдельные часы бывает довольно холодно. Наверное, сказывается близость крыши, хотя сырости не чувствуется. Правда, есть шампанское. Моя любимая марка. Мой любимый сорт. В нужном, то есть достаточном количестве. Хотя оно способно согревать скорее воображение, чем расслабленные конечности. Я – в квадрате из восьми свечей, который под моим строгим наблюдением горит беспрерывно. Я быстро научился поддерживать в доме огонь. Благодаря чему температура помещения поднялась выше на один-два градуса. Светло. Я быстро научился спать при свете. Но тепла все равно не хватает. Временами по телу пробегает дрожь. Даже когда я перебираюсь с дивана за письменный стол, плед приходится тащить за собой. Я заматываюсь в него, как в халат, подвязываясь хозяйственной веревкой от одной из принесенных коробок. Со стороны мой внешний вид больше похож на страдающего старческим ревматизмом музейного сторожа, чем на управляющего ИСТОРИЕЙ парламентария. Однако я полон внутреннего оптимизма. Я ПОЛОН ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ОПТИМИЗМА. Ничто не мешает мне последовательно вникать в суть когда-то происходивших событий и сопоставлять их с временем нынешним. Давать

оценки. Изменять оценки. Лишать оценок. Я имею на это право. Мне дано это право самой историей. Именно потому я здесь. Предо мной – бумаги. Кипа никем не востребованных до сих пор документов. Предо мной – свидетельства. Явно давно стремившиеся попасть в ответственные руки потомков. Я внимательно изучаю страницу за страницей. Моя ручка размашисто и жирно пишет свежими чернилами. Очередная правка или зачеркивание вносят ясность в мировую летопись. НЕ СУЩЕСТВУЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ БЕЗ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ РЕВИЗИИ. Как не существует на земле абстрактного патриотизма, не подкрепленного верой и практикой конкретных патриотов. Я одинаково беспощаден и к любой войне, и к миру. Я – против мира, который приводит к войнам. Но я – за войны, которые совершенствуют мир. Войны ужасны не сами по себе, а своими поражениями. О, если б можно было перевоевать все проигранные сражения! Тогда не приходилось бы путаться в географической карте. Тогда не нужно было бы переписывать ИСТОРИЮ. Тогда можно было бы не бояться за будущее своей страны. Тогда весь мир был бы ОДНОЙ МОЕЙ СТРАНОЙ. Тогда бы не были настолько многочисленны остальные народы. И было бы меньше врагов вокруг. И не было бы подпольно-потенциальных врагов внутри. И не было бы других мыслей, кроме как о гармонии ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО мира. Я уверен на все сто, МОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ СОВПАДАЕТ С ПОЛИТИЧЕСКИМ БУДУЩИМ СТРАНЫ. Осталось-то лишь совместить наше прошлое. Для этого я не пожалею ни чернил, ни жизни.

30

В одном из ящиков письменного стола я обнаруживаю подшивку старых газет. На выцветших от длительного невостребования страницах – портреты моих любимых ИСТОРИЧЕСКИХ деятелей. Будто специально для меня собранных воедино из разных эпох. Знакомые лица из номера в номер. В многочисленных вариантах. В быту и в бою. Теперь я

могу не только видеть их на своих стенах, но и полемизировать с их великими идеями – великими мыслями – великими поступками. С каким желанием я ответил бы сейчас на вопросы любого журналиста того времени. Не только цитатами из речей моих любимых кумиров. Я бы продемонстрировал, как их бессмертное ИСТОРИЧЕСКОЕ завещание воплощается их преданно-верными последователями. «Сильная власть – это форма существования и нашего государства. Для того чтобы она не наделала роковых ошибок, нужно как можно быстрее подчинять ее себе. Если же конкретные неудачи – факт свершившийся, просто необходимо набираться мужества их исправлять. Не нужно бояться временных поражений. Нужно научиться превращать их в победы. Чем больше мы верим в собственные силы, тем больше народ верит в нас». «Что касается нашей национальной политики, то ни о каких уступках не может быть и речи. Представители других национальностей не могут претендовать на права наших полноценных граждан. Напротив, мы должны ужесточить государственные позиции по отношению к другим народам. Мирное сосуществование с ними возможно лишь на наших условиях. Такова историческая традиция. Такова современная реальность». «Мы должны учиться на примерах героического прошлого наших предков. Разве само существование великого государства не есть свидетельство природной гениальности нашего народа, его бесстрашия в борьбе с вражескими ордами, его неистощимого духовного богатства, неиссякаемого здорового эгоизма? Мы – наследники всех этих качеств, которые ко многому обязывают». «Чем малочисленнее будет наш парламент, тем больше пользы он принесет стране. В наших нынешних депутатах слишком много объективной глупости и личной корысти. Почти все они недостойны представлять интересы народа. На самом деле проблемы государства им глубоко чужды. Многие из них заслужили справедливую кару». «Поссорить меня с историей невозможно. Потому что историю нельзя обмануть. Бессмысленная затея. Ее

можно попытаться ввести в заблуждение. Временно. Да. Что и делают мои многочисленные коллеги. Делают умышленно и до сих пор безнаказанно. Но существуют личности, способные им жестоко противостоять. Только избранные способны восстановить историческую правду. Только избранным это позволено. Если вы не понимаете, о чем идет речь, вернитесь к сему вопросу через несколько десятилетий». Я, кажется, уже не соображал, где я цитировал речи великих дословно, а где в редакции по своему личному усмотрению. Впрочем, это не имело никакого значения. Сейчас все сказанные слова принадлежали одному мне. Как принадлежала мне ИСТОРИЯ, сотворенная моими ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ КУМИРАМИ. Как принадлежал мне навечно их ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ.

31

– А когда вы его видели в последний раз?..

– Накануне его отъезда… Вечером…

– В его поведении не было ничего странного?..

– Мне не показалось…

– Он был один?.

– Да… У себя в кабинете…

– Но в ту ночь дома он так и не появился…

– Мы с ним сидели допоздна…

– Он, наверное, был пьян…

– Нет… Но настроение было хорошее…

– Мне кажется, вы что-то от меня скрываете… И не в первый раз, хочу заметить…

– Вы не правы… Я волнуюсь не меньше вас…

– Уже идет третья неделя со дня его исчезновения… И от него никакого известия… Никто из его коллег тоже ничего не знает… Вы были последним, кто его видел… Неужели он вам не сказал, куда уезжает?.. Он ведь всегда отзывался о вас с особой теплотой… Вы же знаете, у него друзей не было…

– Конкретно о поездке он мне не говорил вообще… Странно, что он ничего не сказал и вам… Обычно жен ставят в

известность… Может быть, это какой-нибудь каприз… Чтобы поволновались близкие… Такое даже в благополучных семьях случается…

– Не знаю… Чемодан, с которым он путешествует, дома…

– …

– Одежда… Белье… Одеколоны… Все не тронуто… Все на месте…

– …

– Такое впечатление, будто он испарился…

– Он только сказал, что уезжает на пару недель… Но может, и задержится…

– Если бы поездка была служебной, хоть кто-нибудь в парламенте знал бы об этом… Есть ведь служба, которая занимается командировками…

– …

– А почему он отказался от вашего сопровождения?..

– В категорической форме… Наверное, не хотел, чтоб ему мешали…

– Это же опасно…

– Для него это не аргумент…

– Вам надо было настоять…

– Вы же знаете, переубедить его невозможно… Я для него не авторитет…

– Когда он на трибуне – невозможно… А в жизни хитростью его взять можно…

– …

– Если с ним что произойдет, виноватым в первую очередь будете вы…

– Будем надеяться на лучшее…

– «Надеяться» я собираюсь не более двух дней… А потом буду звонить в полицию…

– Да, другого выхода уже не будет…

– Вспомните… Может, вы все же упустили какие-то детали из последнего разговора с ним?.. Может, тогда не придали им

просто должного значения?.. Загадки моего мужа иногда приходится долго разгадывать… И вам тоже это известно…

– Сейчас мне в голову ничего не приходит…

– Он никогда не делился с вами секретами из личной жизни?..

– Этих тем мы старались избегать…

– А у вас есть ключ от его кабинета?..

– Нет…

– Почему вы при этом покраснели?..

– …

– Может, вы все-таки постараетесь вспомнить хоть что-нибудь… Чтобы прояснить ситуацию…

– Вы переоцениваете мои возможности…

– Думаете?..

– Я не могу «вспомнить» ничего, что ускорило бы его возвращение…

32

Шампанское морем не разливается, но бокал надолго безучастным не остается. За ответственной, кропотливой работой наступает пора расслабления. По программе уже имеющегося опыта и вкуса. Иногда между письменным столом и диваном нужно соблюдать дистанцию. Нужно периодически выходить из активной игры. SPONTE SUA, SINE LEGE. Нужно отключать сознание на подзарядку и менять фокус зрения. Я решаю ненадолго возвратиться назад в реальную плоскость. Чтобы посмотреть на себя не глазами национального героя и депутата, а взглядом обыкновенного обывателя. На дерзком фоне чердачно-водевильной обстановки. Насколько я вписываюсь в законсервированный временем интерьер. Первым на мою инициативу откликается его величество огонь. Застыв, я наблюдаю за огрызающимися язычками свечей и вижу в каждом их подергивании знак символического братского приветствия. Я надеюсь, что мое лицо так же озарено светом, как и лица любимых исторических деятелей

на стенах. Мне кажется, что эти лица улыбаются. Как и мое. Мне хорошо. Во мне появляется уверенность, что хорошо всем вокруг. Наверное, в этом есть и моя заслуга. Плюс принесенное из предыдущего мира шампанское. Уж его-то хватит на всех. Оно и в ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ МИРЕ способно любому sapiens поднять настроение. И готово любую атмосферу всегда превратить в праздник. Правда, к сожалению, шампанское не греет физически, но от холода отвлекает. Я пытаюсь привести в движение свое тело. Я начинаю в удовольствие жонглировать не только бокалом и пустыми бутылками, но и мыслями, жестами, междометиями. Я – на цирковой арене. Я – в центре. Мне сейчас подвластен любой фокус. ИЛЛЮЗИОНИЗМ КАК ФОРМА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ. Все уместные и даже неожиданные тосты выстраиваются в длинную очередь. Точнее, это лишь вариации на тему тостов. Потому что я не пью за здоровье, счастье и успехи конкретных людей. Никого из тех, о ком я думаю, уже давно нет в живых. Я отрываюсь от банальных схем. Я просто фантазирую. Например, вот что было бы сейчас со мной и моим народом, если бы этим людям довелось дожить до наших дней? Кто-то из заклятых врагов много лет вводил меня в заблуждение, будто для истории не существует сослагательного наклонения. Это же чушь!!! На сегодняшний день существует! Еще как существует! И сослагательное! И повелительное тоже! Я ПЬЮ ЗА СВОИ ФАНТАЗИИ. Я ПЬЮ ЗА УВЕРЕННОСТЬ В СВОИХ ФАНТАЗИЯХ. Я ПЬЮ ЗА ЖЕЛАНИЕ СДЕЛАТЬ СВОИ ФАНТАЗИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ. Ничто не мешает моему раскрепостившемуся волеизъявлению. Мне дана полная свобода. Которую при этом никто не собирается у меня отнимать. Потому что только для меня она еще представляет некую ценность. Даже опрокинутый бокал и промокший плед не могут сдержать моей напористой веселости. Да, шампанское морем не разливается. Однако если вдруг все же разольется – конечно, море будет мне по колено.

33

То ли по случайной небрежности, то ли из-за моей пьяной неуклюжести с письменного стола падает свеча. Рефлективная попытка ее на лету поймать заканчивается неудачно. Пока я заторможено соображаю, почему это произошло, несколько злых языков пламени разъяренно впиваются в разбросанные повсюду бумаги. Я реагирую стоически, без паники. Запасов шампанского достаточно, чтобы погасить любой пожар. Гораздо сложнее побороть истеричный внутренний смех, который, словно паралич, сковывает все мои попытки к действию. Я не знаю, за что хвататься в первую очередь. Я впервые попадаю в столь экстремальную ситуацию. Я понятия не имею об азах гражданской обороны. Надо ли звать кого-то на помощь? Или лучше обойтись без засланных врагов-свидетелей? Призывы к самодисциплине тоже ни к чему не приводят. Смех держит в плотном кольце все мои мысли. С трудом удается открыть несколько пузатых бутылок. Но огонь распространяется гораздо быстрее, чем высокосортная противопожарная пена разливается по полу. Для боевой и психологической поддержки я на полную мощность врубаю радиоприемник. Страстное выступление одного из моих любимых исторических деятелей призывает на борьбу с противником. Хотя сейчас у меня противник один – огонь. А главным орудием тушения становится плед. Мозг все-таки заставляет шевелиться. Я начинаю размахивать руками изо всех сил. Огонь лишь делает вид, что отступает под моим напором. На заднем плане он разгорается с еще большим азартом. Потом… появляется со всех сторон одновременно. И что самое неприятное – сзади. Приходится воевать уже по круговому периметру. Через считаные минуты плед превращается в жалкую обгоревшую тряпку. Открывать бутылки с шампанским быстрее не хватает ловкости. Я просто разбиваю их одну о другую. Хотя из-за густого дыма портреты на стенах становятся почти невидимыми, я все равно не чувствую приближения реальной опасности. Я почему-то не боюсь оказаться в ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ. В какой-то из

моментов замолкает и радио. Даже треск вовсю разгоревшейся мебели не может окончательно перебить внутренний смех. Я ничуть не испытываю страха. Мне все еще кажется глупым и смешным. Мне не верится, что все это происходит со мной. Неужели вот так и выглядит расставание с жизнью? Неужели все вот так по-идиотски заканчивается? Других вопросов у меня не возникает. Они теряют всякий смысл. Бурно разлетающиеся искры щедро посыпают голову. Я закрываю лицо ладонями. Но жест – сугубо театрален. Что это? Мольба? Последняя надежда? Или пренебрежение к абсурду? Огонь уже не пытается испугать. Он цепко хватает меня за колени, а потом… медленно ползет вверх. Будто приближает свои объятия к моим. Будто одаривает последней страстью. Я чувствую, как на мне загорается одежда. Однако боли не испытываю. Наверное, это только сон. Я чувствую, что еще твердо стою на ногах. Потом… первыми опускаются руки. Потом… кто-то нежно завязывает мне полотенцем глаза. Потом… чей-то голос шепчет мне на ухо давно забытую детскую считалку. Потом… меня начинает лихо кружить. Потом… без напутствий и сожаления отпускает в ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СВОБОДНЫЙ ПОЛЕТ.

34

Несмотря на раннее утро и прохладную погоду, толпа любопытных с увлеченностью следила за чрезвычайным происшествием. Не так часто случается стать свидетелем подобного зрелища. Клубы траурного дыма вырывались из большинства окон верхних этажей здания парламента. Сырой воздух наполнялся кисловатым запахом гари. На фоне яркого неба и открытого солнца картина выглядела особенно зловещей. В тишине застывшего без движения центра города почему-то не было слышно ни пожарных сирен, ни сигналов тревоги. Толпа волновалась. Ворчала. Негодовала. В сосредоточенных умах граждан вызревало подозрение, что диверсия тщательно спланирована. Кем? Конечно, врагами. «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ НЕ ДРЕМЛЕТ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ ПО-ПРЕЖНЕМУ НАМ УГРОЖАЕТ. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ В ПОИСКАХ ПРОВОКАЦИЙ». Толпа, как известно, не права не бывает. Мало ли замаскированных врагов желают зла нашему народу? Во времена точных наук и производств, надо же, не сработала простейшая противопожарная сигнализация? Почему до сих пор нет спасательной техники? Да, бывают случайности. Бывает стечение случайностей. Однако когда их накапливается много, то они перестают быть таковыми. Голоса в толпе склонялись к самой страшной версии: поджог. Конечно, четко организованный поджог. И выходной день выбран для этого специально. Других версий у толпы не было. Толпе хотелось иметь свое мнение. И она его утвердила. У любопытных людей есть одна общая черта характера – проявлять любопытство до победного конца. Для зрителя любой финал окажется выигрышным. Либо сегодня он станет СВИДЕТЕЛЕМ уничтожения символа нации. Либо увидит героическую неразбериху явно опаздывающих пожарных. Сам огонь и конкретные предметы горения не волновали никого. Как никто не вспомнил ни о потенциальных жертвах, ни о самих депутатах. Интерес представляли лишь причины, следствия и последствия. Кто будет объявлен виновным? Будет ли политический кризис? Придется ли каждому из толпы в который уже раз вспомнить о чувстве гордости за право избирать и право быть избранным? Когда вдруг донеслись первые звуки далеких сирен, пожар был уже в самом разгаре. Огонь настойчиво спускался на нижние этажи здании. Парламент продолжал образцово гореть. Основные события только разворачивались. И можно не сомневаться, что сей инцидент в итоге будет запечатлен на одной из скромных страниц ИСТОРИИ. Но ван дер Люббе не будет к нему иметь никакого отношения.

Часть 4

Запах мужского одеколона

Не стоит оплакивать толпу, в ее рядах врагов всегда не меньше, чем героев.

Ложь не есть поступок. Ложь есть движение мысли.

Только ненависть к человеку может породить иллюзию собственного бессмертия.

Расплачиваясь за чужой прогноз.

Из всех редко встречающихся в природе шалостей эта забавляла

меня чаще других.

Разница между откровением и злоупотреблением равна нулю.

Если глухой слушает музыку, это не значит, что для других она тоже звучит.

Берлин – город! Никакие самые откровенные жесты и выразительная мимика не в состоянии передать всей значимости сего извечно торжественного восклицания. Никакие самые глубокие исторические умозаключения и пространные философско-академические выкладки не могут провести достойной симптоматической аналогии. Никаким самым изощренным и вызывающим эмоциям не перепрыгнуть через нерушимую зубчатую стену этого величественного бытия. *Берлин – город!* Чувствительное человеческое тело и его не менее чувствительное сознание бессильны перед навеки застывшей ритуально-каменной стихией, бессильны перед *бесконечностью* в миниатюре. И тебе, смертному из смертных, грешному из грешных, не остается ничего, кроме как публично испепелить свой потрепанный странствиями, без герба, флаг, демонстративно выпрямиться в полный рост, закрыть под очками от страха глаза, и, воодушевляясь всякими сомнительными почестями, сдаться на милость в его магический плен. *Берлин – город!* Манерно снимая перед ним фетровую шляпу и прилипшие к тонким пальцам перчатки, молча, вслепую, но аккуратно, чтобы не зацепить его белый порог, ты переступаешь черту и оказываешься в непредсказуемом авангардистском круге. *Берлин – город!* Ты без особых раздумий решаешься на этот переход – из состояния личной невесомости в мир конструктивного постреализма. Вышитый сверкающими серебряными нитями бордово-бархатный занавес плавно поднимается над музейно-заповедной недвижимостью. Часть города превращается в

декорацию. В замедленном темпе звучат из настежь открытых окон приглушенные радиомарши. Сами по себе. А может быть, и для тебя. А может быть, в честь тебя? Конечно же, в честь тебя! Ты и город смотрите друг на друга не без удивления. Но это – обмен вполне сдержанными взглядами. Условный обмен условными ожиданиями. Без рукопожатий и всех прочих официальных приветствий. Без протокола. Без цензуры. Занавес поднимается плавно. Город серьезно вживается в предлагаемые обстоятельства. И ты – с ним. Наступает заколдованное единство места, времени и действия – при полном отсутствии противодействия. Провокационная, но осмысленная реакция мозга: на сцене. *Играть!* И ты играешь, стоишь по стойке «вольно», задрав голову вверх, склеив губы. Не веришь, не верится. Вытягиваешь вперед руки, театрально нарочито перебираешь пальцами, будто натыкаешься в темноте на стену, будто ищешь входную дверь. Будто ищешь и находишь. Будто – в Берлине. Да, ты – в Берлине. Чистый, не принесший с собой следов столь быстро забытого ортодоксального прошлого. Будто в целости упавший с подвешенного пасмурного неба. Будто в сохранности вырытый из натвердо затоптанной могилы. Так оживают самоубийцы. Не имеющие права на воскрешение. Неожиданно для себя. Так снимают брачный саван с отреставрированных до девственности статуй. Так оживляют. Церемонно и без слов. От восторга ты что есть силы закусываешь толстый слой склеенных губ. Жадно прокусываешь говяжье-вишневую мякоть. Наслаждаясь, пытаешься себе улыбнуться. И сквозь боль, сквозь свой новый образ шизофренично улыбаешься. Как на увеличенной рекламной фотографии. Ты – правда в Берлине. Тебе хочется страсти. Тебе хочется экстренного огня. Хочется еще неведомых экстренных доказательств. Доказательств своей свободы. Со всего размаха хочется вылить на себя ведро бензина. Облиться с головы до ног. И с улыбкой ловко щелкнуть зажигалкой. Но сегодня – огонь неуместен. Сегодня – не его день. Сегодня – твой день. Ты ощущаешь

терпкую смесь соли и пережженного сахара. Примитивное ненасильственное кровопускание стимулирует дополнительный рост эритроцитов. Волна живительного обновления растекается по туго затянутым лимфатическим узлам. Да, сегодня – твой день. Хочется экстренной страсти. Хочется нечаянно-экстренного огня. Об асфальт не разбивается вдруг выпавшее из рук что-то, похожее на ампулу. И безобидной шалостью отскакивает на несколько метров в сторону: не моё. Кажется, никто ничего не заметил. В противоположном направлении, мимо экстравагантно высаженных клумб, в стриженую траву летит что-то напоминающее медицинский шприц. И тут никто ничего не заметил. В венах медленно (прямо пропорционально расширению зрачков и поднятию занавеса) рассасывается положенная доза отрезвления. Ты заново рождаешься. В который раз. В который уже раз рождаешься оптимистом. *Приблизительно оптимистом.* По своей собственной воле. Вопреки собственной воле. Мир проникает в твое всем доступное «я». Ты пытаешься проникнуть в недоступный, еще неизвестный тебе мир. Но нужно ли для этого от кого-то разрешение? Даже не задумавшись над собственным вопросом, ты стучишься в дверь. Ты собираешься заглянуть в замочную скважину. Нагибаешься. За тобой никто не наблюдает. У кого могут быть ключи? Откроют ли? Последует ли приглашение? Где ты сейчас? Внутри или снаружи? А может быть, где-нибудь посередине? Тяжелый занавес уже высоко над твоей головой. И поднимается все выше и выше. Ты еще раз убеждаешься, что ты на сцене. *Играть!* И ты играешь, стоишь, по стойке «вольно», задрав голову вверх, слюной подклеив израненные губы, не требуя от себя никаких усилий. Не голый – как голый. Нелепый и трогательный. Лишенный последних остатков скудного чувства юмора. К сожалению, твое тело находится далеко от городского центра, оно изолировано собственным сознанием и пока мирно существует на размалеванной всеми ядовитыми красками столичной окраине.

Но все-таки уже в новой питательной среде, полной монотонных возвышенных идей и стилизованных под боевые подвиги благородных деяний. Поэтому первые движения – сама осторожность. По-спортивному тщательно разминая шейные позвонки, движется только голова. Очерченный полукруг бокового зрения не определяет твоего морально-юридического статуса: тебя никто не замечает. Ощущение изысканно-милой бесприютности. Оттого необходимо срочно что-то предпринять, дабы стать своим в несвоем окружении. Необходимо окунуться в безупречный мифологический уклад, отшлифованный традиционно-нетрадиционными, идеально-лживыми нормами международного права. Без выдвижения предварительных условий. Без накопления предварительных опасений. Устаревшие законы наспех отменяются. Любые претензии к авторитетным законам исключаются. Новая конституция не рассуждает. Новая конституция решает. *Новая конституция провозглашает.* Шляпу и перчатки теперь позволено смело выбрасывать. На ближайшую, за первым же углом, мусорную свалку. Вульгарно-презрительным жестом. Без предварительного следствия и решений суда. Не сожалея о том, что на вид они выглядят новыми. Не сожалея о том, что на вид они выглядят модными. Чтобы сразу освободить руки. Чтобы не пугать вопросительно-восклицательным манерами разжиревших от почтенности городских командиров и до бесстыдства желающих погреться у чужого тела гостей. *Свобода* – не свобода, если ее нельзя измерить степенью вседозволенной активности. *Совесть* – не совесть, если она вдруг не чувствует вследствие этой непредсказуемой активности конкретных угрызений. Тебя, конечно, еще никто ни в чем не подозревает. А значит, не осуждает, не ненавидит и не боится. Тебя не имеют в виду, потому что тебя не существовало и не существует. Хотя ты вроде и есть, тебя попросту нет. Ни для кого, в том числе и для самого себя. Хотя ты и есть, твоя принадлежность пока никем не определена. Только глуховатые бодрые марши пытаются заняться особым

прочтением (озвучиванием) сценария и скрупулезным распределением ролей. Чтобы сделать тебя своим покорным слушателем. Или, может, покорным зрителем. Или покорным соучастником. Даже не спросив тебя. Ни на грамм не вникнув в степень этой покорности. Однако ты не сопротивляешься и доверчиво прислушиваешься к давящему ритму, примеряя к нему свой будущий укороченный шаг. Что соответствует твоей воображаемой действительности. Впрочем, это – лишь робкий шаг на месте, а вокруг – сплошные неясности и подозрения. Все сплетено в кривой венок ожиданий и вопросов. Кто ответит? Ответит на них непостижимое в своих дерзостных мотивах время? На чью сторону оно встанет? Или займет выжидательную позицию? Можно ли на него положиться?.. Свойственно ли ему чувство патриотизма? Если вдуматься, что важнее – патриотизм места или патриотизм действия? Выскажется ли время о своих предпочтениях вслух?.. Признается ли в тайнах?.. Тронется ли оно вообще с места?.. Можно наставить еще много вопросительных значков и знаков… Однако нет ответов внутри звучания. Как и нет их внутри действия. Конечно, с места оно непременно тронется. Перемещая пунктиры на географической карте. Лихо перепрыгивая с одной пространственной поверхности на другую. По-кошачьи. Не без хитрости. Но вот чем все закончится в финале – неясно. *Время может наобещать что угодно.* Сквозь трещины асфальта начинает просачиваться рвано кипящий туман, затягивая в аккуратно скрытую пропасть податливые ноги. Освещение сценической площадки и декораций резко усиливается. Прожектора при дневном свете включаются на полную мощность. Измерительные приборы зашкаливают. И кажется, что это зашкаливает солнце. Перепуганные до унизительной смерти ладони болезненно реагируют самозащитой – крест-накрест. Ты обозленно принимаешь единственно правильный выбор: надо немедленно сменить очки. Ты роешься в карманах. Нужны темные стекла. Нужно обезопасить и сохранить глаза. Нужно

прикрыть свою первую спровоцированную злость. Ускоренно приблизить вечер. Чтобы ничто не мешало собраться с *новыми* мыслями. И вот наступает искусственная темнота. Бывшие (неправильные) мысли напоследок раскрепощаются. Окончательно отторгнутые высветившимися обстоятельствами, набирая скорость, с искренним чувством полноценности и полноценным чувством искренности, они сиюминутно и безвозвратно разлетаются в незнакомой для них всеконвертируемой атмосфере, раздавая налево и направо бесчисленные правдоподобные воздушные поцелуи, украдкой показав тебе на прощание сексуально высунутый во всю свою розовую длину, с загнутым кончиком, язык. В голове тут же становится пусто. Берлин действительно – город.

Берлин – город! Город из городов. Как на литографии. Железный. И с крестом на груди. Волевой и собранный. Решительный. Вопреки своей врожденной расчетливости и умеренной континентальности климата. Город-рыцарь. Но… молчаливый. С заостренным, гладковыбритым полупрофилем. И строгим, чуть нахмуренным, взглядом. С агрессивно выпирающими скулами и без намеков на второй подбородок. Город с приподнятыми квадратными плечами и безукоризненно затянутым в лайковую кожу накаченным торсом. С черно-красной повязкой на левой руке выше локтя. Но… безоружный. Безоружный город-гладиатор. Без занесенного над головой меча или нацеленного на кого-то Schmeisser-автомата. Точнее: *обезоруженный гладиатор.* В центре монументальной арены. В окружении потухших, но некогда день и ночь коптивших небо гигантских факелов. Точнее: *в центре вселенной.* Не победитель, не побежденный. Хотя далеко и не статист. ФИГУРАНТ большинства боевых аномалий. Предпочитающий демонстрировать снисходительный нейтралитет и продуманное спокойствие. Точнее: *всегда правый.* Безгрешный, без дара прощения. Никогда не отступающий от своего мнения. Точнее: *всегда жесткий.* Не склонный к полифонической сентиментальности.

Ни за что не меняющий отточенный веками собственный имидж. Еще точнее: ВЕЧНЫЙ. *Вечный* из вечных. Из вечно уходящих и вечно остающихся. *Вечный* – в своем всечеловеческом размахе и гордом дисциплинированном одиночестве. *Вечный* – в омывающих свинцовых туманах декабрьских дождей и апрельском цветении сожженных деревьев. *Вечный* – в угаре физкультурно-эротических водевилей и всеночных партийных празднеств. *Вечный* – в скрюченных параграфах им же самим написанного кровью закона: ВЕЧНОСТЬ – это БЕРЛИН!!! И никто не может нарушить этой святой заповеди. Никто не посмеет возразить. Даже в интимных мыслях. Никто не посягнет своим мелочным эгоизмом на эгоизм *вечности*. Только богам суждено здесь умирать и потом воскресать без специального на то разрешения. *Вечность* природы и природа *вечности* крепко связаны между собой особым, юридически оформленным, политическим актом. Смысл этой магической связи: *вечность* – истинно арийский характер. Берлин – истинно арийский герой. Берлин – истинно арийский город. *Город* из городов. С беспощадной преданностью самому себе. С несгибаемой внутренней лейтенантской выправкой, хотя официально уже давно без отливающих морозным холодом крестов на отглаженном парадном мундире. Вот он, сплав воли, веры и других прочных металлов. За таким характером – сверхъестественная сила. В таком характере – господняя власть. Берлин – город с характером. С его огромным желанием жить. С надеждой, что никогда не надоест. Берлин – город-бессмертник. Берлин – город-герой.

Красота этого самоубийства ниспошлет миру минуту насмешливого молчания.

Только самая талантливая ложь удостаивается заслуженного звания «истинная правда».

Время долго собирало камни… и построило Город. Пришло время разбрасывать камни.

Сладость предательства приходит иногда с опозданием.

Правильность восприятия окружающей действительности зависит от укомплектованности походной аптечки.

а+в = ав; а + с = ас; ав + ас = авс.

Когда жажда жить уступает жажде умереть, рождается симфония.

Берлин – город! Хотя ты воочию видишь его впервые и впервые его непосредственно чувствуешь, он кажется тебе к концу первого совместно прожитого будничного дня уставшим. Временно уставшим. Но без явных признаков и недовольства. Внешне чуть расслабленным, с учащенным дыханием, с нарушенной координацией движений. Но не злым. С витающим в вечернем летнем воздухе едва уловимым ароматом подслащенного пота. Сегодня он не в форме. Констатируется со стороны: легкое недомогание. В его календаре-ежедневнике – прочерк. С точки зрения свежести и бодрости. С точки зрения физической уверенности. Возможно, сезонный авитаминоз. Возможно, неудачное расположение планет. И с *великими* такое случается. Тем не менее ты – в Берлине! А это значит: *Берлин – город*. Да, он устал. Но он стоит, и никому не сдвинуть его с места. С его места. Город-спортсмен. Спортсмен-профессионал со статусом любителя. Будто после только что вырванной в тяжелом, финальном, без явного преимущества, бою победы. С пренебрежением брошены на землю боевые боксерские перчатки. С уверенностью исполненного долга. Самого государственного

долга. Наконец все кончено. Глубокий, со смыслом выдох. В перетянутых венами руках – охапка нежнейших кремовых роз, запутанных в трехцветной национальной ленте. На шее – засушенный лавровый венок-петля. Царапающие накаченную грудь лавровые листья тоже пахнут. Еще одной заслуженной победой над противником. Хотя и без явного преимущества. Благоухают вперемешку с опускающейся на город темнотой. Иногда густо, насыщенно. В зависимости от направления воздушных волн. В присутствии тысяч и тысяч зрителей. Убежденных патриотов и тонких знатоков спорта. Убежденных знатоков спорта и тонких патриотов. *Настоящая сила* оценена по достоинству. *Настоящая сила* определила свое место в истории. Кто может поспорить с *настоящей силой? Цветы победы* для нового старого кумира и почетная, золотыми буквами, запись в *Грамоте вечности*. О победах любой ценой. *О победах без цены.* Боги поражений не прощают. Боги предсказывают победителей. Боги рождают победителей. *Да здравствует цвет любимой нации!* Принадлежат ли к ней боги? Срочный снимок на пьедестале для газетной памяти мужества. В объятиях богов. Вот он – герой *своего* поколения *своего* народа. Герой *своего* времени *своей* страны. Цветы в руках хмуро позирующего чемпиона. *Настоящего* чемпиона. В строгой не траурной рамке на первой странице всех отечественных газет. *Одна тысяча девятьсот тридцать шестого года.* Но продлится эта усталость недолго. Ведь *Берлин – город!* А это значит, что жизнь здесь – без права остановки даже на заслуженный отдых. Без права даже на передышку или замешательство. Надоедающие марши сменяются завораживающими звуками. Ты послушно вытягиваешься скрипичной струной под вариации легендарного гимна, приобщаясь телом и не совсем музыкальным слухом к грандиозному непобежденному искусству беспощадно побежденной истории. Гипноз сопричастности пытается ввергнуть тебя в активную массовость государственного торжества на несколько десятков

лет назад. Или же на несколько десятков лет вперед. Дурманящий запах лавра будоражит атмосферу. Многие тысячи и тысячи флагов перекрывают небо. Многие тысячи и тысячи каблуков отстукивают краткие ответы на чьи-то краткие команды. Многие тысячи и тысячи зрителей скандируют: слава чемпиону!!! Слава самому сильному!!! Слава!!! Слава!!! Слава!!! От тебя требуется срочное присоединение к сему празднику. Требуется твое личное участие в монолитном хоре. Чтобы сделать его более мощным и звучным. Для этого нужно резко преодолеть дистанцию во времени и пространстве. Без колебаний. Одним роковым прыжком. Вперед или назад. Никто не имеет права пренебречь этим событием. Тысячи и тысячи зрителей ждут твоего шага навстречу. Тысячи и тысячи зрителей делают этот шаг первыми. Тысячи и тысячи зрителей жаждут взять тебя в плен. *Плен в плену.* Но ты к нему психологически еще не подготовлен. Ты боишься всемирного шума и решаешь не отрываться от сиюминутной реальности. И отступаешь. Но только на один шаг. Да, ты готов с поздравлениями протянуть руку *великому* из великих. Готов окончательно, без оглядки, с признательностью броситься в его мускулистые объятия. Но только лишь сегодня. Только сейчас. Без экскурсов в прошлое и будущее. Только сию минуту. В опустившихся сумерках пока молчаливого города. И, нащупав во внутреннем кармане расстегнутого пиджака картонный, перетянутый изоляционной лентой сверток (всё на месте!), конечно, воодушевленно бросаешься. Его расположение к тебе сейчас гораздо важнее разных мелких раздражений. Ты вдруг понимаешь, что эту утонченно-назойливую смесь запахов тебе вполне по силам не замечать. Хотя бы из вежливости. Так же, как никто не заметил (или сделал вид, что не заметил) твоего безвизового пересечения торжественно обесточенной в прошлом году границы. Без предъявления всегда трясущегося в руках паспорта и многочисленных штампов-регистраций. Без спокойных жестов косящих таможенников и подозрительной

сверки с безымянным портретом-роботом. Без чувства априори обреченной виноватости и принудительно-случайного выворачивания карманов. Без подписанных обязательств пред европейским униформенным гостеприимством. Без флюорографии на политическую, а заодно, сексуальную лояльность. Без справок о здоровье и контрацептивных принадлежностей. Через сплющенную миролюбивыми гусеницами колючую проволоку. Не реагируя больше на особенности весеннего вечернего воздуха, сгусток твоего приобретенного страха постепенно рассасывается. Мелко и часто разжевывая свои друг друга взаимоисключающие мысли, ты без любопытства изредка вскидываешь голову, не ища определенности. Взрывной фейерверк во славу спорта и любви к Родине продолжается. Но в отдалении. Убедительная, отрывистая, через громкоговоритель речь продолжает заводить толпу-аудиторию до клятв и слез. До вызубренных клятв и счастливых слез. До счастливых клятв и вызубренных слез. Во славу высокорейтингового чемпиона и его жертвенной любви к Родине. Во славу *великого* подвига – достойного подражания примера. Во славу подвигов будущих. И также *великих*. И также достойных подражания. Многотысячное эхо берет тебя под руку и бережно ведет по улице вдоль передовой праздничной линии фронта, по направлению к центру города. Ведет без слащавых подробностей путеводителя и подсказок сосредоточенных, ни на что не обращающих вокруг себя внимания прохожих. Ты мерно идешь. *От реальности. Сквозь реальность. К реальности.* Что же на самом деле происходит? Может быть, это происходит не с тобой? Может быть, все это тебе только кажется? Ты пытаешься ответить на свои же вопросы и задерживаешь на длительные секунды дыхание, набирая полную грудь воздуха. Звон в ушах. Технический обрыв слуха. И ты – в стеклянном пуленепробиваемом саркофаге. Мышцы и кожа натягиваются до предела. В мозгу – сухая баня. Стоп! Ты останавливаешься. По инерции покачиваешься. Вперед-назад. В тебе все действительно

замолкает. *Город* беззвучно кружится в голове. Голова беззвучно кружится в замутненном сознании. Сознание беззвучно кружится меж домами и деревьями. Дома и деревья тоже кружатся. Беззвучно. Ты не в первый раз возбужденно хватаешься за сердце (точнее: за внутренний карман расстегнутого пиджака), проверяешь наличие «секретного» пакета. Или наличие сердца. Нащупываешь и тут же успокаиваешься. Пройдя пару метров с насильно выпрямленной спиной, ты оглядываешься – ничего особенного. Всё – в порядке. *Ты – реальность.* Все укладывается в рамки тривиального сюжета для отвлеченного декоративного суеверного сна. Никто за тобой не следит. Никто тебя не преследует. Ты ни для кого не опасен. Ты просто никому не нужен. Эти выводы придают тебе логически оправданной свободы, возвращают неизвестно кем конфискованную несколько часов назад утреннюю энергию. Твои шаги мгновенно становятся ровнее, увереннее, между ними появляется последовательная связь, образующая прочную цепь, и ты уже ничем не отличаешься от остальных обыкновенных молчаливых вечерних берлинских прохожих. Ты идешь по направлению к центру ГОРОДА. Вычерчивая прямую пунктирную линию. Хочется экстренной страсти. Да-да, хочется экстренного огня. *Хочется.* Опять хочется. Это – правда. Размашистые дорожные указатели свидетельски подтверждают. Да, ты действительно – в движении. Да, ты действительно – на ногах. Да, ты действительно – в Берлине. Да, ты действительно – на гигантской сцене. Бордово-бархатного занавеса не видно. Он очень высоко. От прожекторов воздух начинает нагреваться. И другого выхода больше нет. *Играть!*

Берлин – город! Эта идея доказана. Исторически и научно. Исторически-научно. Не сегодняшним вечером. Не сегодняшними диалектическими эмоциями и вполне проницательными впечатлениями. Доказана задолго до твоего надменного здесь появления. Доказана всеми его коренными

обитателями и столетиями обитавшими по соседству противниками, завистливыми наблюдателями и охотно поддававшимися наблюдению соблазнителями, орденоносными предателями и отовсюду свергнутыми конформистами, понаехавшими со всего света жирными джентльменами и болезненными на вид футурологами, заслуженными социалистами и рыжими проститутками, ревнивыми самоубийцами и инфантильными вождями, перебинтованными солдатами и застиранными кошками, бывшими герцогами и bier'ными алкоголиками. Всеми хрестоматийными предшественниками хрестоматийных обитателей, противников, наблюдателей, соблазнителей, предателей, конформистов, джентльменов, футурологов, социалистов, проституток, самоубийц, вождей, солдат, кошек, герцогов, алкоголиков. Всеми предками предков. Лишенных и не лишенных индивидуальности. В соперничестве друг с другом каждый из них утверждал (сумбурно и подробно) свою материалистическую идею. А вместе с ней и сам город. Готовясь к войне друг с другом, каждый из них готовился к его защите – своей обороне. Разрушая город, они все вместе его укрепляли. Превращая его в коммунальную крепость, они все в нем прятались. Они все его любили и им же подчеркнуто пренебрегали. Они все его ненавидели и за него крепко держались. Они все не отдавали за него свою жизнь, а иногда случайно или по ошибке, в вооруженной злобе, эту жизнь по глупости теряли. Сколько крови и чернил было потрачено на такое коллективное доказательство. Сколько счастливых лжесвидетельств были удостоены почетного гражданства. Сколько огнеупорного гранита и хрупкого мрамора ушло на украшение кладбищенских полян. *Имитация религии. Имитация веры. Имитация славы. Имитация Бога.* Но *город* имитацией не был. Он сам для себя был религией, верой, славой и Богом. Он сам из себя сотворил кумира. Он определял время, а не время определяло его. Он приговаривал к смерти, а не смерть властвовала над ним. Он не плыл по

окрашенным течениям, он оставался между ними неприступной белой стеной – вечно революционным монументом, имитируя вокруг себя человечество. Под неистребимую еврейскую музыку Арнольда Шенберга. Никакие переделы границ и *великого* статуса малыми мобилизациями не смогли уничтожить в сознании истерзанной природы то, чему дано жить *вечно* – главному условию всех официально признанных Игр, доказательству доказательств: *Берлин – город!*

Берлин действительно – город. Независимо от любой придуманности погоды и освещенности времени суток. Независимо от многолюдности улиц и романтичности декораций. Независимо от постоянной оригинальности режиссерских находок и пьяной отрешенности актеров. Независимо от тебя. Берлин – независимый город. Ты, к слову, здесь тоже ни от кого не зависишь. Ты независимо ступаешь по Берлину. Молча. Засунув руки в глубокие карманы брюк. Стиснув в кулаках возмужавшую за день свободу. Ты молчишь. Ты боишься необычных знаний и ощущений, которые каждое мгновение могут обернуться опасным пресыщением. Что делать тогда? Что делать со своей свободой? Назад пути нет. Скрываться? Где? От кого? Кому жаловаться? Ты отрезвляюще встряхиваешь головой, как налитым доверху застольным стаканом. Без застольной здравицы. Отпиваешь глоток до приторности возбужденного рассудка. Комом проглатываешь. Нужно дойти до центра города, а там – передохнуть. Нельзя забывать, что ты – в Берлине. А это должно не только восхищать, но и успокаивать. Нужно обязательно дойти. Ты не останавливаешься. Проходишь несколько метров с запрокинутой головой. Проплываешь брассом короткий отрезок дистанции. Фотовзгляд охватывает полную сферу изрезанного бегающими желто-черными полосами неба. Дождя, кажется, не предвидится. Жаль. Как не хватает сейчас во рту кусочка подтаявшего льда. Как не хватает свежести холодной минеральной воды. Как возмущенно настойчиво

проталкивается на поверхность жажда. Надо присмотреть какой-нибудь бар – поуютнее. Желательно без музыки. Нужно зайти на часок, передохнуть. И может быть, поразвлечься. Да, хочется экстренной холодной страсти. Да, очень хочется экстренного холодного огня. Медленными круговыми движениями горячего языка ты облизываешь стянутые подсохшие губы и, придавив к переносице указательным пальцем очки, замечаешь, что ближе к ночи людей на улицах разгуливает все больше. Не парами. Поодиночке. Вразвалку. Ты – один из них. Ты – смешиваешься с ними. Ты – не отличаешься от них. Однако, выпрямив спину и став частью толпы, ты себя никому не противопоставляешь. Ты идешь туда, куда эта сплоченная толпа тебя влечет. (Направление, слава Богу, совпадает с твоим.) Ты даже пытаешься подладиться под шаг окружающих. Увы, не совсем получается. Тебя все время обгоняют. Ты постоянно отстаешь, теряя из виду только что шедших впереди. На их месте появляются спины новых – в орнаментах кофт и в широких стильных пиджаках. Потом и они безнадежно исчезают. Навсегда. *Независимо от тебя.* Так ты продвигаешься к центру. Так центр продвигается к тебе. Еще несколько усилий, и твоя главная цель будет достигнута. Правда, тебя там не ждут. Но ты ждешь этого свидания. Ради которого существует сегодняшний день. Ради которого устроен всегородской театр. Стационарный уличный театр. Главная роль в нем отведена *городу.* Городу, который заслужил сие право называться *городом.* Городу, который навечно прославил свое имя. Чья история неподвижно, колоссом, вросла в серую землю. В эту минуту ты окончательно сливаешься с *городом.* Что из того получится, никому неизвестно. Хотя в одном ты уверен: *Берлин – твой город!*

В обреченном поиске противоположности смерти.

Ошибается тот, кто считает ложь

временной категорией.

Чтобы саморазрушиться, Городу требуется заданное время. Человеку же свойственно торопиться.

Berliner leben Berlin erleben.

Нет ничего более порочного, чем неуважение собственных пороков.

Сколько камней нужно бросить в небо, чтобы изобразить звездопад?

Любое преступление, совершенное под музыку, облагораживается.

Поссекель идет по Берлину. Поссекель идет по городу. Навстречу приставленной к небу, распухшей от розовых пятен, луне. Который сейчас в Берлине час? Есть ли разница во времени между Берлином и остальным миром? Есть ли между Берлином и остальным миром связь? Поссекель по-деловому достает из кармана сжатую в кулак левую руку. Взмахивает. Но. Пауза. Наручные часы остановились. Наручные часы со старым временем лишены признаков жизни. Недоумение. Недоумение и попытка. Недоумение, попытка и бессилие. Недоумение, попытка, бессилие и растерянность. Никакие суетливые старания не способны привести их в новое движение. Бесполезно приставлять на глазах у прохожих вплотную к уху горсть омертвевшего металла, крутить стрелки в разные стороны. Бесполезно угрожающе всматриваться в циферблат. Бесполезно надеяться на уже соскочившее с подножки поезда *прошлое. Всему свое время.* Старые же часы – вне времени. Старые часы – вне закона. Не имея никакой эмоциональной и исторической ценности, они становятся помехой, и их можно без продолжительной злости и

сожаления выбрасывать на ближайшую свалку. Наверное, остановились утром. А может быть, еще вчера. А может, намного раньше. Сейчас это совсем не имеет значения. Поссекель не расстраивается. Только игриво вздыхает. Поссекель надеется. Даже себе подмигивает. Делает вид, что чувствует себя уверенно. Он перебирает повелительным взглядом светящиеся вокруг настенно-наскальные изображения и надписи. От невзрачных до пламенем горящих в полный человеческий рост. Из всей бессмысленности запутанных реклам выбирает одну – рекламу времени. Он – единственный, кого оно сейчас вправду интересует. И единственный, кем оно сейчас интересуется. Табло на водонапорной башне показывает 22.30. Электронное время сменяет его же электронная температура +15°С. Электронную температуру воздуха (времени) сменяет электронный календарь: 16 августа. Исчерпывающая бесплатная информация. |Значит, не так уж и поздно. Значит, ночь – впереди. Значит, 17 августа – впереди. Значит, всё – впереди. Перспектива получает реальное подтверждение. Предметная реклама времени Поссекеля удовлетворяет. Удовлетворенный и мучимый жаждой, он идет по городу. Пить. Очень хочется пить. Периодическое облизывание стянутых тугим нейлоном губ, самоуспокаивающиеся намерения и единообразные обещания уже не помогают. Вальяжный шаг естественно укорачивается. Постепенно. Естественно укорачивается и терпение. Выдвигается ультиматум. Самому себе: пить немедленно. Пить сейчас. Весьма кстати у завешенного откровенными афишами круглосуточного кинотеатра – безлюдная snack-палатка. С восточным именем толстого хозяина на оранжевом пластмассовом козырьке. С нарко-дурманящими завывающими песнями. С вызывающими рвотный рефлекс дешевыми ароматами. Очень хочется пить. Сейчас. И только сейчас. Терпение истощается. Терпение истощается на глазах. Терпение истощается на глазах у города. Терпение = 0. Пренебречь этим нельзя. Все равно торопиться

некуда. Надо только на несколько вдохов пересилить собственное обостренное обоняние. Надо купить банку любого прохладительного напитка. Без капризного выбора. Без особо брезгливого упрямства. Поскорее. Надо поскорее отсюда уйти. Смазливо-усатая физиономия продавца предлагает. Вращающиеся черные гороховые глазенки перебирают. Высоковольтные звуки, отдаленно похожие на человеческую речь, расширяют мое представление о восточном гостеприимстве. Обмен двух запотевших банок на звенящую, с акцентом, мелочь производится мгновенно. Первый небрежный выстрел – и по-змеиному шипящая ледяная коричневатая жидкость выливается, как в бездонный сосуд. Громкими водопадно-жадными глотками. Ощущения, как и вкус, сравнимы с кипящей соляной кислотой. Разъедающая стенки желудка жажда переходит в сразу же ожившую приглушенную гастритную боль. Пока далекую, но вновь реально существующую. Ритуал закончен. Оплаченная вторая банка выстрелит уже потом, вторично проданная следующему покупателю. Она остается на враждебном оранжевом прилавке невостребованной. А приглашение заглянуть сюда еще вызывает отвращение. Как вызывает отвращение угождающе омерзительная улыбка продавца. Как вызывает отвращение «восточный» прохладительный напиток. Как вызывает отвращение бьющий размашистой пощечиной вульгарный призыв посетить десятиместный круглосуточный кинотеатр. Как заранее вызывают тихое гадкое отвращение нескончаемо-закомплексованные его многосерийные ленты. *Прилив трепетного отвращения.* Очертив свободной ногой-циркулем жесткий балетный полукруг, Поссекель разворачивается на все 180°. Лицом к беспричинно умолкшему зрительному залу. Молчание. Взрыв возвышенного отвращения. Технический антракт. Поссекель вытирает салфеткой подслащенные влажно-блестящие коричневые губы и, зажав пальцами нос, придает своему шагу логическое ускорение. Вон!!! Отсюда!!! Вон из похотливо-вылизанного snack-закоулка! Вон на свежий

воздух! Поскорее! Поссекель продлевает прерванный маршрут. Однако главное противостояние с берлинской повестки дня пока не снято. Не вычеркнут за выполнением основной ее пункт. Жажда – не утолена, нет. Она – раздавлена. Агрессивно и варварски. Вопреки всем законам гуманной терапии и физической морали. По вине предательского нейтралитета не проронившего ни мысли в защиту себя инстинкта самосохранения. При этом ничего не меняется. Пить все равно хочется. Лучше бы добрался до приличного заведения… Там было б все по–другому… Там можно было б и отдохнуть… А, может быть, и поразвлечься… Надо, надо поискать что-нибудь поприличнее… Возмущенный, хотя внешне спокойный, Поссекель идет по городу. Сколько времени он уже здесь? Сколько часов подряд он уже на ногах? Последняя объективная информация была на электронном табло: 22.30. Прошло всего минут тридцать. Плюс пятнадцать минут *тотального* отвращения. К полуночи он доберется до центра. Полночь хочется встретить с полным бокалом в руках. С бокалом божественного напитка – прохладной минеральной воды без газа. Усевшись на удобном стуле. Облокотившись на покрытый свежей, белой, в красный горошек, скатертью стол. Ничего, что полночь придется встретить в одиночестве. А может, удастся поразвлечься? С этой мыслью Поссекель прибавляет скорости. С этой мыслью Поссекель целеустремленно проходит квартал за кварталом. С этой мыслью Поссекель идет по городу.

Поссекель идет по Берлину. Никто не смотрит ему вслед. Никто не проклинает. И никто не благословляет. Фиолетово-перламутровое освещение по транспортиру прямого широкого проспекта придает щетинистому лицу таинственную романтичность. Уложенные на ходу волосы зачесаны набок и чуть приподняты встречным западным ветром. Модно завязанный, из натурального шелка, поводок-галстук небрежно ослаблен, но внешний вид по-прежнему традиционен и элегантен. Зеркальное отражение стекол почти квадратных

очков прячет глаза от воскового равнодушия берлинских прохожих. Что сюда его привело? Что он здесь делает? В этом чужом фиолетовом городе? С чужим фиолетовым лицом. В чужом фиолетовом образе. Допустима ли импровизация в сюжетной линии? Можно ли плыть в стороне от водоворота? В каком стиле (каким стилем) продолжать плавание? Нет-нет, такая постановка вопросов наверняка неуместна. Поссекель – свободный человек. Поссекель – ГРАЖДАНИН МИРА. Он может находиться в городе, когда и сколько этого пожелает. Без докладных записок и объяснений. Если этого пожелает сам *город*. Два цельных мужских характера. Два главных действующих героя. Две исторические реальности. Знак равенства из сухого математического превращается вдруг в знак синтаксический, конструктивно-соединительный. POSSEKEL = BERLIN. И ни сам знак, ни сию значимость не перечеркнуть. Бесконфликтность внутренних мыслей определяет бесконфликтность зарождающихся на глазах отношений. Основной нюанс: *по обоюдному согласию*. С обоюдной ответственностью. Поэтому Поссекель идет по мощеному проспекту, не пожимая плечами, спокойно, а летний вечер спокойно и добровольно распахивает свои космически необъятные объятия. Временно все зрители удовлетворены. Очередной в черте города, временный вечный мир. Мир – не как следствие окончания войны. Мир сам по себе. Мир в абсолюте. *Поссекель – почетный гость Берлина.* На зависть всем непочетным коренным жителям. Но об этом никто не узнает. Почетное звание трансформируется в почетную тайну. И почетная тайна тайной умрет. Без почетных похорон. Еще до млечного наступления утра. Полночь же приближается с каждой секундой. Правая рука напоминает о себе внутреннему карману пиджака. Слава Богу, по-прежнему всё на месте. Запас насильно попридержанных в голове мыслей (НЗ) полностью исчерпан. Поэтому придется зайти в первый попавшийся бар, чтоб собраться с мыслями. *Сознательно.* Подсчитать разбросанные по всем карманам

деньги. *С точностью.* Побороть где-то глубоко, внутри застрявшую в густых сетях из нервов навязчивую физическую боль. *Бескомпромиссно.* Напиться вдоволь холодной воды. *С жадностью.* Получить самые неожиданные наслаждения. *Безгранично.* Умереть от удовольствия. *Безгрешно.* Вот, кажется, и всё. Ничто мною не забыто. Время торопится к двенадцати часам. А что, если приближающийся конец проспекта – еще не центр города? Нужно торопиться. По левую руку мигающие бенгальские витрины чередуются с неосвещенными дверями. Мелкие надписи над ними: «бар» – уверяют, что именно в одну из них нужно войти. Без стука. Без приглашения. Без стеснения. Не медля. С целым комплексом естественных и противоестественных намерений. Какую дверь открыть? Они все одинаковы. Поссекель перед выбором. Нужно обязательно попасть туда, где – тишина, и где его ждут. Не ошибиться бы с уютом. Хочется развалиться в кресле, как у себя дома. Не торопиться. Хочется поманерничать. Не одергивать себя педантичными замечаниями. Не отвлекаться на всякие посторонние сюрреальности. Хочется почувствовать себя уважаемым, почетным гостем. И побольше уделить себе чужого внимания. Хочется полноценной раскованности и чуть-чуть хорошо сыгранной лести. Хочется чуть-чуть фамильярных вольностей. Оплата по счетам без просьбы о скидках гарантируется. Наличными. Хочется, правда, и гарантированного наличного качества. Тоже без скидок. Независимо от наличных обстоятельств. Независимо от цены. *Всё продается и на глазах у ночи перепродается. Всё окупается.* Упираясь грудью в воздушную каменную стену, Поссекель озадаченно останавливается. Поссекель смотрит вперед. Фиолетовый проспект беспрепятственно вливается в заваленную орущими машинами фиолетовую площадь. Вот оно, фиолетовое слияние реки и океана. Не по-ночному маниакально активный гул уносится вверх, растворяясь в освободившемся фиолетовом пространстве. Ничто больше не подпирает луну. Она вот-вот без спроса и разрешения свалится

городу прямо на голову. Она вот-вот перестанет угрожать – угроза сбудется. Поссекель в ожидании смотрит на луну. Луна базедовым глазом смотрит в ответ. Поссекель с опаской оглядывается по сторонам. Со всех сторон стекаются гуляющие люди. Поссекель смотрит себе под ноги. Стойка ног подчинена ситуации. Пятки – вместе, носки – врозь. В нескольких десятках метров от Цели. Он мысленно по-пластунски проползает финишный отрезок. В пиджаке, при галстуке, резко надушенный дорогим, из шикарного магазина, одеколоном. Самоотверженно разрывает розовую ленту. Замедленная съемка с многоразовым повтором. Вверх подняты сжатые кулаки. Рубеж достигнут под ехидные аплодисменты горожан и гостей города. Рубеж взят. *Поссекель доходит до Берлина.* Взятый без штурма город не капитулирует. Не отбивается последними бессмысленными ударами из-за угла, не прячется от страха в своих отдаленных узких переулках. *Город* ревниво встречает гостя. По правилам цивилизованного этикета. С поднятым над головой трехцветным флагом. Флаг – тиражированная гордость и других городов. Однако сегодня он представляет честь Берлина. Цветов пока нет. Хотя они обязательно будут. *Город* тоже кое-что гарантирует. У него в загашнике есть маленькие сюрпризы. Но это все будет потом. Сейчас же Поссекель поворачивается лицом к выбранному им бару. Достаточно протянуть руку, вежливо толкнуть дверь, и *город* впустит его в святая святых – свои кладовые тайны. Поссекель делает шаг к двери. Бар выбран интуитивно. Из десятков других. К этой двери, возможно, его влечет судьба. Поссекель протягивает руку. Поссекель ощущает полночь. Интуиция и рука Поссекеля вежливо толкают дверь. Дверь не сопротивляется. Дверь с музыкальным скрипом открывает путь. ПОССЕКЕЛЬ – В БАРЕ.

В войне победителей не бывает. Человеку всегда не хватает беспощадности.

Если на улице вам встретится голый прохожий, от него можно ждать правды.

Любовь – это смерть. А смерть при жизни недоступна.

Отчаянный крик о помощи может услышать только сам кричащий.

Страсть к возмездию – это попытка отомстить Истории.

…и, умножив на коэффициент чувственности, получаем результат.

Тебе смешно, но мне сегодня снился Шостакович.

Поссекель – в баре. За ним наглухо закрывается входная дверь. Бронированная. Как по законам военного времени. С замочной скважиной лишь изнутри, но без ключа. С тяжелыми кольцами-петлями, но без висячего замка. Железная дверь намертво отрезает от городского пневматического дыхания и фиолетового света. Дерзким хлопком закладывает уши, избавляя от городского шума. Внутренняя слепота становится основным источником возбуждения. Первые трясущиеся движения на ощупь не приносят и малейшей радости. Воображение подпитывается лишь одной образной таинственностью. Ему в унисон подыгрывает солдатская смелость. Темный наклонный коридор без предупредительного перехода цилиндром вытягивается в узкую лестницу. Приходится наклонять голову. Нагибаться, практически прогибаться. Почтительно откланиваться. Вытянутые то в стороны, то вверх руки упираются в сырой овал стен. Количество рук время от времени увеличивается. Каждый неосторожный шаг сопровождается резким

продолжительным эхом. А каждое резкое продолжительное эхо сопровождается еще одним эхом, кратким и приглушенным. Просто тоннель? Бомбоубежище? Приходится невротическим шепотом считать спотыкающиеся ступеньки, так как надежда на появление признаков жизни обнаруживается не сразу. Сначала нулевая точка отсчета медленно превращается в яркое световое пятно-отверстие, а затем, испытывая мое безграничное терпение, разрастается до нового дверного проема. Круглого и вообще без двери. Эхо становится всё бессмысленнее и исчезает совсем. Последняя ступенька вместе с медлительным Поссекелем без предупреждения вываливается из цилиндра в просторный, средневековый по форме, обставленный под современную старину зал ресторана. Поссекель останавливается. Но без мыслей об отступлении. Оглядывает каждый градус ограниченного каменными стенами круга. Патологическая тишина. Ни души. Это – никакой не бар. Это – обыкновенный пустой ресторан. Два десятка покрытых накрахмаленно-белыми, в красный горошек, скатертями столов. У каждого – по четыре отремонтированных стула в ожидании. На одном из столов у стены – громоздкая черненая металлическая ваза с букетом распустившихся пунцовых роз. Вот тебе и обещанные *городом* цветы. Значит, зал был специально подготовлен. Значит, стол был зарезервирован. Значит, гостя ждали. А может быть, уже и заждались. Поссекель взглядом одобряет расположение своего стола. Одобряет висящую на фронтальной стене над столом в громоздкой черненой металлической раме картину. (Черный квадрат на малиновом фоне, в миллиметрах: 400 x 400). Выбирает интеллигентным движением бровей законное, одно из четырех, у стены, место. Правда, не садится. Продолжает убежденно стоять. Положив левую руку на спинку стула. Начинается сложная арифметическая игра. Определение ее условий и порядка. Поссекель надеется в этой игре сыграть на опережение, предугадать. ЧЕТЫРЕ МИНУС ОДИН. Математическая

импровизация. На тему соблазна и предвкушения страсти. На тему предстоящей ночи. *На свободную тему.* ТРИ ПЛЮС ОДИН. Три места пока еще остаются вакантными. Трое пока отсутствуют. Взглянуть бы хоть одним глазом на претендентов. Есть ли у них чувство юмора? Был ли проведен конкурс кандидатов? Может быть, в этом и заключается загадка *городского* сюрприза? Интересно, на что способен *город?* Впишется ли его закаленная фантазия в подземный обывательский интерьер? Поссекель сосредоточенно стоит. Перед ним – его новый временный приют. Поссекель размышляет. На стенах в одну линию, как в галерее, развешены и другие, в таких же рамах, картины, но их содержание издалека не разобрать. Похоже, все они – черно-белые. Кроме одной, над его столом. Над его заказанным столом. К остальным он подойдет ближе. Нужно познакомиться со здешним искусством. Только для начала нужно вдоволь напиться холодной воды. Поссекель по-посетительски небрежно оглядывается: и действительно, вокруг никого. Похоже, самообслуживание. Ни официанта, ни бармена, ни шума с кухни. *Самообслуживание.* Без любопытства пройдя мимо приоткрытой двери на кухню, он подходит к стойке бара, заходит за нее и вытаскивает из забитого холодильника пластиковую полуторалитровую бутылку минеральной воды. *Наконец-то.* Наконец-то наступает блаженство. Блаженство и легкий озноб. Легкий озноб и долгожданная свобода. Ради этого стоило сюда прийти. Ради этого стоило спуститься в ресторан-бомбоубежище. Ради этого стоит сделать паузу в сценарии. Поссекель от удовольствия закрывает глаза. Будто про себя молится. Будто замаливает свои будущие грехи. Будто забывает все предыдущие. Минеральная вода обильными слезами стекает с жадных губ на застегнутый пиджак, капает на горбящийся местами каменный пол. О чем он думает, не знает никто. Самое главное, что эту сцену никто не наблюдает. Или? *Поссекель и утоляющаяся жажда.* Один на один. Без предрассудков. Но пауза в сценарии длится недолго. Она не

запрограммирована и заканчивается от души полноценным вздохом. Но не досадно-печальным, а концентрирующим все физические силы и внимание. Откашлявшись, Поссекель достает из кармана бумажку, обозначающую деньги, и кладет на барную стойку рядом с отпитой бутылкой. *Оплачено! Своевременная плата – залог расположения к клиенту.* Кстати, нужно пересчитать сбережения. Мысленно отконвертировать их в собственные потенциальные возможности. С учетом особенностей вкуса. С учетом издержек на просчеты и невозможность. С учетом нравственных последствий. И, собравшись из всех запасников, они общими усилиями оттопыривают теперь и правую половину брюк. Денег более чем достаточно. Можно теперь чувствовать себя уверенно. Расслабиться. Можно пытаться грешить. Можно без робости прогуляться по пустому залу, чтобы посмотреть местную выставку живописи. Прямо здесь же, рядом со стойкой, висит ближайшая к Поссекелю картина. Название: «Возвеличивание самозванца». Что на ней изображено, удается определить условно. Сумбур из черных искореженных теней и парящая над сумбуром отрезанная черная человеческая рука. Черные фаланги сжаты в черный кулак. Лужа черной крови. Естественно, что наличие черных теней предполагает и вынужденное наличие яркого света. Борьба черных и белых символов? Тени ведь исчезнут только вместе со светом. Иначе быть не может. Оптимистический фатализм? Или мастерски законспирированный реализм? Все остальные картины отличаются от предыдущей только чуть измененными контурами теней и названиями. Рука присутствует везде. Как и малые-большие лужи крови. «Благословение через повешение». «Отречение от национального мужества». «Сымпровизированное бесславие». И так далее… И так далее. Заключительная, одиннадцатая по счету, надпись к последней картине: «Последний день Города». Что это? Призрачное совершенство? Или физиологический взгляд на историю из подземелья? У картины над своим столом Поссекель не

останавливается. Он это сделает позже. Специально. Перед тем, как сесть на свое законное место. А всё увиденное профессиональному анализу и выводам не подлежит. Это – ЧУЖАЯ жизнь. Тогда как личная жизнь Поссекеля находится совсем рядом, во внутреннем кармане пиджака. Завернута в вырванные из журналов страницы и туго перетянута изоляционной лентой. Пора доставать. Реальная действительность постепенно, шаг за шагом, начинает надоедать. Левая рука тянется к сердцу. Сердце тянется левой рукой к карману. Карман тут же выворачивает свою внутренность. Поссекель с пакетом подходит к столу. Поссекель выбирает стул у стены, чтоб можно было расслабленно прислониться. Выбранный стул молчаливо соглашается с молчаливым Поссекелем. Название картины над столом гласит: «Портрет гостя». Стоп кадр.

Стоп-кадр. Стоп-сеанс. Стоп-кино. Черный квадрат на жирно-малиновом фоне против черных очков. «Портрет гостя» – на зашпаклеванной каменной стене. Поссекель – перед зеркалом. По чужой воле. По своей воле пытается представить себя на малиновом фоне. Не получается. И, наверняка, не получится. Название его удивляет, как не может его не удивлять не принимаемый близко к сердцу откровенный абсурд. Это всё – случайное совпадение случайных обстоятельств. Это всё – не о нем. Это всё – из чужой жизни. Во-первых, что может быть схожего между ста шестьюдесятью тысячами квадратных миллиметров черной краски и внешностью посетителя, пришедшего в ресторан без сопровождения, добровольно и совершенно незапланированно. Ведь он мог открыть любую входную дверь из сотен одинаковых… Он мог пройти мимо… Он мог пойти по другой улице… В конце концов, стол мог быть подготовлен и в любом другом заведении. А может быть, они подготовлены во всех сразу?! А может быть, здесь ждали другого человека?.. Завсегдатая?.. Поссекель не находит ни логики, ни объяснений. Здесь изображен другой человек. И фон, между

прочим, выбран неудачно. Малиновый. Поссекель не находит с «Портретом» ничего общего. Ни при первом, ни при втором, ни при третьем пристальном взгляде. Общей может быть только некая отвлеченная внутренняя идея, которая пока ну никак не подвластна его протестующему мозгу. Общим может оказаться еще цвет волос. Или цвет глаз через стекла очков. И ничего другого. Поссекель уверен, что цвет его мыслей другой. Поссекель также уверен и в другом цвете его намерений. Поссекель вооружен силой неоспоримых аргументов. Поссекель в эту ночь уверен в своей правоте. *Поссекель – уверен.* Во-вторых, почему квадрат? Разве столь одномерно и плоско его восприятие окружающего мира? Разве столь одномерно и плоско восприятие его окружающим миром? Разве существует в его характере геометрическое равновесие меж различными сторонами? Поссекель считает, что его натура более асимметрична и хоть чуть многоцветнее. Поссекель, на свой взгляд, обладает достаточно богатым воображением. Но ему чужда подобная интрига. Поссекель бессилен перед этой абстракцией. Она не вызывает положительных эмоций. А значит, не имеет права называться *искусством*. Посмотреть хотя бы мельком на автора этой картины. Поссекель заранее не проявляет к художнику и всем его образам дружественных чувств. Поссекель не является поклонником его таланта. Поссекель оставляет за собой право на решающее критическое слово. Никто не может обвинить его в легковерности или слабохарактерности. Поссекель есть конкретно мыслящий человек. *Поссекель – реалист.* Так убежденно считает сам Поссекель.

Реалист Поссекель, держа в руках реальный пакет, садится на реальный стул, за реальный стол. Он хочет заняться реальным делом. Ему сейчас, как никогда, надо реальное удовлетворение. Отрывание липкой ленты от упаковочной бумаги – аккуратно и медленно. С тщательностью и продуманностью странной японской чайной церемонии. С наполнением сладковатой слюной пересохшего рта.

(Минеральная вода, оказывается, тоже не помогает). Со сдержанным трепетом и скрытым от сознания восторгом. Гость предлагает себе одноразовый шприц и скользящую в сухих руках плановую ампулу. Остальные четыре шприца и четыре ампулы прячутся в карман. На последующее потом. Перед Поссекелем – его вечернее (ночное) блюдо. Оно предотвратит появление чувства голода. Оно гарантирует чувство полноценной вечной сытости. *Можно приступить!* Поссекель крепко зажмуривается, а затем резко стреляет взглядом вверх, через правое плечо, на твердо подпирающую его спину стену. На жирно-малиновом фоне – все без изменений. «Портрет гостя» – это обыкновенная попытка насилия над беззащитным зрителем. С Поссекелем такой номер не пройдет. Он научился пренебрегать. Он научился и не замечать. Окончательно отторгнутые сто шестьдесят тысяч квадратных миллиметров черной краски без суеты и задержки превращаются в один кубический сантиметр прозрачности. Для поддержания формы. Для помощи в обязательном осуществлении всех задуманных желаний. Острые пальцы нетерпеливо отламывают гладкое острие запаянной ампулы. Будто впервые в жизни. Торопливо и с виду чуть неумело. Нервный шприц жадно вытягивает соблазнительную жидкость. Треснутое, с заусеницами, стекло ловко отбрасывается к сдвинутой ближе к стене вазе с жизнерадостными цветами. Так оно пролежит в покое три с половиной часа. Пока же в развитии сюжета оно участия не принимает. Оно выпадает из поля зрения. *До востребования.* Все мышцы – наготове. В ожидании действа. Все мысли – в надежде. Предвкушая стимул. Звук проколотой газетной бумаги вводит иглу в вену, как в свежеиспеченный, с хрупкой корочкой, бисквит. Левая рука доверительно расслабляется, зная, что только через нее электрический раствор может разлиться по всему нуждающемуся телу. Раскаленная прохлада приклеивает рубашку к напряженной спине. Выпрямляясь, мокрая спина цементирует все конечности в сосредоточенную скульптуру. Изобразительное

искусство длится четыре полных секунды. Всё… До последнего миллиграмма. Большой палец правой руки выжимает из тугого шприца последнюю каплю. Всё… Объем крови увеличивается на кубический сантиметр жидкости. Всё… Мозг управляет всеми операциями очень четко. Всё… Сработано чисто. Сработано стерильно. Сработано суперпрофессионально. *Высокое качество самообслуживания.* Всё… Мозг четко управляет ситуацией. Поссекель четко управляет мозгом. Ситуация четко управляет Поссекелем. Припасенный заранее скатанный щипок ваты останавливает появление крови. Опять отсчет до четырех – и как будто ничего не было. И, на самом деле, ничего не было. Через несколько минут использованный шприц и красная точка на щипке ваты заворачиваются в носовой платок и запрятываются в карман пиджака. В этом месте сценария выпадает из поля зрения пустая ампула. Рядом с вазой она остается незамеченной. Пока. Небрежно закатываются рукава. С улыбкой поправляется галстук. Действительно, ничего и не было. Поссекель косо поглядывает вокруг. Всё – по-прежнему. Поссекель даже хочет поменять черные очки на обыкновенные. Чтобы снять лишнюю загадочность со своего образа. Чтобы светлее взглянуть на окружающую обстановку. Чтобы еще раз посмотреть на картину над головой. Может, что-нибудь изменится? Может, не всё так безнадежно? После некоторых раздумий Поссекель меняет очки. Точнее, Поссекель успевает поменять очки. Так как неожиданно, без предупреждения, гаснет свет… На Поссекеля обваливается абсолютная темнота. Чернее черного квадрата. Без какого-либо цветового фона. Без претензии на портретность. Без экскурсов в философию и абстрактность. Конкретная всепоглощающая темнота. *Физическая.* Поссекель растворяется в ней. Но временно. Он еще появится на свет. Вместе со светом. Он заявит еще о своем существовании. Поссекель на это надеется. Поссекель – верующий человек. *Поссекель – человек.* Со стороны кухни скрипит приоткрытая дверь. Из-за нее,

крадучись, появляется трясущаяся малиновая тень. Из того же угла по ногам потягивает колючим сквознякам. Кажется, кто-то приближается со свечой, прикрывая ее рукой. Кажется, в каком-то из дальних помещений идет репетиция симфонического оркестра. Кажется, насилуют Шостаковича. Кажется, Седьмую симфонию. Кто-то не в такт шаркает сапогами. Становится страшно. Кажется.

> Если моя смерть способна принести миру пользу, значит, и жизнь моя будет оправдана.
>
> Не стоит смеяться над ложью – она умеет смеяться последней.
>
> Боль всегда стремится к совершенству. Когда без боли жить невыносимо.
>
> Соблюдение всех законов карается по Закону.
>
> Проводя операцию на человеческом мозге без наркоза, можно стать свидетелем рождения глупости.
>
> От перемены мест слагаемых нужная сумма все равно не получится.
>
> Траурный марш – это оргазм наоборот. Только намного длительнее.

Я появляюсь. Я появляюсь на малиновый свет. Сердце стучит нехотя, аритмично, с непредвиденными паузами, заикаясь. Как испорченные часы. Но намного сильнее и

громче обычного. Густое эхо тяжелых каменных ударов накапливается где-то наверху, в одном из дальних углов, под еле зримым потолком. Возможно, для последующего взрыва. А может быть, для устрашения. А может быть, для самозащиты. В мою сторону сквозь темноту движется дергающаяся малиновая тень. Без предупреждения. Без моего согласия. Замедленно. Будто с остановками для отдыха. Создается впечатление, будто ее толкает впереди себя идущий человек. Будто он еще и хромает. Со свечой в руках. Прикрывая ладонью ее то затухающее, то вдруг вспыхивающее малиновое пламя. Высокий размазанный силуэт постепенно наводится на оптическую резкость. Мои глаза начинают привыкать к обстановке. Да-да, это действительно человек. Нет никакого сомнения. Как нет сомнения, что направляется он ко мне. Не может же он пройти мимо меня. Отступать некуда. Я ощущаю каждый грамм панического страха, всей силой давящего на мою уравновешенную (с моей личной точки зрения) психику. Я ощущаю каждый квадратный сантиметр своего голого сознания, подвергающегося этому давлению. Я ощущаю реальное (в моем понимании) соотношение сил между природой Банальности и природой Невозможности. Я не могу подняться над происходящим. Я не могу убежать. Я даже не могу отойти в сторону. Я приклеен к стулу и стене. Всеми существующими и несуществующими в моем воображении силами. *Я – немощен.* Я даже не могу определить развитие событий в некоем безопасном для меня направлении. Гордость моя тоже *немощна*. Вывод: самое разумное сейчас – вообще не совершать поступков. Никаких. Даже разумных. И разум, и его одновременное отсутствие могут привести к одинаковому результату – полной потере контроля над собой. Этот движущийся человек опасен пока только потенциально. Не взорваться бы раньше времени. Не взорвать бы хрупкую ситуацию. Даже в целях самозащиты. Может, конфронтация мною нафантазирована. Хотя, может, беда только мерещится. Выкидыш воображения. В *его* голове сейчас наверняка тоже

есть мысли. Почему они должны быть направлены обязательно против меня?! Тогда б не нужно было всё так замедлять. Неужели есть формальный смысл оказывать сопротивление?! Как это будет осуществляться?! Ведь его появление здесь наверняка не случайно. И не случайно предательское отключение света. Как не случайна моя роль в таком стечении сцен. Ведь все это время он где-то скрывался. Вернее, не просто скрывался, а существовал. Независимо от моего присутствия. Может быть, в этом оборудованном подземелье протекает своя полноценная жизнь?! Иная?! По своим подземельным законам?! И со своими подземельными ритуалами?! Со своими слепыми окончательными приговорами?! Незарегистрированное подземельное государство?! *Город-государство.* Ответить на свои вопросы я опять не в состоянии. Я в состоянии только фиксировать глазами и ждать. Странно, но еще ведь могу, вопреки логике кем-то написанного сценария, наслаждаться музыкой Шостаковича. Хотя и не в столь качественном, а лишь в репетиционном исполнении. Его внутреннее гениальное композиторское сопротивление по сравнению с моей панической трусостью кажется мне сейчас лирикой. Настолько огромен мой страх. *Страх* – когда при полном сознании отмирает часть тела. *Страх* – когда полностью развращается воля и напоминает о себе животное происхождение. *Страх* не осилить разумом, как не осилить разумом и собственную смерть. *Страх* можно только чувствовать. Шостакович это понимает. *Страх под Седьмую симфонию Шостаковича.* Тень придвинулась ко мне приблизительно на полтора метра. Нас разделяет всего около двенадцати метров. При математических склонностях мозга можно вычислить скорость движения тени. Или даже скорость увеличения страха. Хотя шарканье сапог о каменный пол напоминает топтание на месте. Но это лишь кажется. Что заставляет *его* двигаться в моем направлении? Или, может, двигаюсь *ему* навстречу я? Надо оторваться от стула и стены. Хочу выпрямить заледеневшую спину. Однако

позвоночник не отпускает. Он прирос к спинке стула. Стул прирос к отшлифованному булыжнику. Булыжник – недвижимая часть *вечности.* Полный внешний покой. Я волнуюсь. Мысли становятся все хаотичнее. И мелькают моменты, когда я не могу найти связь между ними и собственным состоянием. Вот-вот приблизится час познания истины. Истины сегодняшней. Не доступной ни прошлому, ни будущему. Не доступной другому физическому лицу. Истины, доступной только мне одному. И только сейчас. Истины, к которой я подкрадывался всю свою жизнь. И, наконец, дополз. Да!.. Шостакович даже не подозревает, что через двенадцать приблизительных метров звучания героической симфонии должно произойти что-то очень для меня страшное. Но это – вне его компетенции. Вне его любопытства и интересов. Ему до того нет дела. Он – в азарте. Репетиция идет на всю мощь, хотя акустические возможности подземелья невелики. Дирижер и первая скрипка, увы, продолжают нервничать. Отведенные им кубометры не позволяют влиять на звучание: ни оборвать раньше срока, ни ускорить темп, ни повторить неудавшийся фрагмент после необходимой паузы. Все звуки заключены в жесткие непроницаемые рамки. Они больше не принадлежат оркестру. Они уже отречены от породивших их музыкальных инструментов. Они – часть подземелья. *Так задумано лириком Шостаковичем. Так задумано сценарными обстоятельствами. Так задумано Его Величеством Страхом.* Малиновая тень медленно, но убедительно сокращает расстояние. Двенадцать метров плавно переходят в девять, девять – в оставшиеся семь с половиной. Что делать, когда они сравняются с нулем? Встать? Дважды откланяться? Сквозь зубы улыбнуться? Импровизированно протянуть руку? Или приготовиться к символической обороне? Сопротивление бесполезно? А что в данном случае полезно? Я ощущаю на искусанных губах жирный малиновый вкус. Наверное, это вкус моей беспомощности. Перебить его сейчас нечем. И незачем. Впустую. Перебивать надо возбужденное сознание.

Хотя, наверное, его гораздо легче просто убить. Нет, это не мысль о самоубийстве. Это беспомощность всех мыслей сразу. С точки зрения и теории, и практики. Однако беспомощность временна. Я уверен. С открытием второго дыхания она исчезнет… Я стараюсь вдыхать-выдыхать глубже… Реанимируются все аналитические функции мозга… Сложные комбинации теней вырисовывают овал наступающего лица… Вслед проявляются и очертания конкретного тела… Тело явно находится в движении… Движение – в моем направлении… Кажется, что человек одет в военную форму… И действительно в сапогах… Взгляд на себе я чувствую уже метров за пять… Я вижу знакомые(?!) глаза… Знаком ли им я?.. Заросшее щетиной лицо вводит в заблуждение мою память… Или, скорее, воображение… Даже сквозь романтическую небритость выделяется мазок густых жестких черных усов… Чуть-чуть сморщенных… Детская сжатость недетских губ… Обретенная впалость щек… Мне действительно знакомо это незнакомое высохшее лицо… Вот только откуда?.. Я встречал его довольно часто… В старом документальном кино?.. В новых иллюстрированных научных книгах?.. Во снах?.. Наяву?.. Малиновые лишаи теней периодически меняют его выражение… Одно выражение рождается из другого… Одно выражение загадочнее другого… Одно выражение наслаивается на другое… Все пропитано до невыносимости терпкой тайной… Все крепко пропитано ее (тайны) фальшивой (?) значимостью… За два метра до финиша с потолка беззвучно падает восклицательный знак!.. Рядом с моим стулом… Или это выправленная черно-белая радуга?.. Или знамение?.. Пока без жертв… Со мной происходит необъяснимое… Вопросом «кто это?» я хочу остановить идущего… Но способность произносить звуки полностью отсутствует… Полностью отсутствует *способность быть способным*… Чужие шаги прекращаются сами по себе… Сейчас нас разделяет уже только стол… Мой стол, за которым я сижу… Симфония дергается в смертельной судороге… Она

себя изжила… Неудачной репетиции пришлось стать и единственной премьерой… Шостакович меня предательски бросает… Шостакович больше не вернется… Шостакович навсегда исчезает из моей жизни… Мои щеки нагреваются жаром малинового пламени… Я чувствую, как весь покрываюсь малиновым цветом… Меня, малинового, внимательно изучают… Возможно, надо мной проводят опыт… Но своего взгляда я не отвожу… И тоже стараюсь не терять бдительность… Внезапная мысль разрывает сознание… Предо… Предо мной стоит… Предо мной стоит сам…

Предо мной в полный рост стоит Адольф Гитлер… Неожиданный панический вдох не предполагает выдоха. В голове мелькает только категоричное: да!!! *Живой.* Во всяком случае, похож на живого. *Настоящий.* Во всяком случае, производит впечатление воистину настоящего. К горлу подкатывает тошнота. Я сверхусилиями имитирую глотание плевка слюны. Я сверхусилиями сохраняю себя в сознании. *Сам Адольф Гитлер…* Талый воск малиновой свечи растекается по его протянутой ладони. У него странно-изможденный вид. Истерзанно-уставший. Насильственно-воскресший. В положении неживых рук больше мученического, чем одиозного. Но глаза начеку. Он – неподвижен. Я сижу. Он стоит. И не собирается садиться. Ждет приглашения? Что у него на уме? Я хочу встать. Хочу выпрямиться. Тоже измерить себя в полный рост. Не получается. Никак. Он пристально и откровенно меня изучает. Видит ли он отражение своей свечи в моих зрачках? Что он находит в моих блестящих глазах, кроме ужаса и удивления? Удивляет ли его мое удивление? В ужасе ли он от моего ужаса? Имеет ли он представление обо мне? И насколько я желанный для него встречный? Интересует ли его, что на уме у меня? Я нервически перебираю пальцами загнутый уголок скатерти. Скребу его ногтями, зачем-то пытаясь выправить. Перевернуть бы сейчас всё вверх дном! Вдогонку предавшему меня Шостаковичу. Вдогонку Седьмой *Репетиционной.* Но где

найти столько сил? Взаймы их взять негде. Я перебираю пальцами загнутый уголок скатерти. Скребу его ногтями. Но кем-то намертво заглаженный утюгом, он никак не выправляется. Жадные ладони незаметно наполняются темными горошинами. До предела. Не высыпаться бы им из моих дрожащих рук. *Сам Адольф Гитлер…* Сквозь бурый туман неизвестности я начинаю чувствовать запах одеколона, которым душился несколько часов назад. Я чувствую, как он неестественно усиливается. Создается впечатление, словно с тех пор прошло всего несколько секунд. И при этом я вылил на себя полностью большой флакон. Или рядом разлили стакан концентрированной ядовитой жидкости. Запах открыто наступает. Я скрыто принюхиваюсь к своей одежде. Всё, кажется, в норме. Но дышать становится все труднее. Столь любимый прежде запах рождает во мне брезгливость и, в придачу, рвотное отвращение. Неужели он пользуется тем же одеколоном, что и я последние годы? *Невероятное совпадение.* Еще сомневаясь, я нарочно нащупываю в кармане пиджака миниатюрный пузырек. Нет, не раздавлен. Неужели у меня с ним общие вкусы? *Невероятное совпадение.* Еще сомневаясь, я делаю вдох. Задыхаясь, прикрываю руками нос. Чужим (моим) запахом заполняется все подземное пространство. Им пропитываются и стены, и каменный пол. Им пропитывается малиновый свет. Запах мужского одеколона становится моим воздухом и кислородом. *Сам Адольф Гитлер…* Заражение окончательно становится неизбежным. Что легче, умереть от отравления или же выжить и безропотно адаптироваться? Запах мужского одеколона проникает в кровь. Благодатная атмосфера для привилегированной ненависти. Благодатная атмосфера для узаконенного противостояния. *Я и запах мужского одеколона. Запах мужского одеколона и Гитлер. Я и Гитлер.* Сможет ли мой инфицированный разум осилить эту почти фантастическую реальность? Сможет ли мое тело физически вынести этот лженаучный лабораторный эксперимент? Заслуживаю ли я естественного мужества в этой

закручено-панической ситуации? Очередная цепь бесчисленных к самому себе вопросов. Домыслы и антидомыслы начинают путаться, сплетаться. Вопросы начинают надоедливо повторяться. Только страх постоянно прогрессирует. И без малейшего сопротивления. С легкостью. Наплевав на открывшееся второе дыхание. В перспективе – на третье с четвертым. И на все последующие. Последнее дыхание наверняка исключением не станет. *Сам Адольф Гитлер…* Он вяло переминается с ноги на ногу. Оглядывается по сторонам. Будто кого-то ждет. Или же кого-то боится. Несколько движений малинового света погружают зал в темноту, а затем вырывают из нее только половину стола. Вырывают только половину моего парализованного тела, которое мне уже не принадлежит. Половина изначально красных горошин скатерти превращаются в запеченные коричневые пятна. В пятна подсохшей крови. Чьей-то подсохшей крови. Но чьей? Руки, возлежащие на этой скатерти, становятся розово-синими. И если очень долго не отрывать от них взгляда, они кажутся совсем синими. И без ногтей. Он смотрит на мои мертво-скрещенные руки. Мои руки – без движения. Мои руки – без признаков жизни. Мои руки – фрагмент малинового натюрморта. Малиновый натюрморт – фрагмент катакомбного интерьера. Катакомбный интерьер – фрагмент *великого города*. От меньшего –> к главному. От главного –> к вечному. *Сам Адольф Гитлер…* Кому же принадлежит это заведение?.. Кому пришла в голову идея оборудовать бомбоубежище под ресторан?.. Кто его завсегдатаи?.. Как долго можно просидеть в бункере?.. Сколько можно здесь прожить?.. Как он вообще сюда попал?.. Хозяин ли он здесь?.. Есть ли здесь еще кто-то, кроме него?.. Поступает ли сюда и отсюда информация?.. Знают ли наверху о его существовании?.. О том, что он не умер… О том, что он до сих пор жив… Или о том, что он бессмертен… Неужели он бессмертен?.. Выбирается ли он к солнцу?.. Способен ли он подняться наверх, к людям?.. Нужны ли ему люди?.. Нужен ли

он людям?.. *Сам Адольф Гитлер…* Терпение обрывается. Терпение обрывается внутренней суетой. Неплохо бы перехватить инициативу и радикально повлиять на ситуацию. Нужно предпринять какой-то неординарный ход. Или хотя бы принять важный вид. Нужно его чем-нибудь удивить. Или посильнее напугать. Нужно предать своей персоне побольше значимости и внешней уверенности в себе. Нужно ответственное физическое действие. *Сам Адольф Гитлер…* Я пытаюсь оттолкнуться локтями от стола. Я в очередной раз пытаюсь приподняться над собой. Точнее, в очередной раз пытаюсь взлететь. Тщательно вытираю со лба пот. Уже не задумываюсь над деталями ситуации. Я встаю и со страхом протягиваю руку. Попытка или просьба?.. Передо мной – сам Адольф Гитлер.

Не надо спрашивать у раненого, как он себя чувствует. Спросите лучше, сколько ему осталось жить.

Если кошка вздыхает по-человечьи, значит, она – человек.

Самый уместный разговор на развалинах города – об архитектуре.

Свастика – это улыбка ангела.

Любовь, в отличие от ЛСД, всегда существует в прошедшем времени.

Антифашист – всегда отчасти математик.

Перерывы между взрывами определялись расстоянием между нотами. Будет время и для веселья.

– …

– Не надо подавать мне руку…

– …

– Я с тобой уже знаком…

– Со мной?..

– Да, с тобой…

– Знакомы?..

– Да…

– Но это невозможно…

– Я сегодня с самого утра наблюдаю за тобой…

– За мной?..

–Да…

– …

– Сразу, как ты пересек границу Города…

– …

– Я видел, как ты безошибочно шел к центру…

– …

– У тебя была карта?..

– А зачем за мной следить?..

– Мимо меня не проходит ни один новый человек…

– Чем же я мог быть вам интересен?..

– …

– Разве я мог принести вам вред?..

– У Города очень много врагов…

– …

– Нужно быть бдительным…

– Вы хотите всех их знать в лицо?..

– Я всех их знаю в лицо…

– Да-а-а… Начало…

– Ты можешь присесть… Так тебе будет легче в твоих признаниях…

– Значит, я – тоже враг?..

– Если ты сюда пришел, ты – уже враг… А кто ты на самом деле, я еще должен выяснить…

– Потом я смогу отсюда выйти?..

– Ты совершенно не знаешь истории… Только с моего разрешения…

– Но сюда я пришел по собственному желанию?!

– Вот именно!..

– …

– …

– Я не понимаю ваших угроз, но я их принимаю…

– Это неизбежно…

– …

– У тебя нет выхода…

– А что у меня есть?..

– У тебя есть шанс стать мне другом…

– Другом?!

– Да… Убежденным другом…

– А как быстро враг может стать другом?..

– Все зависит от тебя…

– От меня ничего не зависит… Я – гость...

– Нет лучше друга, чем бывший враг…

– Мне кажется, вы преувеличиваете… Я не способен стать ни другом, ни врагом… Вы для меня – просто чья-то чужая память…

– Нет… Ты слишком плохо себя знаешь… Я же знаю о тебе всё… Слышишь?.. Все!.. Абсолютно все!.. От меня ничего нельзя скрыть… Я вижу тебя насквозь… Я всех вас вижу насквозь… Тебе себя не скрыть…

– Я ведь здесь случайно…

– Нет!..

– …

– Мы должны были когда-нибудь здесь встретиться… Именно здесь – в Берлине… Здесь-здесь-здесь…

– Это – бездоказательно…

– Ты целый день искал со мной встречи…

– Я спокойно блуждал по городу…

– Ты шел целенаправленно…

– Я не думал об этом…

– Ты целый день рвался сюда…

– Да, я хотел попасть в центр города…

– Ты рвался ко мне…

– Нет…

– Центр города – это я!!! Слышишь??? Центр Города – это я!!!

– Но я не знал, что меня здесь ждет…

– Здесь тебя ждал я…

– Нет…

– Мои люди наверху следили за тобой… А я прождал тебя весь день…

– Нет…

– Мои люди точно вели тебя к цели…

– Нет…

– Ты должен был здесь появиться, и ты появился…

– Стечение обстоятельств…

– Нет…

Что он от меня хочет?

– У нас с тобой много общего, поэтому не нужно нам ссориться…

– Это предположение или ваша фантазия?..

– Это – твоя реальность…

– И это тоже бездоказательно!..

– Стоп!!!

– … мы из разных миров…

– Прекрасное начало!.. Ты сказал: «Мы»…

– Это непроизвольно…

– Именно!.. Только так можно прийти к истине… Непроизвольно…

– …

– Ты должен прислушаться к самому себе…

– У меня с собой нет противоречий…

– Надеюсь, что у меня с тобой тоже…

– Вы преувеличиваете…

– Твой оптимизм мне внушает доверие…

– Это, скорее, иллюзия…
– Скажи мне, ты любишь людей?..
– Думаю, да…
– А кто любит их больше, ты или я?..
– Не знаю…
– Почему ты не спрашиваешь: каких людей?..
– …
– Или для тебя все люди одинаковы?..
– …
– Ведь своих врагов ты тоже не любишь, как и я… Не правда ли?..
– …
– Так или нет???
– Так…
– Давай теперь выясним: кто есть наши враги…
– Мне кажется, они у нас разные…
– Разные?!
– И у меня их гораздо меньше…
– Но они могут против нас объединиться…
– Против нас?!
– Да-да, против нас!.. Поэтому нам надо объединиться раньше…
– Все ваши рассуждения подтасованы…
– Возможно… Хотя подтасованы они не только самой историей, но и нынешней действительностью…
Он агрессивно приближает свое лицо к моему лицу.
Запах общего мужского одеколона опять напоминает о себе.
Нас разделяют сантиметры.
Глаза в глаза.
Я вижу напротив свое лицо.
Мое лицо смотрит на меня.
С ехидством.
Пренебрежительно.
Подмигивает.
Я от неожиданности с криком отталкиваю свое чужое лицо.

Опасность удушья одеколоном.
Опасность истерики.
Опасность агрессии.
На поражение.
Он отскакивает.
Я успокаиваюсь собственным криком.
Крик успокаивает ситуацию.
Опять – дистанция.
Опять – Гитлер.
Опять – нас разделяет стол.
– Мы с тобой даже внешне похожи…
– Это плод болезненных галлюцинаций…
– Ты сейчас сам мог в этом убедиться… Не правда ли?..
– Ну и что?.. Что из этого?..
– Посмотри, у нас даже одежда одинаковая…
Он стоит в таком же, как у меня, пиджаке.
На нем такой же ослабленный галстук.
Точно так же расстегнута верхняя пуговица такой же рубашки.
Я в панике бросаюсь к карманам своего пиджака.
Слава Богу, пиджак на месте!
Слава Богу, ВСЁ на месте!!!
Жарко…
Пить!..
– Дайте мне попить…
– Подожди, нам надо сначала с тобой условиться…
– О чем еще?..
– О нашем согласии…
– Дайте попить…
– Мы должны сообща бороться с нашими врагами…
– Я хочу пить…
– Подожди чуть-чуть…
– Я хочу пить… пить…
– Только одно утвердительное слово…
– Принесите попить…

– Скажи, что ты согласен…

– Да… Пить…

На столе стоит пластмассовая бутылка.

Я пью холодную минеральную воду без газа.

Я наполняю стакан за стаканом.

Он удовлетворенно на меня смотрит.

Он удовлетворен.

Я пью взахлеб.

Я и жажда.

Мне кажется, что я ее утоляю.

Ей кажется, что она меня утоляет.

Взаимообман.

– Начать мы должны с евреев.

– Почему с евреев?..

– Я знаю, что ты их тоже не любишь…

– Но…

– Никаких «но»… Евреи – это общий враг… И самый главный…

– Но…

– Оглянись вокруг…

– Но…

– Но ты же их тоже ненавидишь…

– Нет… Но…

– Я знаю!!! Знаю!!! Знаю точно!!! Ненавидишь!!!

– …

– Мы должны их всех уничтожить…

– …

– Ты можешь убить хоть одного еврея?..

– Еврея?..

– Все равно, какого…

– Не знаю…

– Хотя бы одного…

– Но я не могу убить человека…

– Евреи – это не люди!!! Слышишь??? Не люди!!! Ты не должен этого бояться…В целях самозащиты…

– Я не могу убить живое существо…

– Ты должен понять окончательно – это не люди… Не люди!!!

– …

– Человек, не способный убить еврея, – не человек!!! Слышишь???

– Зачем?..

– Зачем???!!! Врагов надо уничтожать!!! Беспощадно!!! Всех!!! До последнего!!! Без жалости и сомнений!!! Кому нужна животная сентиментальность??? Нужно думать о будущем че-ло-ве-чест-ва!!! Ведь я вижу по твоим глазам, что в душе ты со мной согласен… И не только в этом… Ты всю жизнь искал подтверждение своей способности ненавидеть… Я подтверждаю!.. Сейчас!.. Всему миру!.. И только здесь, в Берлине, ты можешь наконец получить мое благословение… Только здесь бывшие враги могут объединиться… И стать единомышленниками… Только здесь общая ненависть рождает дружбу… Мы способны по-разному любить, но мы одинаково ненавидим!.. Всех! Всех!!! Всех наших врагов!!! И никогда уже нам с тобой не разлучиться!.. Я подтверждаю это!.. Слышишь??? Здесь!.. В Берлине!..

Пить!

Я тянусь рукой к бутылке с водой.

Пустая бутылка падает на пол.

Звук пустоты.

От злости я разбиваю стакан о каменный пол.

Звук отчаяния.

Голос Гитлера превращается в хор гитлеров.

Вокруг меня кричат много гитлеров.

Они мне что-то доказывают.

Я глохну от этого крика.

Глухая ненависть.

Настоящая ненависть.

К евреям.

К гитлерам.

К себе.

Самоубийство – это искусство перевоплощения.

Ложь не поддается разоблачению. Потому что само разоблачение уже по сути своей является ложью.

Нет большей скуки, чем скучный враг.

Жестокость – это роскошь, доступная только разуму.

Объявление в парке: «Меняю саблю на иглу. Возможна доплата».

Вычитание, как простейшее арифметическое действие, подтвердилось двумя выстрелами.

Смерть всегда сопровождается музыкой. Для разнообразия иногда веселой.

Я – в центре малинового пятна. Я – в центре малинового круга. Я – в центре малинового круговорота. Толпа из наперебой раскрывающихся ртов и наперегонки шаркающих сапог его сужает. Беспорядочные взмахи рук и противоречивые указания поднимают холодный ветер. Будто сквозит. Будто где-то нараспашку открыты окна и двери. Будто открыты они в надземный мир. Чуть-чуть знобит. Кажется, что хочется согреться. Кажется, хочется тепла. Но кто способен согреть? С трудом оторванный от стола взгляд опознает в приближающихся фигурах лишь своих двойников. Взорвано-

возбужденных. Агрессивно-обиженных. С усами. Как у самого Адольфа. С энергией. Как у самого фюрера. Слава Богу, без оружия. Однако и в безоружной ситуации я не готов обороняться. Не готов к сопротивлению. Я готов смириться. Вот только не пойму, что от меня хотят? Вот эти персонажи. Вот такие же, как я. Воняющие одним и тем же одеколоном. Одинаковые в манерах. Одинаковые в злобе. Во что хотят превратить мое смирение? Без моего позволения. Что хотят сделать с моим покоем? При моей пассивности. Кому и зачем я мог понадобиться? Разве может быть целью само отсутствие этой цели??? Или это и есть скудость моей фантазии??? Я с тревогой теряю ориентацию. Ориентация беззащитно и безвольно теряет меня. Я – между. Между сожалением и бессилием. Из разных углов и щелей подземелья несется отрыгивающая музыка Шенберга и непонятно для чего вернувшегося (или насильно возвращенного час спустя) Шостаковича. Одновременно. Вперемешку с малиновой истеричностью. В исковерканно-классическом звучании. В сумасшедшем темпе. И при этом невыносимо громко. Вконец запутав мою идиотскую ситуацию. Окончательно презрев идиота-слушателя. Наплевав на потенциальных идиотов-слушателей. И еще более озлобив агрессивный круг. Так что же заставило Шостаковича вернуться? Хотя возможно, это – только галлюцинация. Сделанная мозгом магнитофонная перезапись Седьмой симфонии. Точнее, ее деформированная импровизация. Сквозь тоталитарно-симфоническое сопровождение слышны голоса людских проклятий. Напоминающие лесное эхо. Я не пониманию, к кому все эти проклятия относятся, но воспринимаю их на свой счет. Счет уже давно открыт. И он день и ночь постоянно пополняется. Меня наверняка кто-то от души проклинает. Или меня проклинают все??? Хором. Может, я проклинаю самого себя? *Я – в кругу проклятий. Я – центр проклятий. Я – источник проклятий. Я – само проклятие.* Руки пытаются потянуть малиновую скатерть на себя. Но скатерть с первого раза не

поддается. Она сопротивляется. Она боится рассыпать свои драгоценные горошины. Вторая попытка. Вопреки чужому упрямству и собственному предположению. Да, вопреки слабости. Второй рывок. Отчаянный. Кажется, изо всех последних сил. Резкий и злобный. Вопреки внешнему безразличию. Пустая использованная ампула, уже часа два валявшаяся на краю стола, возбужденно подпрыгивает. Фиксирует на себе мое тупое внимание. Точнее, на своих заусеницах. Но теперь на середине пустого деревянного стола. Я и ампула. Скомканная скатерть окутывает мои колени малиновым покрывалом. Я и ампула. Мои колени усыпаны горохом. *Я и ампула.* Мои колени неожиданно прекращают трястись. Мои колени на несколько секунд на удивление замирают… Именно здесь заканчивается предыдущий виток спирали и сразу начинается новый. Без перерыва. Без перерыва на полный вдох. Без шанса спокойно перекреститься. История пока продолжается. У истории пока еще есть силы. Так задумано сценарием. Так задумано самим Адольфом Гитлером. Так задумано мной. Пружинящие дрожью пальцы правой руки крепко хватают играющее малиновым пересветом стекло. Левая же рука пытается обнаружить в себе вены. Наконец это удается: пристальный взгляд разветвляется на несколько тонких запутанных шнурков-сосудов. В них должна течь кровь. Внутренняя сторона запястья напоминает хрупкий анатомический рисунок. Стоп-кадр: правая рука зависает над лежащей на столе левой рукой. Я не оглядываюсь по сторонам. Никто не заслуживает моего поворота головы. Мне не с кем советоваться. Как и не у кого мне просить прощения. Все окружение мне отвратительно и гнусно. Я в этом совершенно не сомневаюсь. И правая рука в этом не сомневается. Я принимаю окончательное решение… Заусеницы зло вонзаются в левое запястье. Без замаха. С первой безошибочной попытки. Я чувствую расширение своих зрачков. Слышу дверной скрип уголков своих глаз. Пренебрегаю стуком своих зубов. Левая рука мгновенно расслабляется. Правая – твердо удерживает

инициативу. Я вижу появление крови. Я вижу кровь. Больно ли мне? Да, больно. Да, мне очень больно. *Сознательно* больно. Но *сознательно* терпимо. Я с достоинством констатирую свое терпение. Я горжусь своим терпением… А каково им, вот этим, вокруг??? Больно ли им? Вряд ли. Я слышу, как меня по-отечески подбадривают. Мне даже готовы помочь. Меня готовы *заслуженно* поощрить. Интересно, по законам какого времени? Военного или антивоенного? Мне обещают помнить меня и после моей смерти. Кто? Гитлеры или евреи? *Доброжелательность ублюдства.* Но мне до них нет никакого дела. У меня есть верный метод избавиться от них всех. От их гнусавых голосов. Сразу. И окончательно. Все мои силы в правой руке. *Ненависть всегда сильнее боли.* Даже если эта боль твоя. Даже если эта боль сильнее тебя. Первые капли крови с короткими интервалами падают на скатерть. Соединяя между собой кровожадные горошины. Составляя из них немыслимые геометрические фигуры. Превращая сморщенные куски ткани, если их до гладкости расправить, в абстрактное панно-мозаику. Я – на фоне еще одного вида искусства. *Мирного.* Я – на фоне своих коленей. Если смотреть на меня сверху. *Я – на фоне.* Если не видеть меня вообще.

Я сжимаю правой рукой левое запястье… От боли… Я пытаюсь подняться из-за стола… Дьявольского подобия музыки уже не слышно… Или я просто оглох… Встать удается… Я опираюсь на стол обеими руками… Будто одной… Будто в наручниках… Несколько гранатовых капель застывают на опустевшем столе… На память… Какая-то странная тишина… Мне даже удается поднять голову… И удержать ее поднятой… Без помощи рук… Вокруг никого… Какое-то странное одиночество… Или я просто ослеп… Малиновый свет без предупреждения заменен на бледно-мертво-желтый… Я не заметил, когда это произошло… На стенах опять проявляются картины, содержание которых уже не помню… Я, кажется, вижу в потолке черную дыру, которая должна вывести отсюда… Для этого нужно только пересечь зал по

диагонали… Я хватаю пиджак обеими руками… Будто одной… Будто в наручниках… Скатерть падает с моих ног… К ногам… Но не саваном… Я переступаю через скатерть… Боясь уронить свой пиджак… Шаг вперед… Шаг назад… Я в последний раз оглядываюсь… Я напоследок прощаюсь с пространством неизвестного мне мира… Заключенного в объятия богов… В каменные объятия каменных богов… Когда и для кого оно становится доступным?.. Каждый ли знает о его существовании?.. Было ли это для меня честью?.. Или наказанием?.. Хотя *знание* сейчас теряет всякий прикладной смысл… Режущая боль левой руки окрашивает боль правой в мокрый красный цвет… Не глядя, можно подумать, что от страха потеют ладони… Но страха нет… Больше некого бояться… На полу, перед ногами, от точного бомбового попадания друг в друга, от капель летят возбужденные брызги… Нужно трогаться с места… Нужно убираться отсюда вон… Скорее… Нужно согнутыми локтями зажать пиджак… Не уронить бы… Нужно не потерять самое дорогое, что у меня есть… И самое дорогое, что у меня было… Хотя оно уже потеряно смыслом… И совсем потеряно временем… Мое умрет со мной… Я крепче сжимаю пиджак… Вспышка тлеющего мозга… Попытка полушага вперед… Еще одна… Еще… Для поддержания равновесия делаю пару вынужденных хаотичных движений в разные стороны… Кажется, что устоял… Но все равно шатать продолжает… И в те же стороны… И в другие… Отрезок импровизированного пути вычерчивается за мной красными пунктирами… Показательной геометрии, увы, не получается… Парад отменяется… Нужно выбираться отсюда любой ценой… Без чьего-либо сопровождения… Без дополнительных соболезнований… Но в том, что за мной не наблюдают, нет никакой гарантии… Плевать… Сейчас я принадлежу самому себе… Я больше не принадлежу ГОРОДУ… Ведь ГОРОДУ нужна жизнь… Любая человеческая жизнь… Всё равно, чья… А у меня теперь ее нет… Никакой… Мне остается в ГОРОДЕ

умереть… Но все равно хочется вырваться из подземелья… Если поставить перед собой сверхзадачу… Хочется добраться до поверхности… Если, конечно, хватит сил… Хочется увидеть людей… Если они там встретятся… Хочется лечь лицом к небу… Если среди камней найдется кусок земли… Два решающих сумбурных рывка… И я врезаюсь в стену… Я целую разбитыми губами отсыревший камень… *Вот он, поцелуй вечности…* Последний поцелуй в уходящей жизни… Рядом с канализационной дырой… Меня вовсю шатает… Но я справляюсь… Ноги пока выдерживают… На стене остаются размазанные кровавые отпечатки… Еще одно напоминание о моем присутствии… Я – перед ныряниием наверх, в дыру… Я – перед исчезновением. Придет ли сюда кто-то следующий?.. Когда-нибудь… Готовится ли он уже к сему абсурду?.. Где-нибудь… Или его готовят?.. Сколько здесь бывало до меня?.. Таких же… Остался ли хоть кто-нибудь из них в живых?.. Стоп!.. Всё чушь… Я, сгруппировавшись, ныряю… Меня мгновенно поглощает дыра… Напоследок я смущенно озираюсь… Беззлобно… Бесстыдно… Бессудно… Будто внизу меня никогда не было… Будто подземелье показалась мне сном… Будто во сне меня наказали собственной жизнью… Заикание последних мыслей… Каждая ступенька дается сквозь зубы… Из-под тяжести… Спотыкаюсь… Но по инерции тело движется вперед… Я передвигаюсь… Параллельно мыслям… У тела есть скорость… Причем в абсолютной темноте она стала выше… Правая рука уже сознательно не сжимает левое запястье… Она крепко держит только пиджак… Боль не чувствуется… Боль рассосалась по всем мускулам… К тому же, надо размахивать руками… Надо страховать себя от падений… Упираться руками в стены и потолок медленно тянущегося цилиндра… Эх, дотянуть бы… Надо вытерпеть это бессрочное действо… Левый рукав рубашки пропитывается липким теплом… Я сразу догадываюсь: кровь… Она меня не отвращает… Я ее не вижу… И, скорее всего, вот-вот перестану ее чувствовать… Постепенно вновь возникает эхо… Но уже без

проклятий… Можно разговаривать с самим собой… Хотя бы вздохами… Или же хриплыми междометиями… Ступеньки заканчиваются… Теперь под ногами разных размеров спотыкаются камни… С потолка стекает какая-то жижа… Туфли превращаются в камни… И вода не перестает прибывать… Счастье хлюпающего в сточной канаве животного… Вдруг я нащупываю руками новую лестницу… Куда она ведет?.. Я поднимаю голову… Света нет… Есть впечатление – дождь… Неужели я добрался до Города?.. Но вход в бар был совершенно другим… Там была дверь… Там не было лестницы… Там через стенку сидели люди… Может, я заблудился?.. Может, с Городом связана сеть тоннелей?.. Другой дороги у меня нет… Как и нет дороги назад… Это – единственный шанс… Последний… Чтобы не сдохнуть под землей… Им надо воспользоваться…

Прорывая собой сплошное сито моросящего дождя, я обессиленно, но величественно выглядываю из открытого канализационного люка в стороне от неизвестной мне площади. Похоже, раннее утро. Я встречаю новый день. Я встречаю запоздавший берлинский день. Я встречаю свой последний день. Очень хочется пить. Я наклоняю голову и пью из ближайшей лужи. Утолив мою жажду, вода в луже слегка розовеет. Без помощи рук я пытаюсь умыться. Пытаюсь остыть от духоты подземной вражды. Однако дополнительной свежести для случайных гостей не предусмотрено. Свежесть здесь сейчас жадна, зла и абсолютна. Она не хочет делиться своим эгоизмом. Она принадлежит другому. *Свежесть – собственность города.* Вместо нее – накопленное тепло в потерявших хозяина ногах. Усталость тоже имеет свои преимущества. Если она была не напрасной. Отныне отвоеванная у жизни свобода, а точнее, заслуженное право на собственную ненависть, позволяет смертнику улыбнуться. Не стыдясь собственной безнаказанности. Покоряясь наступившей бессмысленности. Я улыбаюсь. Бесслезно. Счастье – оно и в смерти счастье. Не упасть бы от счастья

назад, вниз. Не уронить бы пиджак. Второй раз оттуда не выбраться. С трудом мое тело все-таки поднимается на поверхность города. Издалека случайный прохожий может принять меня за городского дежурного сантехника. Если вдруг не заметит, что левая сторона всей моей одежды – красная, а правая – черная. Как у бродячего циркача. Но площадь пуста. Никого. Кроме шипения дождя. Никого. Кроме скользящего под наивными руками булыжника. Никого. Кроме одинаково мрачных зданий. *Рассвет покинутого людьми города.* Вымытые в той же луже руки меняют свой грязно-красный цвет на грязно-синий. Из туфель выливается подземная вода. Из левой – красная. Хочется спать. Хочется вечно спать. Хочется пить, спать и ни о чем не думать. Левая рука совсем не работает. Поэтому начинает больше мешать. Она болит, болит, болит, ноет. Окончательно отделяясь от тела. На грани падения я дотягиваюсь до пиджака. Подтягиваю его к себе. Слава Богу, во внутреннем кармане все на месте. Никто не посмел посягнуть на мое последнее заблуждение. Даже случайность. Никто не посягает на него. *Я – свободен в своих поражениях.* Дождь заметно усиливается. Розовая лужа вскипает, опять становится прозрачной. Бордовая полоска, соединявшая левую руку с серым булыжником, исчезает. Прилечь некуда. Земли поблизости нет. Травы – тем более. Задирать голову к небу нет сил и смысла. Единственного взгляда оказалось достаточно. Небо есть отражение голой площади. Площадь есть прообраз неба. Я достаю из кармана пакет-спутник. Да, на *последнюю* операцию потребуется время: одной рукой меньше. Но жажде свойственна изобретательность. Смесь ловкости и неуклюжести вонзает шприц в вену между опухшей от ударов щиколоткой и задранной до колена штаниной. Без сомнения. Без гримас и каприза. Профессионально. Все использованные и уже не нужные принадлежности без промаха летят в канализационный люк. Вслед моему оттуда появлению. Без звука. *В вечность.* Я наотмашь крещусь. В последний раз в

жизни. Не вспоминая сцен из своего беспорядочного существования. Не каясь в своих предательствах и признаниях. Не вынося себе приговор. *В последний раз в жизни.* Я в полный рост вытягиваюсь параллельно тротуару, подперев правой рукой с трудом управляемую голову. Появляется способность слышать. Я слышу барабанную дробь дождя. Слышу барабанную дробь сквозь дождь. Ее приближение. Слышу жидкий марш одинаковых башмаков. Слышу его приближение. Проявляется почти исчезающая способность видеть. Я вижу отряд подростков-барабанщиков. В черных шортах и стерильно белых гольфах. Я вижу их наступление. Вижу, как они проходят по тротуару. Мимо меня. Я вижу их упрямые ноги. Я не вижу их упрямых лиц. Лица высоко подняты. Лица не видят меня. Есть ли у них лица? Только самый последний и самый маленький по росту на ходу поворачивается… Так это же сам Гитлер!!! Маленький!.. Настоящий!.. С усами!.. Мини-Гитлер!.. Он, смеясь, показывает мне свой маленький кулак. И тут же догоняет барабанную дробь. *МАРШ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.* Весело… Но я чувствую, что засыпаю… Будет ли моя смерть перевоплощением или всего лишь обыкновенным физическим исчезновением, не знаю… Из глаз боязливо пытаются сползти две слезы… Дождь их смывает еще в зародыше… Я улыбаюсь… Серо-черное здание напротив не улыбается мне в ответ… В голове успевает мелькнуть: *Берлин – город!*

1996